

Юридическая Библиотека

Издание Я. Канторовича.

XXIV/6

K19

№ 2

ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Съ приложеніемъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вмѣстѣ съ разъясн. по кассац. рѣшен. Сената.

.....

Я. Канторовича.

О.-ШТЕРБУРГЪ.

1895.

Handwritten marks: a box with '1895' and 'K' next to it, and a large '05' with an arrow pointing to the right.

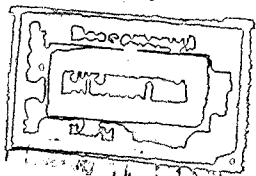
347.78(47)

ВВ72

K-198

БИБЛИОТ. А
 Всесоюз. ...
 научно-исследовательск. ... на-та
 Советского законодательства

12498

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 30 Января 1895 года.

~~ИМПРАВИТЕЛЬНО~~
~~ИЗДАНИЕ~~
~~ИЗДАНИЕ~~
 4044

924

мур

Литературная Собственность.

I.

„Литературною собственностью“ принято называть принадлежащее автору исключительное право воспроизведения и продажи своих произведений. Право это, имѣющее сходственныя черты съ правомъ собственности въ общемъ смыслѣ, вошло во многія законодательства, между прочимъ въ наше законодательство, какъ одинъ изъ видовъ собственности, и утвердило за собою сообщенный ему французскими юристами конца прошлаго столѣтія терминъ — *propriété littéraire*. Новѣйшія законодательства избѣгаютъ выраженія „*собственность*“ по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ и называютъ право авторовъ на ихъ произведенія „авторскимъ правомъ“ (*Urheberrecht, droit d'auteur, copyright*), наполняя это право самостоятельнымъ содержаніемъ и опредѣляя его, какъ „право автора механическимъ путемъ размножать письменное произведеніе“. То или другое опредѣленіе авторскаго права имѣетъ своимъ основаніемъ различныя научныя теоріи, оказывавшія, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, весьма большое вліяніе на юридическую конструкцію этого института.

Литературная собственность или авторское право, имѣя въ виду защиту имущественныхъ интересовъ авто-

ровъ, принадлежить къ числу вопросовъ частно-гражданскаго права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ литературная собственность соприкасается съ областью вопросовъ публичнаго права, такъ какъ она затрогиваетъ самые важные интересы общества—его духовные интересы. Этимъ объясняется огромный интересъ, выпавшій на долю этого вопроса въ научной литературѣ—не только юридической, но и философской—и вызвавшій обширную полемику въ законодательныхъ собраніяхъ и международныхъ литературныхъ конгрессахъ. Благодаря этому же двойственному характеру института литературной собственности, юридическая конструкция его представляетъ до сихъ поръ предметъ спора для ученыхъ и считается далеко не выясненной въ наукѣ права.

Для надлежащаго выясненія вопроса о литературной собственности необходимо предварительное ознакомленіе съ исторіею возникновенія и дальнѣйшаго развитія этого понятія. *Habent sua fata libelli!* И право автора на свою книгу имѣетъ тоже свою судьбу и исторію, весьма интересную и поучительную между прочимъ потому, что по этой исторіи можно прослѣдить культурный ростъ вѣжнаго дѣла и его значеніе въ различныя эпохи европейской образованности.

II.

Литературная собственность—понятіе новѣйшаго времени, продуктъ новѣйшихъ техническихъ, экономическихъ и культурно-общественныхъ условій жизни.

Древнему міру было совершенно чуждо это понятіе. Возврѣнія древнихъ на авторскій трудъ носили идеаль-

III.

Идея о правѣ авторовъ на ихъ произведенія впервые возникаетъ лишь съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, — съ развитіемъ типографскаго искусства, когда сдѣлалось возможнымъ одновременное сниманіе многочисленныхъ копій съ одной и той же рукописи, при неизмѣримомъ, сравнительно съ прежнимъ способомъ переписыванія рукописей, сокращеніи труда и матеріальныхъ средствъ. Приобрѣтеніе книги, благодаря этому, сдѣлалось доступнымъ по своей дешевизнѣ всѣмъ и каждому, и книга стала предметомъ торговли, получивъ рыночную цѣнность, подобно всякимъ другимъ предметамъ производства.

Благодаря удивительному изобрѣтенію Гуттенберга, создалась новая отрасль промышленности и возникъ новый источникъ дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ явились новые имущественные интересы, нуждавшіеся въ правовомъ освященіи. Само по себѣ возникновеніе новой отрасли промышленности и связанныхъ съ нею имущественныхъ интересовъ не представляло бы ничего экстраординарнаго въ смыслѣ правоваго явленія. Человѣчество безостановочно прогрессируетъ, все болѣе и болѣе раздвигая предѣлы господства надъ природой и непрерывно расширяя кругъ завоеваній въ матеріальномъ мірѣ. И право, группируя явленія гражданскаго быта, принимаемья имъ подъ свою охрану, по общимъ ихъ признакамъ, обладаетъ достаточной эластичностью, чтобы каждое вновь возникающее явленіе могло быть подведено подъ тотъ или другой типъ ужь установленныхъ юридическихъ правоотношеній, безъ надобности, на каждый разъ, въ особомъ актѣ законодательнаго нормиро-

ный характер и исключали всякія представленія о какомъ либо матеріальномъ вознагражденіи за эстетическое удовольствіе, доставляемое произведеніями литературы и искусства. Вознагражденіемъ для авторовъ служили—вѣнокъ, слава, бессмертіе. Гомеръ обходилъ греческія страны и пѣлъ свои божественныя пѣсни о подвигахъ боговъ и героевъ-полу боговъ, получая лишь гостепріимный пріемъ. Пиндару, возбуждавшему своєю воинственною пѣснію воинственный экстазъ греческихъ воиновъ, было чуждо представленіе о гонорарѣ за свой патріотическій подвигъ. Сократъ училъ истинѣ по внутреннему влеченію и не требовалъ отъ своихъ слушателей никакого вознагражденія за свои лекціи по логикѣ и философіи. Даже Афинскій театръ не служилъ мѣстомъ развлеченія, а былъ религіознымъ учрежденіемъ, въ которомъ рядомъ съ представленіями трагедій Эсхила, Еврипида и Софокла, совершались торжественные обряды въ честь Діонисія.

Въ Римской жизни литература достигла значительной степени развитія и являются даже зачатки книжной торговли. Но и для Римлянъ понятіе литературной собственности въ его современномъ смыслѣ не могло имѣть мѣста. Въ ихъ время письменный способъ передачи мыслей былъ крайне несовершененъ, произведенія литературы могли только переписываться на пергаментѣ или папирусѣ, при помощи ручнаго труда переписчиковъ, и такая переписка отдѣльныхъ экземпляровъ была сопряжена съ громадною тратой времени, труда и матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе чего каждый экземпляръ сочиненія (манускриптъ) былъ очень дорогъ и доступенъ только людямъ съ значительнымъ со-

стояніемъ. Римскіе писатели для обезпеченія своего существованія должны были искать покровительства меценатовъ, и по словамъ Момсена, „наряду съ поваромъ, красивымъ мальчикомъ, фокусникомъ, въ толпѣ греческихъ прислужниковъ, которыми окружалъ себя знатный римлянинъ, выдающуюся роль играли и философъ, поэтъ, составитель мемуаровъ“. Нѣкоторые знатные римляне, какъ рассказываетъ Сенека, окружали себя рабами, изъ которыхъ каждый зналъ наизусть всё произведенія какого нибудь поэта, такъ что по приказанію своего господина они *говорили* предъ нимъ тѣ или другіе отрывки изъ произведеній поэтовъ. При необходимости затратить трудъ и время на изготовленіе путемъ переписки каждаго отдѣльнаго экземпляра сочиненія, представлялось вполне естественнымъ, что каждый пользуется полной свободой переписывать какую угодно рукопись, и съ точки зрѣнія римскаго правосознанія являлось бы въ высшей степени страннымъ запрещеніе переписки всякому другому кромѣ одного, уполномоченнаго на то авторомъ. Поэтому римскому праву было совершенно чуждо понятіе литературной собственности, и въ наслѣдіи, доставшемся отъ римлянъ позднѣйшей юриспруденціи, не имѣется на этотъ счетъ никакихъ слѣдовъ. Въ римскомъ правосознаніи существовала не *литературная* собственность, а собственность на каждый отдѣльный экземпляръ литературнаго произведенія, на манускриптъ, какъ на тѣлесную вещь, имѣющую цѣнность въ своемъ качествѣ вещи, а не своего умственнаго содержанія.

Еще менѣе были благоприятны условія воспроизведенія и распространенія книгъ въ средніе вѣка. Пере-

писка книгъ сосредоточилась исключительно въ монастыряхъ и производилась монахами, замѣнившими прежнихъ даровыхъ переписчиковъ—рабовъ. Во всѣхъ большихъ монастыряхъ имѣлось особое отдѣленіе *Scriptorium* для переписки книгъ. Оригиналъ изъ рукъ автора переходилъ къ монахамъ-переписчикамъ. Нерѣдко текстъ книги диктовался сразу нѣсколькимъ переписчикамъ. Такъ какъ переписчики были часто люди малограмотные, то они дѣлали много ошибокъ и даже иногда искажали самый смыслъ текста. На изготовленіе одного такимъ образомъ переписаннаго экземпляра сочиненія требовалось много усидчиваго труда и довольно продолжительнаго времени, нерѣдко болѣе года, вслѣдствіе чего цѣны этихъ рукописныхъ сочиненій были крайне высокія. Сохранилось много разказовъ, свидѣтельствующихъ о баснословной дороговизнѣ книгъ въ средніе вѣка. Библиотеками могли обзаводиться лишь самыя богатые, коронованныя особы. Библиотеки, состоявшія изъ ста названій, считались весьма богатыми и составляли огромнѣйшее состояніе. *Labourer* въ своей *Histoire de Charles VI* (Paris. 1663) даетъ списокъ книгъ весьма богатой по тому времени библиотеки, принадлежавшей французскому принцу крови Герцогу Іоанну де Бери. Вся она состояла изъ 84 томовъ, въ томъ числѣ библія на французскомъ языкѣ, стоившая 400 ливровъ, библія на латинскомъ языкѣ, стоимостью въ 735 ливровъ, экземпляръ сочиненія Тита Ливія въ 135 ливровъ, книга подъ заглавіемъ *Les grandes Chroniques de Bugues* въ 80 ливровъ, книга Іоанна Боккачіо „О благородныхъ мущинахъ и женщинахъ“ въ 80 ливровъ и т. д. При этомъ Лабуереръ прибавляетъ, что Гер-

цогъ этотъ весьма любилъ книги, которыя въ то время были такъ рѣдки, что ихъ ставили въ ряду драгоценностей.¹ Людовикъ XI, желая приобрести для себя списокъ съ манускрипта арабскаго писателя Розеса, которымъ обладалъ медицинскій факультетъ Парижскаго университета, отдалъ послѣдному въ залогъ манускрипта всю свою серебрянную посуду. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ того времени особенно важное мѣсто занимали распоряженія относительно оставшихся книгъ. Книги давались въ приданное, и невѣсты, за которыми числилась библіотека изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ, считались весьма богатыми. Обыкновенно книги прикрѣплялись къ столу желѣзными цѣпями и оберегались какъ сокровище.

При глубокомъ невѣжествѣ и грубости нравовъ въ средніе вѣка, спросъ на книги былъ крайне ничтоженъ, и литература выражалась, главнымъ образомъ, въ изустныхъ пѣсняхъ, которыя пѣвцы (трубадуры, миннезингеры, минстрели и др.), распѣвали, переходя изъ одного замка въ другой. Этими пѣснями удовлетворялись умственные потребности средневѣковой публики. Чтеніе же книгъ было доступно только немногочисленному классу духовныхъ лицъ и ученыхъ, которые были далеки отъ мысли удерживать за собою, въ качествѣ авторовъ, исключительное право воспроизведенія своихъ сочиненій, а напротивъ были очень рады, если кто либо бралъ на себя трудъ переписки и тѣмъ содѣйствовалъ распространенію ихъ сочиненій.

¹ Табашниковъ Литерат. собств.. стр. 179.

ванія. Но сфера имущественныхъ интересовъ, вызванныхъ возникшей вновь отраслю промышленности—книжной, представляла одну особенность; благодаря которой это новое явленіе оставалось внѣ дѣйствія положительныхъ нормъ. Именно, возникшій новый продуктъ—экземпляръ произведенія литературы, книга, кромѣ своей цѣнности въ качествѣ вещи, имѣетъ еще другую экономическую цѣнность, въ качествѣ источника обогащенія посредствомъ дальнѣйшаго размноженія его въ однородныхъ копіяхъ и распространенія въ продажѣ. Конкретно эта особенность выразилась въ слѣдующемъ. Первые издатели, предпринимавшіе какое нибудь изданіе, должны были, разумѣется, затрачивать расходы на приобрѣтеніе рукописи, на сличеніе съ другими рукописями, на исправленіе ошибокъ и т. д., разсчитывая возмѣститъ всѣ свои расходы сбытомъ книги. На дѣлѣ же оказывалось, что, выпустивши въ свѣтъ книгу, они вскорѣ встрѣчали убыточную для себя конкуренцію въ лицѣ другихъ издателей, которые, пользуясь отпечатаннымъ экземпляромъ, перепечатывали его, не затрачивая никакихъ предварительныхъ расходовъ, какіе имѣли первые издатели, и продавали книгу по цѣнѣ болѣе дешевой, убивая такимъ образомъ первое изданіе. Несправедливость такого порядка вещей живо чувствовалась тогдашнимъ обществомъ, въ средѣ котораго раздаются постоянныя жалобы на контрофакторовъ и упреки въ ихъ безчестности. Такъ Лютеръ, Эразмъ Ротердамскій и другіе горько жалуются на контрофакторовъ, осыпая ихъ упреками и называя ихъ ворами. Но какъ ни чувствовалась несправедливость контрофакціи и вредъ, приносимый ею частному интересу,—юридическая защита нарушаемыхъ ин-

тересовъ была совершенно невозможна, потому что нельзя было это явленіе ни юридически конструировать, ни найти для него мѣсто въ какой нибудь нормѣ гражданского или уголовного законодательства, которое не знало понятія контрофакціи. Попытки тогдашнихъ ученыхъ мотивировать неправомѣрность контрофакціи ограничивались лишь указаніями на ея несоотвѣтствіе требованіямъ естественнаго права и справедливости и не шли дальше этихъ соображеній, которыя, конечно, не могли, имѣть никакихъ практическихъ результатовъ, въ смыслѣ прекращенія контрафакціи. Получился, такимъ образомъ вновь возникшій *нарушенный* интересъ одной группы людей, — благодаря дѣйствіямъ другой группы, и требовалось вмѣшательство законодательной власти для его охраны. Это и былъ первый моментъ будущаго гражданского института, зародившагося, какъ всегда въ правѣ, на почвѣ борьбы противоположныхъ интересовъ.

Издатели для защиты своихъ интересовъ стали обращаться къ заступничеству правительственной власти. Но для изданія соотвѣтственной законодательной мѣры о контрофакціи не было еще тогда правосознаніемъ выработано научной формулы юридическихъ основаній авторскаго права, и заступничество власти на первыхъ порахъ выразилось въ томъ, что правительствами выдавались отдѣльныя привилегіи издателямъ, ходатайствовавшимъ о томъ предъ правительствомъ. Привилегіи выдавались отдѣльно на каждый случай, печатались на первой страницѣ книги и заключали въ себѣ дарованіе исключительнаго права на печатаніе изданія указанному издателю и запрещеніе всѣмъ другимъ его перепечаты-

вать. Древнѣйшая изъ привилегій была выдана Венеціанской Республикой 3-го января 1491 г. юристу Петру Равенскому, магистру каноническаго права, по поводу его сочиненія „Phonix“. Приводимъ содержаніе этой привилегіи, такъ какъ въ ней очень характерно выразились представленія того времени о литературной собственности. Она гласила слѣдующее:

„Явившійся къ свѣтлѣйшему вождю и въ славныя наши владѣнія знатный юрисконсультъ по имени Петръ изъ Равенны, читающій каноническое право, почтительно заявилъ, что въ теченіе всей своей жизни употребилъ весьма много старанія и труда... почему смиренно просилъ, дабы запрещено было другимъ собирать плоды его трудовъ и бессонныхъ ночей. Признавая справедливость и пристойность этой просьбы... повелѣвается, чтобы никто не осмѣливался въ городѣ Венеціи и во всѣхъ подвластныхъ намъ славныхъ владѣніяхъ печатать или продавать напечатанные экземпляры сказаннаго сочиненія, озаглавленнаго Phonix, подъ страхомъ конфискаціи этихъ экземпляровъ и уплаты двадцати пяти ливровъ за каждый изъ нихъ. Тому же наказанію подлежать и тѣ, кои станутъ продавать въ вышеназванныхъ славныхъ владѣніяхъ тѣже книги, напечатанныя въ другихъ мѣстахъ, исключая только того типографа, которому вышесказанный докторъ это разрѣшить“¹.

Такимъ образомъ привилегія, даруемая правительствомъ издателямъ, была первоначальной формою защиты интересовъ первыхъ издателей, а вмѣстѣ съ ними и авторовъ, получавшихъ отъ нихъ гонораръ и заинте-

¹ Табашниковъ. «Лит. муз. и худож. собств.», стр. 188.

ресованныхъ въ успѣхѣхъ предпринимаемыхъ первыми изданій. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія книжной торговли и издательскаго дѣла, такое казуистическое разрѣшеніе вопроса о контрофакціи, въ видѣ отдѣльныхъ привиллегій *ad hoc*, сдѣлалось недостаточнымъ, неудобнымъ, настояла потребность обобщить всѣ отдѣльные случаи, возвести привиллегіи въ общее правило и издать общій законъ, нормирующій и защищающій авторовъ и издателей отъ приносимаго имъ контрофакціею ущерба, — независимо отъ ходатайствъ о томъ отдѣльныхъ издателей. Такой переходъ отъ частныхъ привиллегій къ общему закону совершается, начиная съ XVIII столѣтія, во всѣхъ западноевропейскихъ государствахъ, законодательства которыхъ помѣщаютъ въ своихъ гражданскихъ кодексахъ законоположенія о контрафакціи, образовавшія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи нынѣ дѣйствующіе законы объ авторскомъ правѣ.

IV.

Исторія постепеннаго развитія института такъ называемой литературной собственности въ положительныхъ законодательствахъ идетъ рядомъ съ научнымъ анализомъ того, что называется правомъ авторовъ на ихъ творенія, — выясненіемъ юридической природы авторскаго права, мѣста, принадлежащаго ему въ общей системѣ права, основаній, объекта и содержанія этого права, влекущаго за собою неправомѣрность контрафакціи. Необходимо было выяснить и обосновать всѣ эти вопросы прежде, чѣмъ построить юридическій институтъ на томъ мѣстѣ, на которомъ обычаемъ и правосознаніемъ ничего раньше

не было заложено. И вотъ со стороны матеріально заинтересованнаго въ этомъ вопросѣ сословія писателей и издателей, а также и ученыхъ юристовъ и философовъ усердно ищется формула этого вновь народившагося права, и нѣтъ числа ученіямъ, теоріямъ и возрѣніямъ, выставленнымъ по этому предмету въ цѣломъ рядѣ трактатовъ, изслѣдованій, полемическихъ брошюръ и т. д., въ преніяхъ законодательныхъ собраній и правительственныхъ комиссій, при обсужденіи многочисленныхъ законопроектовъ о литературной собственности, и наконецъ въ новѣйшее время—въ дебатахъ на международныхъ литературныхъ конгрессахъ. Изложеніе всѣхъ этихъ ученій и сужденій вмѣстѣ съ критической оцѣнкой ихъ представило-бы весьма обширную и сложную работу, и мы ограничимся лишь краткимъ обзоромъ главныхъ теорій, объясняющихъ основанія и существо авторскаго права.

Всю массу теорій и возрѣній на литературную собственность, выставленныхъ изслѣдователями этого вопроса, можно свести къ двумъ главнымъ принципіальнымъ взглядамъ и соотвѣтственно этому распредѣлить изслѣдователей по двумъ группамъ. Къ одной группѣ принадлежатъ писатели, которые принимаютъ произведенія литературы, науки, искусства, вообще такъ называемыя умственные произведенія за одинъ изъ видовъ собственности, относя право авторовъ на ихъ произведенія къ категоріи вещныхъ правъ и основывая институтъ литературной собственности на общихъ началахъ собственности, по аналогіи съ правомъ собственности на тѣлесныя вещи.

Они говорятъ: Основаніемъ всякой собственности служить трудъ. Произведенія литературы, наукъ и

искусства — не въ ихъ внѣшней матеріальной оболочкѣ, а въ ихъ внутреннемъ умственномъ содержаніи — составляютъ такой-же продуктъ индивидуальнаго труда, какъ и всякіе другіе продукты, обращающіеся въ гражданскомъ оборотѣ. Права авторовъ на ихъ произведенія ничѣмъ не отличаются отъ правъ земледѣльца, ткача, кустаря на ихъ произведенія и на-равнѣ съ послѣдними должны пользоваться защитой закона на общихъ основаніяхъ охраны благопріобрѣтенной собственности. Затѣмъ, чтобы еще болѣе утвердить эту точку зрѣнія и устранить всякія сомнѣнія, невольно вызываемыя фиктивностью этой своеобразной, незримой, безтѣлесной собственности, писатели эти прибавляютъ указанія на священность и неприкосновенность умственной собственности, заслуживающей признанія и уваженія въ большей степени, чѣмъ собственность матеріальная, ибо послѣдняя играетъ лишь нисшую служебную роль въ то время, какъ первая раздвигаетъ горизонты и освѣщаетъ своимъ свѣтомъ міръ, и ссылаются на то, что трудъ писателей, работающихъ кровью своего мозга и нервами своего сердца, несравнимо болѣе тяжкій трудъ, чѣмъ трудъ физическихъ работниковъ. На этомъ основаніи сторонники литературной собственности требуютъ признанія ея положительными законодательствами на основаніяхъ и въ объемѣ установленнаго наукой гражданского права института собственности въ общепринятомъ смыслѣ, съ примѣненіемъ къ этому виду собственности всѣхъ послѣдствій принципа собственности — безусловности, неограниченности и безсрочности.

Эта теорія имѣла особенный успѣхъ среди французскихъ писателей конца прошлаго столѣтія, развивав-

шихъ ее въ многочисленныхъ брошюрахъ и памфлетахъ и, въ особенности, въ дебатахъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Она явилась отраженіемъ революціонныхъ идей о правахъ личности и была выдвинута, какъ протестъ противъ установившагося порядка продажи издательскихъ привилегій, которымъ дореволюціонное правительство пользовалось въ своихъ интересахъ, какъ средствомъ для извлеченія государственныхъ доходовъ, въ ущербъ интересамъ авторовъ, влачившихъ жалкое существованіе, благодаря алчности и эксплуататорству издателей и книгопродавцевъ. Этимъ объясняется страстный полемическій характеръ памфлетовъ, какъ „Lettres à un ami“ абата Pluquet, анонимнаго памфлета подъ заглавіемъ „Memoires sur les vexations qu'exercent les Libraires et imprimeurs de Paris“ и многочисленнымъ мемуаровъ и петицій, вызванныхъ борьбой съ привилегіями, по поводу изданныхъ въ 1778 г. извѣстныхъ правительственныхъ arrêtés. Въ противоположность принципу, лежавшему въ основѣ привилегій, что исключительное право изданія дается государствомъ, какъ уступка, какъ милость, тому или другому издателю, была выдвинута теорія о принадлежащемъ автору безспорномъ, независимомъ отъ привилегіи и основанномъ на естественныхъ правахъ личности, правѣ собственности на продуктъ его ума.

Подъ вліяніемъ этой теоріи, французскій законъ 1793 г., впервые послѣ революціи регулировавшій законоположенія о правахъ авторовъ и издателей на литературныя произведенія, присвоилъ авторскому праву терминъ propriété littéraire, послужившій отправной точкой для юридическаго конструирования этого инсти-

туда какъ въ дальнѣйшемъ законодательствѣ Франціи, такъ и въ законодательствахъ другихъ странъ. Въ дебатахъ по поводу этого закона, а также въ слѣдовавшемъ затѣмъ цѣломъ рядѣ законодательныхъ комиссій превозглашался принципъ полной безусловной литературной собственности и высказывались требованія, сущность которыхъ весьма ярко выражена въ афоризмѣ Альфонса Карра: *que la propriété littéraire soit enfin une propriété!*

Но замѣчательно: каждый разъ, когда вопросъ этотъ дебатировался въ законодательныхъ собраніяхъ на почвѣ предварительныхъ общихъ теоретическихъ сужденій, собранія, подѣ влияніемъ увлекательныхъ рѣчей ораторовъ о священности и неприкосновенности умственной собственности, единогласно принимали резолюціи, превозглашавшія принципъ полной, безусловной, вѣчной литературной собственности, аналогичной съ другими видами собственности. Но затѣмъ, когда приходилось эти общія сужденія формулировать въ видѣ точнаго опредѣленія закона и примѣнить къ произведеніямъ литературы всѣ послѣдствія превозглашеннаго принципа, — обнаруживалась невозможность примѣненія этого принципа, и на мѣстѣ литературной собственности оказывалось ограниченное во времени и объемѣ простое право авторовъ на исключительное пользованіе изданіями своихъ произведеній. Такъ было съ закономъ 1793 г., изданію котораго предшествовалъ докладъ Лаканаля, превозгласившаго восторженно принятый всѣмъ собраніемъ принципъ полной литературной собственности, по словамъ докладчика, болѣе священной и безспорной, чѣмъ другіе виды соб-

ственности, — а въ законѣ эта *безспорная* собственность была ограничена 10-лѣтнимъ срокомъ. Тоже самое повторилось съ законодательными комиссіями 1825, 1836, 1839 и 1861 г. Въ послѣдней комисіи, учрежденной Наполеономъ III подъ предсѣдательствомъ министра Валуевскаго, была принята слѣдующая резолюція: „Принявъ въ соображеніе, что произведенія ума и искусства составляютъ настоящую собственность и что посему справедливость требуетъ, чтобы эта собственность длилась безконечно, комиссія полагаетъ нарядить редакціонный комитетъ для написанія проекта устава о собственности литературной и артистической, съ тѣмъ, чтобы комитетъ взялъ за основаніе своей работы принципъ безсрочности“. Однако комитету пришлось отступить отъ предложеннаго ему принципа, такъ какъ, при всѣхъ его стараніяхъ, оказалось невозможнымъ умѣстить литературную собственность въ ложѣ института собственности, и работа комитета кончилась установленіемъ срочнаго авторскаго права.

Благодаря этому постоянно обнаруживавшемуся разладу между возвыщаемымъ принципомъ и его примѣненіемъ въ опредѣленіяхъ закона, указывающему на полную несообразность примѣненія къ литературнымъ произведеніямъ неподходящаго чуждаго принципа, теорія литературной собственности отвергнута всѣми законодательствами и осталось лишь въ видѣ одного заглавія авторскаго права. Въ настоящее время она имѣетъ весьма мало послѣдователей и въ ученой литературѣ.

Научное обоснованіе авторскаго права, какъ одного изъ видовъ собственности, сводится у всѣхъ приверженцевъ этой теоріи къ сравненію литературнаго произведе-

В. С. Соловьевъ

В. С. Соловьевъ

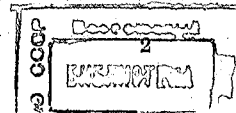
Университет
Библиотечный
фонд
Д. Ф. ГИМАН

12498

нія съ „вещью“. Одинъ изъ сторонниковъ этой теоріи нѣмец. юристъ Эйзенлоръ¹ называетъ литерат. произведе-
 ніе „*оформленную идею*“, въ параллель съ вещью, какъ „*оформленную матерію*“ Такою же параллель между произведеніями науки и искусства, такъ назыв. умствен-
 ными произведеніями и продуктами матеріальнаго міра проводятъ Кремеръ, Фалькманъ, Гейдеманъ и другіе юри-
 сты и также нѣкоторые изъ экономистовъ, какъ извѣстный франц. экономистъ Лабуле. Послѣдній сопоставляетъ приоб-
 рѣтеніе авторскаго права съ первоначальнымъ способомъ приоб-
 рѣтенія—аккупаціею и сравниваетъ автора, разра-
 батывающаго свою идею въ формѣ литерат. произведенія, съ земледѣльцомъ, собирающимъ плоды съ занятого имъ для разработки поля². Другой нѣмецкій политико-эко-
 номъ Адольфъ Вагнеръ³ находитъ въ институтѣ литера-
 турной собственности подкрѣпленіе проводимой имъ *ле-
 гальной* теоріи собственности, именно теоріи, по которой основаніе всякаго права собственности лежитъ не въ завладѣніи и трудѣ, согласно господствующимъ уче-
 ніямъ о собственности, а исключительно во вѣншемъ моментѣ — въ положительномъ законѣ, въ признаніи права собственности со стороны государственной власти. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Вагнеръ считаетъ ав-
 торское право новымъ видомъ собственности—духовною собственностью, которая выдвинута прогрессирующимъ правовымъ развитіемъ жизни и которая должна быть включена въ общую систему собственности. По мнѣнію Вагнера, наша система собственности, покоящаяся

¹ Eisenlohr, Die literarisch-artistische Eigentum und Verlagsrecht 1855.
² Laboulaye, Etudes sur la propriété littéraire en France et en Angleterre.
³ Wagner, Lehrbuch der Politischen Oekonomie,

Литер. советъ

ЕДИНОВЕРСТЕНА
Восстановлено

въ рамкахъ понятій и формъ римской жизни, не соотвѣтствуетъ современнымъ новѣйшимъ условіямъ, техническимъ и экономическимъ, общественной жизни, — такъ какъ временамъ неразвитой духовной жизни и несовершенныхъ техническихъ и экономическихъ условій соотвѣтствуетъ право собственности только на тѣлесныя вещи, а нашему времени должно отвѣчать установленіе болѣе широкаго понятія о правѣ собственности, которое допускало бы возможность включить въ это понятіе также право духовной собственности.

Въ русской литературѣ, въ которой вопросъ о литер. собств. вообще очень мало разработанъ, сторонникомъ теоріи *собственности* литературной, является проф. Табашниковъ¹, который обнаруживаетъ въ своемъ изслѣдованіи крайнюю односторонность взглядовъ и доводитъ сравненіе литерат. произведеній съ матеріальными вещами до полного тождества. „По нашему мнѣнію, говоритъ проф. Табашниковъ, сочиненіе есть вещь; эта вещь, хотя и не похожа на остальные, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ реальное бытіе, распознается внѣшними чувствами и способна къ воспроизведенію до безконечности и къ денежной оцѣнкѣ“. На этомъ основаніи проф. Табашниковъ не признаетъ никакихъ ограниченій для авторскаго права и требуетъ полного сравненія этого права съ правомъ собственности на началахъ безусловности, неограниченности и вѣчности.

---

¹ Табашниковъ, литер. музык. и худож. собств. 1878 г.

V.

Теорія литературной собственности подверглась весьма сильной критикѣ со стороны многихъ ученыхъ юристовъ и экономистовъ, которые, идя путемъ логики и научнаго анализа, приходятъ къ полному отрицанію литературной собственности, въ виду совершеннаго отсутствія, въ этомъ понятіи объекта собственности — *вещи*, безъ которой выраженіе „литературная собственность“, „*propriété littéraire*“ мыслимо лишь, какъ метафора, но не какъ юридическое понятіе, выражающее реальный видъ собственности.

Самымъ яркимъ выразителемъ взгляда, отрицающаго литературную собственность, является Прудонъ, который въ своей извѣстной брошюрѣ, переведенной также на русскій языкъ, „*Majorats littéraires*“ всесторонне и обстоятельно разсматриваетъ этотъ вопросъ и со свойственною ему рѣзкою послѣдовательностью и силою діалектическаго таланта шагъ за шагомъ разбираетъ все строеніе теоріи о литературной собственности. Прудонъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и особенно подробно останавливается на выясненіи того, что принимается за объектъ литературной собственности, — съ точки зрѣнія науки политической экономіи. И онъ приходитъ къ неопровержимому выводу, что установленіе литературной собственности представляетъ *non sens*, абсурдъ, такъ какъ такая собственность противорѣчитъ всѣмъ принципамъ науки политической экономіи. Ибо ее нельзя вывести ни изъ понятія *продукта*, ни изъ понятій *мнны*, *кредита*, *капитала*, *процента*. Къ какой бы категоріи эконо-

мическихъ отношеній ни относить авторское право, — въ этомъ правѣ ничего иного нельзя находить, кромѣ права автора, какъ производителя, на продуктъ его труда, въ видѣ отпечатанныхъ экземпляровъ, а это право осуществляется имъ по общему закону всякой мѣны, по которому товаръ съ момента продажи переходитъ въ полную собственность покупателя. Ничего иного, кромѣ обмѣна услугами и продуктами между авторомъ и обществомъ, нѣтъ; авторъ продаетъ результаты своихъ умственныхъ трудовъ—книгу и получаетъ отъ общества въ обмѣнъ другія услуги и произведенія труда. Можно говорить объ установленіи въ пользу автора, въ виду многихъ весьма справедливыхъ основаній, привилегіи исключительнаго, на извѣстный срокъ, права изданія своихъ произведеній, но абсурдно, съ точки зрѣнія науки политической экономіи, примѣнять къ авторскому праву законы ренты, ибо автора нельзя уподобить капиталисту или землевладѣльцу, извлекающему непрерывный доходъ изъ своей собственности. Основаніе земельной собственности лежитъ въ ограниченности почвы, которую съ незапамятныхъ временъ, еще раньше всякаго положительнаго закона, люди раздѣлили между собою—путемъ ли завладѣнія, захвата или иными способами,—а впослѣдствіи время и законъ освятили неприкосновенность этой собственности. Но та почва, на которой работаютъ представители литературы, науки и искусства—область мыслей, идей, художественныхъ образовъ не можетъ состоять въ частной собственности и не подлежитъ размежеванію по отдѣльнымъ участкамъ при помощи пограничныхъ знаковъ... Затѣмъ, разсматривая литературную собственность съ точки

зрѣнія общественной этики и сравнивая услугу писателя съ услугами духовныхъ лицъ, судей, профессоровъ и т. д., Прудонъ говоритъ: „Къ сферѣ интеллектуальной непримѣнимъ принципъ завладѣнія; въ эту сферу не допускается эгоизмъ и продажность. Религія, правосудіе, наука, поэзія, искусство теряютъ все свое значеніе, какъ только они дѣлаются объектомъ торга, потому что ихъ распредѣленіе и вознагражденіе подчинены совершенно другимъ правиламъ, чѣмъ распредѣленіе и вознагражденіе промышленныхъ продуктовъ“. Въ такомъ же смыслѣ Прудонъ выражается въ одномъ изъ своихъ писемъ по поводу Брюссельскаго конгресса 1858 г., по поводу котораго, полемизируя съ извѣстнымъ защитникомъ теоріи литературной собственности Жюль-Симономъ, Прудонъ пишетъ: „Дѣло идетъ о непродажности всего, относящагося къ уму и совѣсти. Въ этомъ смыслѣ міръ *полезнаго* и міръ *справедливаго, истиннаго, прекраснаго* составляютъ двѣ отличныя одна отъ другой области. Экономисты до такой степени утратили нравственный смыслъ, что не понимаютъ этого. Они не видятъ, что *истинное, прекрасное, справедливое* представляютъ собою религію будущаго, что эта религія, точно также какъ христіанство, священна и что все погибнетъ, если признаютъ на общихъ основаніяхъ литературную собственность“.

Другой французскій писатель Ренуаръ ¹, доказывая несостоятельность теоріи литературной собственности съ точки зрѣнія науки права, останавливается затѣмъ на вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя произошли

---

¹ Renouard. «Traité des droits d'auteurs, dans la littérature, les sciences et les beaux arts».

бы для общества отъ примѣненія къ произведеніямъ литературы, науки и искусства принципа собственности и отъ закрѣпощенія ихъ на вѣки вѣчные за авторами и ихъ потомствомъ. „...Произведенія ума, говоритъ Ренуаръ, не будутъ уже принадлежать человѣчеству; они станутъ товаромъ и будутъ котироваться на биржѣ... Этихъ послѣдствій достаточно для осужденія догмы литературной собственности. Хотя теоріи становятся убѣжденіями людей путемъ изслѣдованія ихъ основаній, но оцѣнка ихъ производится по послѣдствіямъ; теорія есть регуляторъ практики, но за то практика есть пробный камень теоріи. Если принципъ собственности, будучи приложенъ къ произведеніямъ мысли, не можетъ привести къ инымъ послѣдствіямъ, кромѣ невозможныхъ и опасныхъ, мало того, если онъ не приводитъ къ результатамъ полезнымъ для человѣчества и для благосостоянія общества, то на этомъ одномъ основаніи ужъ можно смѣло утверждать, что въ отношеніи къ означеннымъ произведеніямъ онъ не есть принципъ истинный... Такимъ образомъ, заключаетъ Ренуаръ, литературная собственность, рассматриваемая философски въ своихъ основаніяхъ — есть заблужденіе, олицетворенная практически въ своихъ послѣдствіяхъ — есть социальное зло“¹.

Въ такомъ же смыслѣ, исходя изъ точки зрѣнія утилитарно-общественной, высказался также Наполеонъ I въ одномъ изъ засѣданій государственнаго совѣта отъ 2 сентября 1808 года. Приводимъ это мнѣніе Наполеона, содержащее въ себѣ въ краткой и выразительной формѣ практическіе мотивы необходимости ограни-

¹ Табашниковъ. Стр. 82.

ченія литературной собственности. „Вѣчность собственности въ семействахъ авторовъ, говоритъ Наполеонъ, приведетъ къ неудобствамъ. Литературная собственность есть собственность безтѣлесная, которая будучи теченіемъ времени и преемственными переходами раздѣлена между множествомъ индивидовъ, кончится тѣмъ, что перестанетъ существовать для всѣхъ, ибо какимъ образомъ большое число собственниковъ, часто далеко другъ отъ друга живущихъ и спустя нѣсколько поколѣній, едва знающихъ другъ друга, согласятся и подѣлять между собою расходы на перепечатку общаго имъ автора? А между тѣмъ если это, имъ не удастся и если имъ однимъ будетъ принадлежать право изданія, то лучшія книги незамѣтно выйдутъ изъ употребленія. Кромѣ того представится другое, не менѣе важное неудобство. Прогрессъ просвѣщенія будетъ остановленъ, такъ какъ комментировать и дѣлать примѣчанія къ сочиненіямъ не будетъ дозволено, а толкованіе, примѣчанія и комментаріи не могутъ быть отдѣлены отъ текста, на печатаніе котораго комментаторы не имѣютъ права“¹.

Наиболѣе вѣсскія возраженія встрѣтила теорія литературной собственности среди нѣмецкихъ писателей разработавшихъ этотъ вопросъ съ большою обстоятельностью и всею силою научнаго анализа. Этому предмету посвящены изслѣдованія цѣлаго ряда выдающихся нѣмецкихъ цивилистовъ. Вехтеръ, Юлли, Клостерманъ, Герберъ, Гарумъ, Блюнчли, Безелеръ и другіе—рѣзко вооружаются противъ установленія литературной собственности, доказывая абсурдность, бессодержательность этого понятія, основаннаго на невѣрной аналогіи съ

¹ Тамъ же, стр. 72.

общеустановленнымъ въ наукѣ права понятіемъ собственности, съ которымъ литературная собственность не имѣетъ ничего общаго, кромѣ чисто метафорическаго сближенія. Герберъ говоритъ: „...Что касается умственнаго содержанія рукописи, то особое право на него юридически вовсе немислимо. Если кто либо, съ позволенія или безъ позволенія автора, читаетъ его произведеніе и усваиваетъ себѣ мыслительное содержаніе его, то объ искѣ, вытекающемъ изъ похищенія мыслительнаго имущества, тутъ и рѣчи быть не можетъ. Все, что въ этомъ отношеніи приводилось въ качествѣ содержанія авторскаго права, сводится къ тому, что авторство даннаго лица есть *историческій* фактъ. Если писатель предъявляетъ къ публикѣ притязаніе на признаніе его авторомъ ученаго открытія, то это нисколько не отличается отъ того, когда полководецъ требуетъ признанія его побѣдителемъ въ данномъ сраженіи... Юридическая защита мыслей, независимо отъ своей практической неосуществовимости, служила бы не столько защитой, сколько униженіемъ этихъ мыслей и вырожденіемъ права, ибо всякій видъ умственной дѣятельности могъ бы быть отнесенъ къ области корыстныхъ дѣланій“¹. Вехтеръ находитъ даже опаснымъ подводить авторское право подъ понятіе собственности, такъ какъ это значило бы „злоупотреблять словомъ и лишитъ собственность ея существеннаго значенія, растворивъ ее въ понятіи имущественнаго права вообще“².

Весьма удачно формулирована несостоятельность теоріи литературной собственности англійскими юристами-прак-

¹ Gerber, „Ueber die Natur der Rechte des Schriftstellers und Verlegers“.

² Wächter, „Das Autorrecht nach dem gemeinen deutschen Rechte“.

тиками, которые, по поводу одного судебного спора между двумя лондонскими издателями, высказали слѣдующіе доводы:

„Всякая вещь, чтобы состоять въ чьей либо собственности, должна быть способна къ тому; она должна обладать такими качествами, которыя давали бы возможность овладѣть ею, наложить на нее печать исключительнаго господства, устраняющаго отъ пользованія ею всякое третье лицо. Но такъ называемая литературная собственность не обладаетъ ни однимъ такимъ признакомъ. *Объектъ* ея не есть тѣлесная вещь, такъ какъ въ ней дѣло идетъ не объ отпечатанной бумагѣ, но о содержащихся въ книгахъ мысляхъ, лишенныхъ тѣла, а потому неосязаемыхъ. Она не способна къ *оккупации* или *владѣнію*, потому что для того или другаго необходимо такой моментъ времени, съ котораго бы они начинались. Но когда же, спрашивается, начинается право автора? Съ момента ли зарожденія въ его головѣ идей его книги, съ момента ли изображенія этихъ идей на бумагѣ или съ момента изданія книги? Въ первыхъ двухъ случаяхъ нелѣпо было бы утверждать, что ему принадлежитъ преимущественное право на эту идею и что онъ вправѣ воспрепятствовать другимъ обнародывать ту же идею; въ послѣднемъ же случаѣ странно было бы считать ее частною собственностью съ того именно дня, когда она становится общою. Далѣе, у нея нѣтъ характеристическихъ признаковъ *собственности*, ибо на идею невозможно наложить какую либо печать *частнаго* господства; идеи незримы и не подлежатъ внѣшнему *обладанію*. Она не можетъ состоять въ исключительномъ *пользованіи*, такъ какъ мысли будучи разъ обнародованы,

выходятъ изъ сферы частнаго господства автора и становятся общимъ достояніемъ, какъ воздухъ и вода ¹.

VI.

На мѣсто теоріи о литературной собственности юристами, не признающими авторское право за право собственности, были выставлены различныя другія теоріи — для объясненія существа и основаній этого института. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія теоріи.

Теорія, основывающая авторское право на *договоръ* между авторомъ и публикою. Теорія эта относитъ авторское право къ категоріи обязательственныхъ правъ и прибѣгаетъ для этого къ помощи фикціи о молчаливомъ соглашеніи, будто бы возникающемъ, при обнародованіи книги, между авторомъ и публикой — не только современной публикой, но и далекимъ потомствомъ — соглашеніи, въ силу котораго авторъ, продавая книгу, сохраняетъ за собою исключительное право воспроизведенія сочиненія, а покупатель, приобретаая книгу, обязывается не перепечатывать ее. Представителями этой теоріи являются преимущественно нѣмецкіе цивилисты: Пюттеръ, Опшелъ, также итальянскій юристъ Манцони.

Другая теорія признаетъ авторское право *личнымъ* правомъ и основываетъ неправомерность контрафакціи на правахъ личности автора (*Rechte der Person*), достоинству и чести котораго наносится оскорбленіе перепечатываніемъ его произведенія безъ его согласія. Къ представителямъ этой теоріи принадлежатъ нѣкото-

¹ Табашниковъ, стр. 325.

рые изъ выдающихся нѣмецкихъ юристовъ — Блюнчли, Безелеръ, Ортлофъ, Гарейсъ, Гарумъ, Гирке, Данъ.

Ортлофъ ¹ доводитъ эту теорію о личномъ характерѣ авторскаго права до того, что сопоставляетъ созданіе литературнаго произведенія съ рожденіемъ дѣтей и приравниваетъ авторское право къ отеческой власти. По его мнѣнію, созданіе духовнаго произведенія представляетъ такой же юридическій актъ, какъ произведеніе на свѣтъ дѣтей, и подобно отеческой власти, авторское право существуетъ совершенно независимо отъ воли законодателя, какъ естественное проявленіе правоспособной личности автора, и въ силу этого имѣетъ право на признаніе и защиту со стороны государства и закона. Гарейсъ ² относитъ авторское право къ особой категоріи правъ, которыя онъ называетъ *Individualrechte*, юридическая сущность которыхъ основана на томъ правовомъ положеніи, что государство обезпечиваетъ за каждымъ индивидуумомъ право на проявленіе своей индивидуальности. Этой присущей каждому потребности къ проявленію своей индивидуальности соотвѣтствуютъ многочисленныя индивидуальныя права, какъ права охраняющія неприкосновенность и свободу личности, права на имя (фирму) и честь, право авторское, художественное и музыкальное.

Третья теорія, представителемъ которой является Герберъ ³, основываетъ неправомѣрность контрафакціи, исключительно на предписаніи уголовнаго закона. По

---

¹ Orloff, Das Autor-und Verlagsrecht.

² Gareis, Das juristische Wesen der Autorechte, sowie des Firmen-und Markenschutzes.

³ Gerber, Ueber die Natur der Rechte des Schriftstellers und Verlegers.

мнѣнію Гербера, совершенно не существуетъ авторскаго права, какъ частно гражданскаго института, а существуетъ только въ положительномъ законѣ запрещеніе перепечатки чужаго произведенія—запрещеніе, основанное на тѣхъ или другихъ соображеніяхъ законодателя—и нарушение этого запрещенія влечетъ за собою обязательство *ex-delictu*, что и создаетъ такъ называемое авторское право.

Указанныя теоріи основаны на попыткахъ подвести авторское право подъ одну изъ категорій, установленныхъ въ системѣ права. Въ этихъ попыткахъ ярко выразилась склонность юристовъ слѣдовать по пути, предложенному римскимъ правомъ, и боязнь отступать отъ этого пути въ сторону новыхъ требованій прогрессирующей правовой жизни. Стремленіе юристовъ во что-бы то ни стало включить авторское право въ рамки установленныхъ категорій права и поставить этотъ институтъ въ органическую связь съ общими правоположеніями, привело къ результатамъ операціи съ прокустовымъ ложемъ: авторское право оказалось слишкомъ незначительнымъ, чтобы наполнить собою широкое понятіе собственности, и слишкомъ сложнымъ по своему содержанию, чтобы умѣститься въ рамкахъ, которыя ему даютъ различныя теоріи, силящіяся объяснить его существо. Неудачность этихъ попытокъ побудила ученыхъ отказаться отъ стремленія подчинить авторское право какимъ-либо установленнымъ категоріямъ, и въ послѣднее время среди ученыхъ все болѣе распространяется взглядъ на авторское право, какъ на совершенно самостоятельное правовое явленіе, не находящееся ни въ какой связи съ общими гражданскими правоположеніями.

Такую правильную постановку, вопросъ объ авторскомъ правѣ получилъ лишь въ новѣйшее время, именно въ нѣмецкой литературѣ послѣднихъ трехъ десятилѣтій, разработавшей этотъ вопросъ съ большою обстоятельностью, по случаю предстоявшаго изданія новаго германскаго закона о правахъ авторовъ на ихъ произведенія отъ 11 Юня 1870 г. Авторское право (Urheberrecht) разсматривается новѣйшими цивилистами, какъ совершенно особое самостоятельное право, освященное положительнымъ закономъ не въ силу какихъ-либо общегражданскихъ правовыхъ основаній, а въ силу особыхъ соображеній чисто полицейскаго свойства. При такой постановкѣ вопроса, авторское право является не результатомъ общеустановленныхъ гражданскихъ правоотношеній, подъ которыя стремились его подвести прежнія теоріи, а скорѣе изъятіемъ изъ нихъ, установленнымъ закономъ въ пользу писателей, съ цѣлью, путемъ предоставленія автору исключительнаго права воспроизведенія своихъ произведеній, доставить справедливую и разумную премію писательскому труду, неподдающемуся иной оцѣнкѣ. „Авторъ, говоритъ Шефле¹, какъ рабочій, долженъ получить свою плату. Но по свойству продукта нѣтъ возможности получить эту плату сразу, а потому закономъ создана для автора возможность выручить слѣдующее ему вознагражденіе въ теченіе извѣстнаго времени, при постепенной промысловой эксплуатаціи произведенія... Авторское право, такимъ образомъ, есть искусственный снарядъ для обезпеченія за авторами ренты за ихъ трудъ“².

¹ Schöffle. „Die nationalökonomische Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnisse“.

² Спасовичъ. О литерат. собственности, «Вѣстн. Европы» 1874 г.

Другой нѣмецкій цивилистъ Клостерманъ говоритъ: „Существо умственной собственности состоитъ въ ограниченіи свободы третьихъ лицъ, коимъ воспрещается размноженіе сочиненія помимо воли автора. Въ силу этого, умственная собственность относится къ тѣмъ классамъ правъ, которыя обозначаются словомъ „регалыя привиллеги (Gerechtigkeiten) или слишкомъ узкимъ названіемъ промысловыхъ правъ (Gewerbeberechtigungen) и которыя всё сходятся въ томъ, что только управомоченный въ правѣ совершать извѣстныя дѣйствія (исключительное право охоты, желѣзнодорожныя привиллеги и т. п.“) ¹. Въ такомъ же смыслѣ высказывается Юлли ², который видитъ существо авторскаго права исключительно въ запрещеніи чего-то третьимъ лицамъ, въ требованіи отъ нихъ воздержанія отъ извѣстнаго дѣйствія. Это ограниченіе свободы третьихъ лицъ, по мнѣнію Юлли, установлено закономъ въ пользу авторовъ по соображеніямъ цѣлесообразности и справедливости, такъ какъ допущеніе контрафакціи съ одной стороны убило бы издательское дѣло и тѣмъ парализовало бы обращеніе идей въ обществѣ, а съ другой стороны несправедливо лишило бы авторовъ возможности въ достаточной степени вознаградить себя за всю массу потраченныхъ ими трудовъ. Такимъ образомъ, по ученію этихъ цивилистовъ, основанія авторскаго права лежатъ исключительно въ постановленіяхъ положительнаго закона, которымъ однимъ это право освящается, вытекающа, какъ привиллегія, изъ милостиваго пожалова-

¹ Clostermann, «Das Geistige Eigenthum an Schriften, Kunstwerken und Erfindungen nach deutschem und internationalen Rechte».

² Jolly, Die Lehre vom Nachdruck.

нiя законодателя; мотивы же этой привилегiи основаны на соображенiяхъ цѣлесообразности и вытекаютъ изъ началъ полицейской дѣятельности государства.

Такого же взгляда на авторское право въ нашей литературѣ придерживается Спасовичъ¹. Противъ взгляда на авторское право, какъ на монополiю, вооружаются нѣкоторые писатели, находя оскорбительнымъ для писательскаго труда пользоваться привиллегиєю, представляющей какъ-бы милостыню со стороны государства. „Авторы, говоритъ одинъ изъ этихъ писателей Kohler, не нуждаются въ милостынѣ, въ благотворительной поддержкѣ, они требуютъ настоящаго права, которое бы отпечатлѣлось на ихъ произведенiяхъ: отказъ имъ въ подобномъ правѣ равносильенъ отказу въ защитѣ собственности“². Между прочими извѣстный поборникъ литературной собственности, Жюль Симонъ на Брюссельскомъ конгрессѣ 1858 г. высказался въ рѣзкой формѣ, что онъ считаетъ оскорбленiемъ для писателей—получать привиллегию и что лучше совсѣмъ отказать отъ авторскаго права. По поводу этихъ словъ Жюль Симона Спасовичъ возражаетъ: „Сочинителямъ нечего оскорбляться пустяками. Амбицiя ихъ можетъ оставаться въ покоѣ, не всякая привиллегиа по существу своему ненавистна; есть привиллегии справедливыя, основательныя, противъ которыхъ никто не вооружается; таковы напр. привиллегии на изобрѣтенiя—родной братъ авторскаго права. Разница между ними лишь та, что привиллегии на изобрѣтенiя даются каждому изобрѣтателю

¹ Спасовичъ, Права авторскiя и Контрфакции 1865 г., также «Вопросъ о такъ назыв. литер. собственности». Вѣстн. Европы 1874 г.

² Kohler, Das Auteursrecht, Шоршеневичъ, Авторское право, стр. 61.

отдѣльно; право же авторское, выросшее изъ привилегіи, установлено для цѣлаго класса лицъ и не нуждается въ особомъ пожалованіи“.

Въ послѣднее время среди ученыхъ юристовъ замѣчается стремленіе обобщить всѣ возникшія на почвѣ современной жизни правовыя явленія съ монопольнымъ характеромъ и ввести ихъ въ систему права въ видѣ новой категоріи монопольныхъ правъ. Французскій юристъ Рогенъ¹ обозначаетъ эти монопольныя права общимъ названіемъ *monopoles de droit privé*, сущность которыхъ заключается не въ возможности пользованія предметомъ, но въ возможности воспрепятствовать всякому другому присвоенію предмета. „Un monopole est un droit de non-imitation“,—и авторское право, по мнѣнію Рогена, составляетъ одно изъ входящихъ въ эту категорію монопольныхъ правъ. Другой французскій юристъ Пикарь² пытается установить въ системѣ права новую группу правъ, которыя онъ называетъ *droits intellectuels* и которыя должны образовать четвертый правовой институтъ — духовный, дополнительный къ существующимъ тремъ основнымъ классамъ правовыхъ институтовъ — личному, вещному и обязательственному. Въ эту новую категорію должны войти: авторское, художественное и музыкальное право, привилегіи на изобрѣтенія, право на фабричныя рисунки и модели, на торговое и фабричное клеймо, право на фирму³. Однородную теорію проводятъ нѣмецкіе юристы Коллеръ и Штоббе, у которыхъ авторское право относится къ вновь вводимой ими въ

¹ Roguin, La règle de droit.

² Picard, Embriologie juridique (Journal de droit international privé 1883).

³ Шершеневичъ. Авторское право, стр. 62 и 63.

систему права категоріи правъ, называемыхъ *Rechte an immateriellen Gütern*.

Отдѣльно отъ этой теоріи, но весьма близко примыкая къ ней стоитъ въ нашей литературѣ воззрѣніе проф. Шершеневича, написавшаго обстоятельное изслѣдованіе по вопросу объ авторскомъ правѣ.

Онъ относитъ авторское право къ группѣ правъ, обозначаемыхъ имъ подъ общимъ названіемъ *исключительныхъ правъ*, которыя порождены новыми отношеніями и условіями общественной жизни и которыя вслѣдствіе этого не умѣщаются въ узкихъ рамкахъ правовыхъ институтовъ римскаго права и основанныхъ на этихъ институтахъ категорій современной системы гражданскаго права. „Кругъ частныхъ потребностей человѣка—говоритъ проф. Шершеневичъ—находитъ себѣ удовлетвореніе, съ одной стороны, въ непосредственномъ обладаніи вещами, съ другой—въ дѣйствіяхъ другихъ лицъ. Съ юридической стороны, та и другая цѣль достигается существованіемъ вещнаго и обязательственнаго права. Но современныя экономическія условія вызываютъ новыя отношенія, новые интересы, внѣ указанныхъ обладанія вещами и распоряженія дѣйствіями другихъ лицъ. Обнаруживается, что нѣкоторыя дѣйствія доставляютъ имущественную выгоду лицу, совершающему ихъ, если отъ совершения такихъ же дѣйствій будутъ удержаны другія лица. Таковы интересы, соединенные съ извѣстной фирмою, которые заключаются въ исключительной возможности производить торговлю подъ даннымъ именемъ предпріятія. Таковы интересы фабриканта въ отношеніи рисунковъ и моделей производимыхъ у него продуктовъ, за-

включающіеся въ исключительной возможности создавать даннаго рода вещи. Таковы интересы фабриканта или купца въ отношеніи фабричнаго или торговаго клейма, которые состоятъ въ томъ, что извѣстнаго рода продукты или товары обозначаются знакомъ, способствующимъ большому ихъ распространенію. Таковы интересы автора, художника, композитора, заключающіеся въ томъ, чтобы сочиненія, картины, музыкальныя произведенія не могли быть свободно распространяемы, исполняемы всѣми другими лицами. Такъ какъ цѣль юридической защиты клонится во всѣхъ этихъ случаяхъ къ предоставленію извѣстнымъ лицамъ исключительной возможности совершенія извѣстныхъ дѣйствій, съ запрещеніемъ всѣмъ прочимъ возможности подражанія, то эти права слѣдовало бы назвать *исключительными*. Вся эта группа исключительныхъ правъ выдвинулась, благодаря новѣйшимъ социальнымъ условіямъ, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ свое особое экономическое основаніе. Такъ, основаніемъ установленія права на фирму, на клеймо является стремленіе обезпечить за лицомъ матеріальную выгоду, создаваемую его честнымъ отношеніемъ къ своему торговому дѣлу, обезпечить результаты трудовой дѣятельности; основаніемъ авторскаго, художественнаго или музыкальнаго права представляется желаніе обезпечить матеріальное существованіе лицъ, которыхъ дѣятельность сосредоточивается на духовныхъ интересахъ общества“¹.

Мѣсто въ системѣ права проф. Шершеневичъ опредѣляетъ для „*исключительныхъ*“ правъ между вещнымъ

---

¹ Шершеневичъ. Авторское право, 71—72.

и обязательственнымъ правомъ, такъ какъ съ одной стороны они находятся въ соотношеніи съ вещными, а съ другой стороны — съ обязательственными правами. Въ составъ этой новой группы „исключительныхъ“ правъ входятъ: авторское, художественное, музыкальное право; привиллеги на промышленныя изобрѣтенія, право на фирму, на фабричное и товарное клеймо, право на фабричныя рисунки и модели. Какъ справедливо замѣчаетъ проф. Шершеневичъ, „содержаніе этой категоріи правъ будетъ постепенно рости по мѣрѣ дальнѣйшаго усложненія современной экономической системы и созданія совершенно новыхъ отношеній“.

VII.

Вышеизложеннымъ взглядомъ нѣмецкихъ цивилистовъ на авторское право проникнутъ новый законъ германскій отъ 11. Юня 1870 г., изданный для Сѣверо-Германскаго Союза и нынѣ дѣйствующій въ качествѣ общегерманскаго. Законъ этотъ, какъ все выработанное въ новѣйшее время нѣмецкой юриспруденціею, отличается замѣчательною точностью юридической терминологіи, достаточною полнотою, цѣльностью и послѣдовательностью въ своихъ составныхъ частяхъ. Въ законѣ оставлено прежнее выраженіе „das geistige Eigenthum и вообще отсутствуетъ всякое опредѣленіе авторскаго права по существу, вмѣсто котораго первый параграфъ устанавливаетъ, что „право механическимъ путемъ размножать письменное произведеніе (Schriftwerk) принадлежить исключительно его автору“.

Германскій законъ, какъ новѣйшій законъ по пред-

мету авторскаго права, послужилъ образцомъ, по которому были изданы однородные законы въ различныхъ другихъ государствахъ. Къ числу этихъ новѣйшихъ законовъ относятся: шведскій законъ 1877 г., испанскій законъ 1879 г., итальянскій законъ 1882 г., швейцарскій законъ 1883 г., венгерскій законъ 1884 г., бельгійскій законъ 1886 г., законъ Соединенныхъ Штатовъ (законъ Платтъ-Симонда) 1891 г. Отдѣльно отъ западноевропейскихъ законодательствъ стоятъ англійскія законоположенія объ авторскомъ правѣ, отличающіяся, какъ и все право англійское, своеобразиемъ и разнообразіемъ постановленій. Въ Англии дѣйствуютъ постановленія отъ 1710 г., дополненныя законами 1814, 1833 и 1842 г.

Въ новѣйшихъ законахъ выразилось вліяніе научныхъ теорій послѣдняго времени, отказавшихся отъ прежде господствовавшаго взгляда на авторское право, какъ на одинъ изъ видовъ собственности. Изъ всѣхъ современныхъ законодательствъ, только въ трехъ небольшихъ американскихъ государствахъ проведенъ по слѣдовательно принципъ литературной собственности и установлена вѣчность авторскаго права, именно въ американскихъ республикахъ: Мексикѣ, Гватемалѣ и Венесуэлѣ. Замѣчательно, что даже во Франціи, которой теорія литературной собственности обязана своимъ происхожденіемъ, ни въ одномъ законѣ изъ многочисленныхъ законовъ, издававшихся въ теченіе текущаго столѣтія, не была установлена безсрочность авторскаго права. По нынѣ дѣйствующему французскому законодательству (по закону 14 Іюля 1866 г. и дополнительнымъ законамъ отъ 29 Іюля 1881 г. и 29 Октября 1887 г.,

закончившимъ рядъ постановленій объ авторскомъ правѣ) срокъ дѣйствія авторскаго права продолжается 50 лѣтъ послѣ смерти автора. Такой же 50-лѣтній срокъ послѣ смерти автора установленъ въ Россіи, Венгріи, Бельгіи, Португаліи и Швеціи. Болѣе короткій срокъ, именно 30-ти-лѣтній, установленъ въ Германіи, Австріи, Швейцаріи и Даніи. Въ Голландіи авторскій срокъ продолжается 50 лѣтъ *отъ перваго изданія* (а не послѣ смерти автора), а въ случаѣ если авторъ переживетъ этотъ періодъ—до его смерти. Въ Испаніи авторскій срокъ продолжается 80 лѣтъ послѣ смерти автора. Въ Англіи—42 года съ момента перваго изданія. Въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ установленъ 28-ми-лѣтній срокъ съ момента занесенія въ регистры заглавія произведенія и кромѣ того наслѣдники автора получаютъ право на продленіе срока еще на 14 лѣтъ послѣ смерти автора посредствомъ вторичнаго занесенія въ регистры заглавія сочиненія. Итальянское законодательство приняло другую систему, именно установленъ срокъ въ 40 лѣтъ со смерти автора и кромѣ того въ продолженіе еще 40 лѣтъ наслѣдники имѣютъ право на полученіе отъ издателей 5⁰/₁₀₀ съ цѣны книги.

Для сочиненій, созданныхъ нѣсколькими лицами, какъ соавторами, авторское право принадлежитъ каждому изъ нихъ, и срокъ защиты продолжается со времени смерти послѣдняго изъ нихъ.

Срокъ авторскаго права на посмертныя изданія, т. е. на такія изданія, которые впервые вышли въ свѣтъ послѣ смерти автора, исчисляется въ различныхъ законодательствахъ различно. По французскому законодательству издатель посмертнаго сочиненія приравни-

вается къ автору, т. е. считается обладателемъ первоначальнаго авторскаго права и слѣдовательно его право на посмертное изданіе продолжается, въ теченіе всей жизни и 50 лѣтъ послѣ его смерти. Другія законодательства, какъ германское, распространяють на посмертныя сочиненія общій срокъ авторскаго права — 30-ти-лѣтній, считая съ момента смерти автора. Наконецъ, нѣкоторыя законодательства, въ томъ числѣ наше, распространяя и на посмертныя изданія общій для всѣхъ сочиненій авторскій срокъ, исчисляють этотъ срокъ не со смерти автора, а со времени появленія на свѣтъ посмертнаго изданія. По нашему законодательству этотъ срокъ 50 лѣтъ со времени перваго изданія посмертнаго сочиненія.

Нѣкоторыя законодательства содержатъ постановленія, угрожающія наследникамъ потерей авторскаго права, если они почему либо будутъ воздерживаться отъ осуществленія своего права по изданію сочиненій. Такъ, заслуживаетъ вниманія постановленіе англійскаго закона отъ 1 Юля 1842 г., сущность котораго заключается въ слѣдующемъ: принято на видъ, говорится въ этомъ законѣ, что наследники умершаго автора могутъ ко вреду публики лишитъ ее въ теченіе почти полулѣтка (въ Англій авторскій срокъ продолжается 42 г.) возможности пользоваться его сочиненіями, если они не станутъ ихъ печатать или по нерадѣнію къ своимъ собственнымъ интересамъ или по несочувствію къ его идеямъ. Посему постановлено, что если изданіе извѣстнаго сочиненія распродано, наследники же умершаго автора не хотять ни сдѣлать новаго изданія, ни разрѣшить сдѣлать новое изданіе третьему лицу, то всякій

желающій можетъ обратиться съ жалобой на то въ судебный комитетъ государственнаго совѣта, который и дозволяетъ жалующемуся подъ извѣстными условіями предпринять новое изданіе¹. Также испанскій законъ постановляетъ, что если обладатель авторскаго права не выпустилъ въ свѣтъ сочиненія въ теченіе 20 лѣтъ со времени послѣдняго изданія, то онъ лишается своего права, и литературное произведеніе становится общественнымъ достояніемъ.

Нѣкоторыя новѣйшія законодательства предусматриваютъ случаи принудительнаго со стороны государства отчужденія авторскаго права, т. е. принудительнаго прекращенія авторскаго срока ранѣе его законнаго истеченія, — въ видахъ удешевленія сочиненія, имѣющаго общепольное значеніе; и съ цѣлью сдѣлать это сочиненіе, общедоступнымъ. Наиболѣе обстоятельныя постановленія на этотъ счетъ мы находимъ въ итальянскомъ законодательствѣ: „Права авторовъ, за исключеніемъ права обнародовать сочиненіе при жизни автора, могутъ быть приобрѣтены государствомъ, провинціями и общинами, путемъ экспроприаціи, въ видахъ общественной пользы. Признаніе общепольности производится по предложенію министра народнаго просвѣщенія и по выслушаніи мнѣнія государственнаго совѣта. Размѣръ вознагражденія опредѣляется добровольнымъ соглашеніемъ. За отсутствіемъ соглашенія, судъ назначаетъ трехъ экспертовъ для опредѣленія цѣнности отчуждаемаго права; эта экспертиза приравнивается къ судебной“². Большинство

¹ Табашниковъ, литер. собств.

² Шершоповичъ, Автор. Право.

иностранныхъ законодательствъ обходитъ молчаніемъ вопросъ объ экспроприаціи литературныхъ произведеній. На литературномъ конгрессѣ 1883 г. въ Амстердамѣ были высказаны возраженія противъ примѣненія принципа экспроприаціи въ области литературной, въ виду опасеній, что для правительствъ представится возможность пользоваться имъ, дабы изъять изъ обращенія нежелательныя сочиненія.

VIII.

Въ Россіи книгопечатаніе было введено спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ его изобрѣтенія, именно при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1564 г. была отпечатана первая книга „*Дьянія Апостольска и посланія соборная и сятаго Апостола Павла посланія*“. На первыхъ же порахъ книгопечатанію пришлось бороться съ предрасудками. Типографщиковъ обвиняли въ ереси, волшебствѣ и сношеніяхъ съ нечистой силой, и первому русскому книгопечатнику Ивану Федорову пришлось бѣжать изъ Московскаго царства. Книгопечатаніе однако не приостановилось и время отъ времени возникали на счетъ царской казны типографіи, въ которыхъ печатались исключительно книги духовнаго содержанія славянскимъ шрифтомъ. Только при Петрѣ Великомъ является книгопечатаніе гражданскимъ шрифтомъ и начинаютъ заводиться частныя типографіи.

Возникшая на западѣ, съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, потребность для издателей въ исходатайствованіи привилегій на право изданія, не могла имѣть мѣста въ Россіи, такъ какъ при полномъ отсутствіи

частной издательской дѣятельности, не существовало никакой конкуренціи. Однако имѣются нѣкоторыя указанія на счетъ частныхъ привилегій. Указъ 1771 г. установилъ цензуру на иностранную литературу и вмѣстѣ съ тѣмъ была дана нѣкоему иностранцу Гартунгу, открывшему частную типографію, привиллегія для печатанія въ Петербургѣ книгъ исключительно на иностранныхъ языкахъ. Въ 1776 г. выдана была привиллегія книгопродавцамъ Вейнтбрехту и Шнору на печатаніе въ ихъ типографіяхъ книгъ не только иностранныхъ, но и русскихъ. Кромѣ того стали выдаваться привиллегіи исключительнаго издательства нѣкоторымъ ученымъ корпораціямъ. Такъ, академіи наукъ съ самаго возникновенія ея предоставлено было право исключительнаго изданія календаря, и Петербургскихъ Политическихъ Вѣдомостей, а равно исключительное право на всѣ книги, напечатанныя въ академической типографіи. Указомъ 1780 г. было воспрещено всѣмъ типографіямъ печатать мѣсяцесловы и другія книги, печатаемыя въ академіи наукъ, и такое же воспрещеніе было повторено указомъ 1800 г. Также было предоставлено указомъ 1784 г. Комиссіи народныхъ училищъ исключительное право на перепечатываніе книгъ, издаваемыхъ для употребленія въ народныхъ училищахъ.

Изъ этихъ привилегій, въ виду возникавшихъ споровъ по поводу нарушеній ихъ частными лицами, возникло у насъ понятіе о контрафакціи. Однако, въ виду крайне слабого развитія книжнаго дѣла и отсутствія читающей публики, не было еще экономической почвы для возникновенія случаевъ контрафакціи, и потребность въ законодательныхъ постановленіяхъ была признана прави-

тельствомъ лишь по истеченіи первой четверти настоящаго столѣтія. Въ цензурномъ уставѣ 22 Апрѣля 1828 г. впервые помѣщены 5 статей (§§ 135—139) объ авторскомъ правѣ и въ видѣ приложения къ ценз. уставу издано того-же числа Высочайше утвержденное Положеніе о правахъ сочинителей. По этому закону, составляющему основу дальнѣйшаго законодательства, срокъ авторскаго права опредѣленъ въ 25 лѣтъ со смерти автора. Затѣмъ 4-го Февраля 1830 г. вышло Высочайшее утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „О правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей“, внесшее нѣсколько незначительныхъ дополненій къ правиламъ Положенія 1828 г. Наконецъ въ 1857 году Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 15-го Апрѣля 25-лѣтній срокъ продолженъ до 50 лѣтъ.

Эти постановленія, исчерпывающія наше законодательство объ авторскомъ правѣ, неоднократно мѣняли свое мѣсто въ системѣ нашего Свода Законовъ. Первоначально „постановленія о правахъ сочинителей“ вошли въ составъ Цензурнаго Устава 1828 г. При изданіи Св. Законовъ, Уставъ Цензурный составилъ приложение къ ст. 129 Уст. о предупредж. и пресѣч. преступленій (т. XIV), а постановленія о правахъ сочинителей вошли въ составъ Цензурнаго Устава и составили въ немъ §§ 254—292. Тоже мѣсто сохранили постановленія объ авторскомъ правѣ въ изданіи 1842 г., гдѣ они составили §§ 257—295 прим. къ ст. 147. Въ изданіи Св. Зак. 1857 г. Цензурный Уставъ получилъ самостоятельное мѣсто въ XIV т., независимое отъ Устава

о предупредж. и пресѣченіи преступленій, а права сочинителей составили въ немъ §§ 282—312. При изданіи X т. I ч. 1887 г. въ него перенесены постановленія о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ, (выдѣленные въ Цензурномъ Уставѣ, изданія 1886 г.) и нынѣ эти постановленія составляютъ приложение къ примѣч. 2 ст. 420, т. X ч. I. Ст. 420 заключаетъ въ себѣ формулу собственности вообще, примѣчаніе 2 включаетъ въ эту общую формулу также собственность на произведенія литературы и художествъ, а п. I прилож. (Ценз. Уставъ) относитъ объектъ этой собственности къ имуществамъ благопріобрѣтеннымъ.

Примѣчаніе 2 къ ст. 420 гласитъ: „Право собственности на произведенія литературы и художествъ, принадлежащее самимъ авторамъ сихъ произведеній, ихъ наслѣдникамъ или лицамъ, коимъ оно передано тѣмъ или другими, называется *собственностью* литературною и художественною, а право собственности на произведенія музыкальныя — *собственностью* музыкальною. Основанія сихъ видовъ *собственности*... опредѣляются въ правилахъ, при семъ приложенныхъ и законахъ судопроизводства“.

Такимъ образомъ законъ нашъ не отличаетъ литературныя произведенія [отъ другихъ видовъ собственности. Однако, помѣщая литературную собственность въ отдѣлѣ „о собственности“ и нормируя ее параллельно и по аналогіи съ другими видами собственности, законъ нашъ отстываетъ въ дальнѣйшихъ своихъ опредѣленіяхъ отъ многихъ основныхъ положеній собственности. Кромѣ ограниченія во времени, которое

ужь одно уничтожаетъ всякій характеръ собственности, зиждущейся на принципѣ безусловнаго, вѣчнаго, неограниченнаго пользованія и распоряженія, законъ дѣлье отступаетъ отъ принципа земской давности и вступаетъ въ противорѣчіе съ общими законами о правахъ по завѣщанію, по обязательствамъ, договорамъ и по праву наслѣдованія.

Такое противорѣчивое двойственное положеніе авторскаго права, по заглавію обозначающаго одно, а по содержанію — другое, вноситъ крайнюю неопредѣленность и шаткость въ нашу судебную практику, которая часто находится въ большомъ затрудненіи, не зная, изъ какого начала исходить при разборѣ споровъ между тяжущимися и къ какой категоріи правовыхъ основаній относить спорныя претензіи сторонъ — къ категоріи-ли основаній, нормирующихъ права собственности, въ отдѣлѣ которой помѣщено авторское право, или къ началамъ, основаннымъ на постановленіяхъ объ авторскомъ правѣ, какъ о самостоятельномъ имущественномъ правѣ. Весьма рельефно выразилась эта неопредѣленность нашихъ постановленій объ авторскомъ правѣ въ извѣстномъ литературномъ дѣлѣ между издателями Павленковымъ и Полубояриновымъ по поводу изданія „Учебной Христоматіи“ Полевого. Дѣло это возникло въ 1885 г. и затѣмъ прошло два раза послѣдовательно чрезъ всѣ судебныя инстанціи — одинъ разъ по иску Павленкова къ Полубояринову, обвиняемому въ незаконномъ печатаніи христоматіи Полевого, и другой разъ по иску Полубояринова къ Павленкову, обвиняемому въ незаконномъ печатаніи той-же христоматіи — по тѣмъ-же основаніямъ и по тѣмъ-же обстоятельствамъ. Ре-

зультатомъ этого судебного спора, длившася болѣ пяти лѣтъ, было рѣшеніе трехъ инстанцій, дважды ими подтвержденное, по которому оба—и г. Павленковъ и г. Полубояриновъ, не смотря на всю противорѣчивость предъявленныхъ ими другъ къ другу претензій, оказались правыми и оба признаны обладателями одного и того же оспариваемаго права.

Если изложить сущность этого дѣла въ нѣсколько популярной формѣ, то оно представится въ слѣдующемъ видѣ:

Полевой, авторъ Учебной Христоматіи обладаетъ держащимися въ ней мыслями и идеями на правахъ собственности и, подобно землевладѣльцу или домовладѣльцу, имѣетъ безспорное право извлекать изъ своего умственного имущества непрерывную ренту. Землевладѣлецъ можетъ запродать будущіе урожаи на своей землѣ кому хочетъ и на сколько времени хочетъ, и чрезъ это не перестаетъ пребывать собственникомъ своей земли, доколѣ не переуступитъ самое право собственности на свою землю. Точно также домовладѣлецъ можетъ по договору переуступитъ доходы отъ своего дома въ видѣ арендныхъ денегъ за одинъ, пять, десять лѣтъ, оставаясь однако собственникомъ дома, на который свое право собственности онъ можетъ отдѣльно продать. И Полевой совершенно аналогично распорядился своей умственной собственностью. Онъ продалъ сначала Павленкову доходы отъ всѣхъ будущихъ изданій своей христоматіи, а затѣмъ отдѣльно продалъ Полубояринову свое „право собственности“ на умственное содержаніе этой христоматіи. Въ такомъ видѣ представляетъ себѣ существо литературной собственности нашъ законъ, и такой же точки зрѣнія пришлось придерживаться и суду, который,

послѣ многихъ затрудненій и колебаній предъ очевидностью кроющагося тутъ абсурда, разрѣшили дѣло въ томъ смыслѣ что и Павленковъ и Полубояриновъ—оба правы: одинъ по договору на „право изданія“, другой по договору на „право собственности“.

Помимо неправильной постановки института авторскаго права въ смыслѣ судебномъ, наше законодательство по этому предмету вообще крайне устарѣло, полно въ однихъ случаяхъ существенныхъ пробѣловъ, а въ другихъ—излишнихъ регламентацій, страдаетъ неточностью терминологіи и неясностью редакціи и вообще совершенно не отвѣчаетъ современнымъ условіямъ жизни и потребностямъ общества.

Существеннымъ недостаткомъ нашего закона, затрагивающимъ весьма важный общественный интересъ, слѣдуетъ, безсомнѣнно, считать чрезчуръ продолжительный срокъ, устанавливаемый имъ для пользованія авторскимъ правомъ, именно 50 лѣтъ со дня смерти автора, а для посмертныхъ произведеній—со дня изданія ихъ. Если предположить, что, въ большинствѣ случаевъ авторъ пользуется своимъ правомъ еще при своей жизни приблизительно въ теченіи 25 лѣтъ, то въ общей сложности получится 75-лѣтній срокъ, въ теченіе котораго произведенія литературы монополизированы на книжномъ рынкѣ и изъяты изъ общаго пользованія. Нельзя не признать такой срокъ слишкомъ продолжительнымъ для нашего времени, когда движеніе и обращеніе идей совершается такими быстрыми смѣнами и все болѣе и болѣе расширяется взаимная и преемственная связь между ними. Большинство литературныхъ произведеній послѣ

истечения авторскаго срока, и даже еще гораздо раньше истечения его, теряютъ свое значеніе, становятся устарѣлыми, пережившими себя и не спрашиваются уже на книжномъ рынкѣ, а между тѣмъ, именно во время спроса на нихъ, они изъяты изъ общаго пользованія и составляютъ предметъ вѣконкурентной эксплуатаціи. Даже сочиненія такихъ корифеевъ, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, потеряли уже для насъ близкій интересъ текущей современности, а послѣ истечения для нихъ авторскаго срока сохранять лишь историческое значеніе. Что же касается до произведеній великихъ поэтовъ и мыслителей, значеніе которыхъ сохранится вѣчно, даже для самыхъ позднѣйшихъ поколѣній, то ихъ сочиненія, въ интересахъ общества, именно и слѣдуетъ сдѣлать возможно скорѣе достояніемъ общимъ и не оставлять долго въ собственности частныхъ лицъ. Мы думаемъ, что открытіе памятниковъ Пушкину въ Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ, со всѣми рѣчами, произносившимися по этому случаю и газетными корреспонденціями, оповѣстившими объ этихъ событіяхъ всю Россію — все это не способствовало столько прославленію великаго поэта и распространенію въ обществѣ его художественныхъ твореній, какъ одинъ день 29 января 1887 года, когда публика ломилась въ книжные магазины, имѣя возможность за полтора рубля пріобрѣсти всѣ сочиненія Пушкина. Лермонтовъ только недавно, а Крыловъ — дѣдушка Крыловъ! — только теперь сдѣлался общимъ достояніемъ. Другимъ нашимъ великимъ писателямъ — Гоголю, Тургеневу, Щедрину придется еще долго ждать такихъ праздниковъ своего имени, — пока истечетъ столѣтіе со дня ихъ смерти. Отъ сокращенія срока

авторскаго права интересы авторовъ нисколько не пострадали бы; выгоды этого срока падаютъ на долю ихъ далекихъ потомковъ во второмъ или третьемъ поколѣннн, и авторы не могутъ быть заинтересованы черезъ столь отдаленное время. Германскій законъ 11 іюня 1870 г. устанавливаетъ срокъ для авторскаго права всего въ 30 лѣтъ, и многіе изъ нѣмецкихъ публицистовъ, напр. Шефле, находятъ, что и этотъ срокъ долженъ быть сокращенъ — въ интересахъ общества, въ видахъ удешевленія книгъ. При этомъ не надо забыть, что въ Германіи издательское дѣло поставлено куда совершеннѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи, и тамъ книжные продукты, по своей замѣчательной дешевизнѣ, доступны всѣмъ и каждому, и рѣдкій рабочій не имѣетъ своей собственной маленькой библіотеки. У насъ же, какъ извѣстно, книга — одинъ изъ дорогихъ предметовъ роскоши, не доступной для большинства публики, которая принуждена знакомиться съ лучшими нашими писателями мелькомъ, вскользь, въ общихъ библіотекахъ или читальныхъ залахъ, не будучи въ состояннн обзавестись своими собственными, даже небольшими библіотечками. Въ виду этихъ соображеній нельзя не признать желательнымъ сокращеніе срока для авторскаго права по крайней мѣрѣ на половину противъ существующаго срока.

IX.

Защита авторскихъ правъ въ настоящее время не ограничивается предѣлами отечества автора, а получила международный характеръ. Международное обращеніе литературныхъ произведеній, въ видѣ переводовъ съ иностранныхъ языковъ а въ странахъ съ одинаковымъ языкомъ (какъ

напримѣръ, Бельгія и Франція, Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Австрія и Германія) — въ видѣ перепечатки произведеній одноязычныхъ странъ, представляло для авторовъ весьма значительный ущербъ. Извѣстно, какъ широко пользовались Соединенные Штаты свободой перепечатки произведеній англійской литературы. Свободные отъ уплаты авторскаго гонорара, американскіе издатели издавали все, что выходило въ Англіи и не только пользовались плодами дароваго авторскаго труда у себя въ Соединенныхъ Штатахъ, но еще вывозили въ Англію отпечатанныя въ Америкѣ произведенія англійскихъ авторовъ и конкурировали такимъ образомъ съ англійскими книгопродавцами. Тоже самое продѣлывала Бельгія съ французскими произведеніями и Австрія съ произведеніями Германіи. Не меньшій ущербъ несутъ авторы отъ свободы переводовъ съ ихъ произведеній на иностранные языки. Быстрое развитіе духовнаго общенія между цивилизованными народами вызвало въ каждой странѣ огромный ростъ переводной литературы по различнымъ отраслямъ знанія и искусства. Свобода переводовъ, благодаря беззащитности авторскаго права внѣ предѣловъ отечества автора, открываетъ чужеземнымъ издателямъ полную возможность наводнять книжные рынки переводами съ чужихъ произведеній. Въ особенности потребляетъ много переводовъ Россія.

Ущербъ, наносимый авторскому труду свободой переводовъ, побудилъ авторовъ поднять вопросъ о международной защитѣ авторскаго права. Существуютъ два способа международной охраны литературной и художественной собственности:

1) Сравненіе внутреннимъ законоположеніемъ правъ иноземныхъ авторовъ съ правами отечественныхъ, на условіяхъ: взаимности или безъ условія взаимности.

2) Международное огражденіе духовной собственности посредствомъ частныхъ соглашеній (сепаратныхъ конвенцій) между отдѣльными государствами или общимъ соглашеніемъ нѣсколькихъ государствъ, вошедшихъ въ одинъ союзъ (Бернская конвенція).

Первый способъ былъ примѣненъ Франціею декретомъ 28 марта 1852 г., поставившимъ иностраннаго автора въ равныя условія съ отечественными въ отношеніи защиты его правъ, безъ всякихъ условій взаимности. Проф. Мартенсъ называетъ этотъ декретъ „рыцарскимъ“, такъ какъ въ немъ безкорыстно выразился принципъ уваженія чужаго труда, независимо отъ взаимнаго признанія этого принципа со стороны другихъ странъ. Такой же законъ, но на условіяхъ взаимности, изданъ недавно въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—законъ Платтъ-Симонда 1891 г., признающій за авторами всѣхъ національностей тѣ же права, какими пользуются американскіе авторы.

За исключеніемъ этихъ двухъ законовъ, международная защита литературной собственности выразилась главнымъ образомъ установленіемъ сепаратныхъ конвенцій между различными государствами. Число этихъ конвенцій, начиная съ 50-хъ годовъ, все увеличивается, но содержащіяся въ нихъ мѣры защиты авторскихъ правъ, вслѣдствіе крайняго разнообразія этихъ мѣръ и въ виду разъединенности государствъ, связанныхъ, каждое государство въ отдѣльности, разнообразными и сложными конвенціями, оказались на практикѣ недостаточными и не-

удобными. Вслѣдствіе этого на Парижскомъ литературномъ конгрессѣ 1878 г. возникла идея о необходимости международного союза для защиты авторской собственности. Послѣдствіемъ пропаганды этой идеи образовалась „Интернаціональная ассоціація литературы и искусства“ (Association littéraire et artistique internationale), состоящая изъ членовъ различныхъ государствъ. По инициативѣ этого союза и благодаря содѣйствію швейцарскаго правительства состоялась Бернская конвенція 9 Сентября 1886 г., въ которой приняли участіе Германия, Франція, Бельгія, Англія, Испанія, Италія, Швейцарія, республика Либеріи и Гаити, Тунисъ. По этой конвенціи договаривающіяся государства составляютъ союзъ для защиты правъ авторовъ на ихъ литературныя и художественныя произведенія (Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques). Основныя положенія Бернской конвенціи выражены во 2-ой статьѣ ея, которая гласитъ:

„Авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ одного изъ государствъ союза или ихъ правопреемники (leurs ayants cause) пользуются въ другихъ государствахъ союза защитой ихъ произведеній, напечатанныхъ въ этихъ государствахъ или еще неизданныхъ, на основаніи правъ, которыя предоставлены, въ настоящемъ или будущемъ, національнымъ авторамъ. Для того, чтобы пользоваться защитой своихъ правъ, авторъ долженъ исполнить формальности, предписанныя законодательствомъ страны, гдѣ впервые напечатано произведеніе (du pays d'origine de l'oeuvre); срокъ защиты произведенія въ другихъ государствахъ не можетъ превышать того, которымъ оно пользуется

въ странѣ своего изданія. Считается мѣстомъ изданія произведенія та страна, гдѣ оно было впервые напечатано, или, если это изданіе появилось одновременно въ нѣсколькихъ государствахъ союза, то изъ нихъ, въ которомъ законодательство устанавливаетъ наивысшій срокъ защиты. Для произведеній неизданныхъ мѣстомъ изданія считается государство, къ которому принадлежитъ авторъ“.

По ст. 18, въ Бернской конвенціи могутъ примкнуть и другія государства, кромѣ тѣхъ, которыя вошли въ Союзъ, причемъ для такого присоединенія достаточно письменное сообщеніе швейцарскому правительству.

Международная защита авторскихъ правъ своимъ успѣхомъ, главнымъ образомъ, обязана Виктору Гюго, который энергично пропагандировалъ идею объ образованіи международного союза и содѣйствовалъ проведенію этой идеи на Парижскомъ литературномъ конгрессѣ 1878 г. На этомъ же конгрессѣ была признана необходимость періодическихъ литературныхъ конгрессовъ. За Парижскимъ конгрессомъ слѣдовали конгрессы: въ Лондонѣ—въ 1879 г., въ Лиссабонѣ—въ 1880 г., въ Вѣнѣ—въ 1881 г., въ Мадридѣ—въ 1888 г., въ Парижѣ—въ 1889 г., въ Миланѣ—въ 1892 г.

X.

Вызванное на западѣ движеніе въ пользу международной защиты авторскихъ правъ не могло не коснуться и Россіи и побудило наше правительство согласиться на

заключеніе конвенціи съ Франціею, произведенія которой болѣе другихъ распространяются въ Россіи. Эта конвенція была заключена 25-го марта 1861 г., а въ слѣдующемъ году 19-го іюля 1862 г. была заключена конвенція также съ Бельгіею. Срокъ этихъ конвенцій былъ опредѣленъ въ 25 лѣтъ. По истеченіи этого срока въ 1887 г. Россія не возобновила договоровъ и по прежнему осталась свободной отъ всякихъ международныхъ обязательствъ по защитѣ авторскихъ правъ. Въ послѣднее время, благодаря франко-русскимъ симпатіямъ, возникла агитація въ пользу заключенія литературной конвенціи между Россіею и Франціею. По этому поводу Золя, въ качествѣ президента Société des gens de lettres, обратился къ русской печати съ открытымъ письмомъ, въ которомъ указываетъ, что Россія не меньше Франціи заинтересована въ заключеніи литературной конвенціи.

„Лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ — говоритъ Золя — господствовало мнѣніе, что въ литературномъ отношеніи вы гораздо больше жили Франціею, чѣмъ Франція вами. вслѣдствіе чего расчетливые умы и находили, что обложеніе пошлиною продукта, который выписывается, но не вывозится, было-бы глупостью. Дѣло однако-же въ томъ, что времена эти прошли; не только ваши великіе, но даже самыя скромныя романисты нынѣ переводятся и наводняютъ нашъ рынокъ. Тутъ есть взаимность, которая идетъ исключительно въ вашу честь, и если правда, что наши романы, наши драматическія произведенія привозятся къ вамъ все еще въ большемъ количествѣ, то неужели вы думаете, что достаточно переводить ихъ, печатать и исполнять даромъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ дѣйствительныя барыши? Это

безспорно, первобытный взглядъ, поверхностный взглядъ, который слабѣетъ и разсѣвается, какъ только его подвергаютъ точному анализу. Что происходитъ въ дѣйстви- тельности? Вашъ литературный рынокъ загромождается массами переводныхъ французскихъ романовъ. Коль скоро никакого разрѣшенія не требуется, коль скоро никакихъ пошлинъ платить не надо, любой издатель воленъ пускать въ продажу свой собственный переводъ. Прошу извиненія, что цитирую свое собственное сочи- неніе, но хорошо знаешь лишь тѣ случаи, которые насъ непосредственно касаются. Мнѣ извѣстно, на примѣръ, что въ Россіи появились одновременно, конкурируя между собою, четырнадцать изданій „Débâcle“. Какъ только въ Парижѣ выходилъ фельетонъ романа, пере- водчики поспѣшно его переводили и отсылали съ ве- чернею поштою. И посмотрите всѣ невыгодныя стороны такого положенія: начать съ того, что переводы эти, дѣлаемые на скорую руку, были просто ужасны и не- достойны литературной націи; затѣмъ интересъ такъ раздроблялся, что ни одна газета не извлекала пользы изъ этого и, наконецъ, происходило нѣчто въ родѣ ку- лачества, очень убыточнаго для національныхъ произве- деній. Вообразите, напротивъ, что французскія произ- веденія пользуются охранительными правами. Тотчасъ все измѣняется, Débâcle уступается одной только газетѣ, одному только книжному магазину, который заботится о томъ, чтобы переводъ сдѣланъ былъ тщательно, и ве- деть дѣло такъ, чтобы имѣть хорошіе барыши, а глав- ное, — тогда въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ русскія газеты не будутъ заполнены французскимъ ро- маномъ въ ущербъ русскимъ“.

Предложеніе Золя, однако, не встрѣтило сочувствія въ нашемъ обществѣ. Большинство органовъ нашей печати высказалось противъ заключенія конвенціи, указывая на то, что прекращеніе свободы переводовъ крайне губительно отзовется на распространеніи просвѣщенія въ Россіи и что всѣ выгоды отъ заключенія конвенціи съ Франціею будутъ на сторонѣ одной Франціи, въ виду неравномѣрности обмѣна между Франціею и Россіею въ отношеніи переводной литературы. Возраженія противъ конвенціи весьма обстоятельно сгруппированы въ статьѣ проф. Янжула, напечатанной въ „Рус. Вѣд.“ за 1891 г. № 112.

„Всѣмъ хорошо извѣстно, говоритъ проф. Янжуль, какой насмѣшкой звучать слова „свобода и равенство“ договора между двумя неравносильными сторонами. Если въ отношеніи политическомъ, военномъ и проч. наше отечество, по справедливости, считается великой державой, дружбу и расположеніе которой нужно заискивать, то къ сожалѣнію народное образованіе, а за нимъ наука и литература, хотя и сдѣлали извѣстный прогрессъ, но въ цѣломъ Россія далеко еще отстоитъ отъ всей западной Европы и Америки; въ то время какъ, напримѣръ, Англія по старымъ свѣдѣніямъ вывозить за границу книгъ не менѣе какъ на сумму въ 10 милліоновъ нашихъ рублей, Россія вывезла книгъ за 1889 г. по всѣмъ границамъ (включая сюда и Туркестанъ, т. е. въ свои же владѣнія) всего лишь на 570 тысячъ рублей, т. е. чуть-ли въ 20 разъ меньше! Вообще по количеству книгъ и журналовъ, по размѣрамъ ихъ выпусковъ и по общему обороту всего книжнаго дѣла и книжной производительности, мы еще находимся на-

столько позади почти всѣхъ европейцевъ, что еще до сихъ поръ переводная или заимствованная литература является у насъ весьма важной умственной пищей для цѣлаго народа.

„Гг. французскіе писатели, агитирующие нынѣ такъ усердно въ пользу этой конвенціи, могутъ конечно сдѣлать нѣсколько упрековъ и возраженій по нашему адресу ссылкой на необходимость уваженія правъ чужой собственности и святости ихъ соблюденія. На это мы можемъ отвѣтить одно: во-первыхъ, является еще спорнымъ въ нашихъ глазахъ вопросъ, сохраняется-ли право автора на его произведеніе, переведенное при помощи чужаго труда и таланта на чуждый для автора языкъ, котораго онъ даже не понимаетъ. Мы склонны скорѣе думать, согласно съ существующимъ у насъ порядкомъ, что переводъ является самостоятельнымъ произведеніемъ и что права автора ограничиваются изданіемъ книги лишь на его родномъ языкѣ (если, конечно, онъ не позаботился перевести ее на чужой) и притомъ изданной, какъ благоразумно рѣшаетъ американскій законъ, лишь въ своей собственной странѣ. Но это уже составляетъ вопросъ покровительственной политики, и нѣкоторыя отступленія, разумѣется, диктуются тутъ только началами возмездія и соответствующихъ по выгодамъ уступокъ. Но помимо всѣхъ прочихъ до сихъ поръ высказанныхъ соображеній противъ выставленнаго положенія, существуетъ одинъ аргументъ, наиболѣе вѣсскій, даже неоспоримый: какъ-бы ни были важны извѣстные интересы частныхъ лицъ, но они всегда и повсюду ступшевываются, пренебрегаются, приносятся въ жертву, когда приходятъ въ коллизію съ общественной и государственной пользой; таково общее правило

всякой рациональной политики въ Россіи, какъ и во Франціи. Между тѣмъ, если указанный вопросъ поставить на эту почву, то онъ представится уже въ такомъ видѣ: съ одной стороны сомнительныя права и карманныя интересы нѣсколькихъ тысячъ иностранныхъ писателей; съ другой стороны несомѣнныя права и существенныя интересы народнаго просвѣщенія сотенъ милліоновъ настоящаго и будущаго населенія нашего обширнаго отечества, призваннаго судьбами вносить образованіе и распространять его въ отдаленныя края Азіи, а не запираеть его доступъ, конечно, въ то-же время съ Запада подобными самоубійственными договорами въ угоду иностранцамъ. Рѣшеніе и выходъ изъ этой альтернативы ясенъ и понятенъ: *Salus populi—suprema lex!!*“

XI.

Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію возникновенія и дальнѣйшаго развитія въ положительныхъ законодательствахъ такъ называемой литературной собственности, сдѣлаемъ теперь краткій сравнительный очеркъ русскаго и западноевропейскихъ законодательствъ по существу нѣкоторыхъ вопросовъ содержанія этой собственности.

Что составляетъ объектъ литературной собственности? Какія произведенія умственнаго труда называются, съ точки зрѣнія закона, „литературными“ произведеніями и каковы признаки „литературности“, дающіе автору право на защиту отъ контрафакціи? Общаго теоретическаго опредѣленія этихъ признаковъ не имѣется ни

въ одномъ изъ положительныхъ законодательствъ. Такого опредѣленія и не можетъ быть въ законѣ, потому что законодателю не принадлежитъ задача литературной критики и онъ не можетъ вносить въ законъ разграниченіе сочиненій на основаніи сужденій о внутреннемъ ихъ достоинствѣ. Законъ принимаетъ подъ свою защиту всякое произведеніе печати, независимо отъ того, заслуживаетъ ли оно по содержанію своему названія литературнаго произведенія или нѣтъ. Нѣкоторые ученые, однако, ставятъ условіемъ защиты авторскихъ правъ наличность нѣкоторыхъ признаковъ. Такъ Kohler требуетъ, чтобы сочиненіе носило отпечатокъ художественности, считая авторское право за *eine species des Kunstschutzes*. Другіе, какъ Wächter, Copinger, Amar утверждаютъ, что литературное произведеніе, противное нравственности и общественному порядку, не можетъ составлять объекта авторскаго права¹. Наше законодательство устанавливаетъ чисто формальное условіе, при которомъ сочиненіе лишается защиты: „напечатавшій книгу безъ наблюденія правилъ цензурнаго устава, лишается всѣхъ правъ на оную“². Судебная и сенатская практика, по возбужденному въ одномъ дѣлѣ вопросу о значеніи внутренняго содержанія сочиненія при опредѣленіи права автора на защиту отъ контрафакціи, высказалась въ томъ смыслѣ, что „ни въ одной изъ статей нашего законодательства, гдѣ говорится о литературной собственности, не упоминается о томъ, чтобы при разрѣшеніи дѣла о контрафакціи слѣдовало обращать вниманіе на мѣру

¹ Шершеневичъ. Авторское право.

² Ст. 21 прилож. въ прим. 2 ст. 420. Т. X ч. I.

участія ума и фантазіи владѣльца или автора въ напечатанной имъ книгѣ¹⁴.

Весьма различны выраженія, употребляемыя положительными законодательствами, для опредѣленія объекта авторскаго права. По французскому законодательству авторское право распространяется на *écrits en tout genre*, причѣмъ не дается никакихъ болѣе точныхъ признаковъ для опредѣленія, какіе *écrits* считаются произведеніями, литературными, пользующимися защитой. Германскій законъ 1870 г. называетъ объектъ авторскаго права *Schriftwerke*. До изданія этого закона мѣстные германскія законодательства употребляли выраженіе *literarische Erzeugnisse*, которое, по мнѣнію составителей германскаго закона, лишено точности и опредѣленности, и недостаточно обнимаетъ защищаемый закономъ предметъ. Изъ новѣйшихъ законовъ бельгійскій законъ 1886 г. обозначаетъ объектъ авторскаго права терминомъ *oeuvre litteraire*, а итальянскій законъ 1882 г. — терминомъ *opera dell'ingegno*. Англійское законодательство не даетъ общаго опредѣленія объекта авторскаго права, а казуистически перечисляетъ тѣ произведенія, которыя обнимаются выраженіемъ *book*, означаящимъ специально „книгу“, — именно, подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть всякій томъ, часть или раздѣлъ тома, печатный листъ, листъ исписанный нотами, картину, карту, планъ, трагедію, драму, комедію, оперу, фарсъ и всякій сценическій, музыкальный или драматическій дивертиссиментъ. Наше законодательство употребляетъ различ-

¹ Рѣшеніе гражданскаго Кассационнаго департамента 1868 № 478, по дѣлу Старчевскаго.

ныя выраженія для опредѣленія объекта авторскаго права, допуская въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ своихъ опредѣленіяхъ по авторскому праву, крайнюю неопредѣленность терминологіи. Въ примѣчаніи 2 къ ст. 420 законъ опредѣляетъ объектъ литературной собственности общимъ выраженіемъ— „произведеніе литературы и художествъ“, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи употребляетъ выраженія: книга, произведеніе, сочиненіе, труды.

Въ числѣ разнообразныхъ видовъ умственнаго труда, служащихъ объектомъ авторскаго права, законодательства различаютъ нѣкоторые отдѣльные виды литературныхъ произведеній, которые, по особенностямъ литературнаго творчества или по другимъ основаніямъ, не подходятъ подъ общій типъ литературныхъ произведеній и требуютъ специальныхъ опредѣленій относительно ихъ защиты отъ контрафакціи. Къ такимъ произведеніямъ принадлежатъ: 1) труды компилятивнаго характера, какъ хрестоматіи и коментаріи, 2) переводы съ одного языка на другой, 3) частныя письма, 4) словесныя произведенія, какъ академическія или публичныя лекціи, рефераты, проповѣди, судебныя и другія рѣчи и 5) періодическія изданія—газеты и журналы.

Компилятивный трудъ можетъ выразиться въ двоякомъ видѣ: во-первыхъ—въ видѣ самостоятельнаго изслѣдованія, заключающагося въ собраніи, группировкѣ, систематизаціи существующаго по данному вопросу научнаго матеріала, и во-вторыхъ, въ видѣ хрестоматіи или сборника изъ отрывковъ и образцовъ чужихъ произведеній для цѣлей школьнаго преподаванія или для другихъ педагогическо-литературныхъ цѣлей. Въ томъ или другомъ

случаѣ требуется отъ компилятора извѣстная степень умственной самостоятельности, знаніе трактуемаго предмета, умѣніе разработать матеріаль, вкусъ. Поэтому компилятивный трудъ имѣетъ законное право существованія и является необходимымъ и весьма полезнымъ, въ интересахъ научныхъ и литературныхъ. Въ виду этого, почти всѣ положительныя законодательства допускаютъ законность заимствованій изъ опубликованныхъ сочиненій для помѣщенія въ трудахъ компилятивнаго характера, — если это дѣлается въ видахъ церковнаго, школьнаго или педагогическаго употребленія или съ какою-либо другою спеціальною научною или литературною цѣлью.

Въ германскомъ законѣ ставится однако условіемъ, чтобы былъ указанъ источникъ, откуда дѣлается заимствование а австрійскій законъ, кромѣ, того, требуетъ, чтобы размѣръ заимствованнаго не превышалъ печатнаго листа. Наше законодательство допускаетъ полную свободу перепечатки статей или отрывковъ для помѣщенія въ христоматіяхъ или другихъ учебныхъ книгахъ, не ограничивая размѣръ перепечатки никакими предѣлами и даже не требуя указанія источника. Заимствования же въ видѣ ссылокъ изъ чужихъ сочиненій, помѣщаемыя въ самостоятельномъ сочиненіи, не считаются незаконными только при томъ условіи, если въ ссылкахъ выписано въ сложности не болѣе третьей части книги и если текста самаго компилятора находится вдвое болѣе противъ ссылокъ изъ чужой книги ¹.

---

¹ Ст. 14 и 15. Прилож. къ ст. 420. т. X, ч. I.

XII.

Наиболѣе сложнымъ и спорнымъ представляется вопросъ о переводахъ, т. е. во-первыхъ, требуется-ли для права перевода согласіе автора оригинальнаго сочиненія (разумѣется въ предѣлахъ одного и того же государства, такъ какъ право переводовъ съ иностранныхъ писателей зависитъ отъ условій международныхъ конвенцій) и во-вторыхъ, составляетъ-ли переводъ самъ по себѣ объектъ авторскаго права, подлежащій защитѣ отъ контрафакціи, какъ самостоятельное литературное произведеніе. Вопросъ о переводахъ имѣетъ въ особенности важное практическое значеніе въ странахъ съ разнообразнымъ составомъ населенія, какъ Россія и Австрія, гдѣ много разноязычныхъ національностей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою литературу.

Относительно послѣдняго вопроса—о правѣ переводчика на защиту своего перевода отъ контрафакціи не существуетъ разногласія. Переводъ считается такимъ же актомъ духовной дѣятельности, какъ и самостоятельное сочиненіе. Каждый языкъ имѣетъ свои законы, и въ работѣ переводчика, безсомнѣнно, участвуютъ и вдохновеніе, и фантазія, и вкусъ—въ выборѣ словъ, въ созданіи оборотовъ, въ стилѣ. Поэтому бывають переводы хорошіе и плохіе. На этомъ основаніи всѣ современныя законодательства признають переводъ объектомъ авторскаго права, подлежащимъ защитѣ наравнѣ съ оригинальными произведеніями. Нашъ законъ совершенно не отдѣляетъ переводчика отъ сочинителя и также не дѣлаетъ никакого различія между переводомъ и оригиналомъ.

нальнымъ произведеніемъ, употребляя вездѣ эти выраженія рядомъ.

Иное отношеніе законодательствъ къ вопросу о свободѣ переводовъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ законовъ объ авторскомъ правѣ, какъ, напримѣръ, бельгійскій законъ 1886 г., признаетъ за авторомъ литературнаго произведенія исключительное право на переводъ, считая это право составною частью авторскаго права. Такого же воззрѣнія придерживается испанское законодательство, требующее для защиты перевода разрѣшеніе автора сочиненія, съ котораго сдѣланъ переводъ. Другія законодательства, какъ итальянское и швейцарское, признаютъ за авторомъ исключительное право на переводъ только въ теченіе извѣстнаго срока, по истеченіи котораго открывается полная свобода перевода, именно по итальянскому закону — въ теченіи 10 лѣтъ, а по швейцарскому — въ теченіи 5 лѣтъ съ момента появленія оригинала. Германскій законъ 1870 г. и венгерскій 1884 года еще болѣе ограничиваютъ авторовъ въ отношеніи исключительнаго права на переводъ, признавая за ними это право только въ видѣ исключенія при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда авторъ сохраняетъ за собою право перевода надписью на заглавной страницѣ и притомъ исполнить этотъ переводъ не позже, какъ чрезъ 3 года, а для драматическихъ произведеній — не позже какъ до истеченія 6 мѣсяцевъ, 2) Когда авторъ выпуститъ свое сочиненіе одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, причемъ каждое такое изданіе считается оригинальнымъ, и 3) когда оригиналь написанъ на одномъ изъ мертвыхъ языковъ. Относительно этого послѣдняго условія въ мотивахъ къ германскому закону приводятся слѣдующія

соображенія. „Такъ называемые мертвые языки не имѣютъ географической области. Сочиненіе, появившееся на одномъ изъ нихъ, предназначается для тѣхъ классовъ лицъ всѣхъ странъ, которые по своимъ познаніямъ способны понять его. Переводы такихъ сочиненій, обращаются къ тѣмъ-же классамъ лицъ, но лишь по устраненіи нѣкоторыхъ неудобствъ, а потому конкурируютъ въ продажѣ съ составленнымъ на мертвомъ языкѣ оригиналомъ. Такъ какъ переводы съ мертвого языка на живой наносятъ ущербъ оригиналу, то они должны быть запрещены“. По австрійскому законодательству также въ принципѣ признается свобода перевода, за исключеніемъ того случая, когда авторъ сохраняетъ за собою это право надписью на заглавной страницѣ или въ предисловіи, причемъ, если авторъ издалъ свое сочиненіе одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, каждое изданіе считается оригинальнымъ. Укажемъ еще на постановленіе Бернской конвенціи, по которому (ст. 5) „авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ одного изъ государствъ Союза, пользуется въ другихъ государствахъ союза въ теченіе 10 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ въ одномъ изъ этихъ государствъ исключительнымъ правомъ дѣлать и дозволить переводы своихъ произведеній“.

Русское законодательство проводитъ принципъ полной свободы переводовъ, не устанавливая въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій. Изъ этого принципа дѣлается исключеніе только для сочинителей такихъ книгъ „для которыхъ были необходимы особенныя ученныя изысканія“. Сочинителямъ такихъ книгъ предоставляется исключительное право на переводъ, при томъ

условіи, однако, что о намѣреніи своемъ воспользоваться этимъ правомъ они должны объявить при изданіи оригинальной книги и издать свой переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со времени полученія изъ цензуры билета на выпускъ подлинника. При несоблюденіи этихъ условій, изданіе книги въ переводѣ оставляется на волю каждаго ¹.

Однако, благодаря неточной редакціи нашего закона, вопросъ о свободѣ переводовъ въ Россіи вызываетъ споры, какъ въ судебной практикѣ, такъ и въ сужденіяхъ юристовъ-теоретиковъ. Именно, вслѣдствіе вкраившагося въ текстъ закона неточнаго выраженія „перепечатанная“, нѣкоторые, какъ проф. Табашниковъ, заключаютъ, что законъ нашъ дозволяетъ переводить на русскій языкъ только сочиненія, перепечатанныя въ Россіи, т. е. только такія книги, которыя первоначально были изданы за границей, а потомъ были перепечатаны вновь въ Россіи. Такое толкованіе закона проводилось и судебными мѣстами. Нынѣ однако вопросъ этотъ долженъ считаться окончательно разрѣшеннымъ въ смыслѣ свободы переводовъ, — въ виду недавно состоявшагося рѣшенія Сената по дѣлу Каразина, предъявившаго искъ къ редактору „St. Petersburger Herold“ за помѣщеніе перевода его романа „Голосъ крови“. По этому рѣшенію Сенатомъ признана свобода переводовъ.

ХІІІ.

Составляютъ-ли объектъ авторскаго права *частныя письма*, то-есть письма, не предназначавшіяся къ обна-

¹ Ст. 18. Прилож. къ ст. 420, Т. X, ч. I.

родованію и составляющія интимную переписку между данными лицами? Этотъ вопросъ имѣеть не только спеціальнѣй юридическій, но и общественный интересъ. Въ нашей литературѣ этотъ вопросъ былъ затронутъ нашимъ извѣстнымъ писателемъ Гончаровымъ въ его предсмертной статьѣ „Нарушеніе воли“, напечатанной въ „Вѣстн. Европы“ въ 1889 г. Въ этой статьѣ нашъ знаменитый писатель отстаиваетъ возрѣніе, что частныя письма не подлежатъ оглашенію, если на то не было согласія, прямо выраженаго въ предсмертной волѣ автора писемъ, и что оглашеніе кѣмъ-либо посмертной переписки безъ воли автора не можетъ быть оправдываемо никакими соображеніями литературнаго, историческаго или культурно-общественнаго интереса. Этотъ взглядъ Гончарова, оправдываемый можетъ быть въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, въ виду часто обнаруживаемыхъ излишествъ при обнародованіи посмертной переписки, не можетъ однако служить принципомъ, ибо права исторіи на выдвигаемыя ею личности и интересы литературные и культурные должны стоять выше частныхъ интересовъ и щепетильности отдѣльныхъ лицъ. Съ точки зрѣнія права, нарушеніе воли въ данномъ случаѣ не имѣеть мѣста, ибо, какъ справедливо возражаетъ Гончарову нашъ юристъ Обнинскій, „воля“, какъ живая способность, мыслима лишь за живымъ лицомъ; разъ это лицо умираетъ, съ нимъ умираетъ для окружающей среды и его воля... Все, что осталось за предѣлами выраженной заживо воли, со смертью лица, ее выразившаго, становится достояніемъ живой среды, достояніемъ, на которое за покойникомъ не можетъ быть признано никакихъ правъ... Наслѣдники замѣщаютъ

покойника въ его имущественныхъ правахъ, но отнюдь не въ его духовныхъ, при жизненныхъ способностяхъ. Всякое замѣстительство въ этомъ послѣднемъ отношеніи будетъ, такъ сказать, узурпаціею духа. Съ другой стороны сущность и предѣлы подобнаго замѣстительства не могутъ подлежать какой-либо серьезной и точной нормировкѣ ни въ правовомъ, ни въ этическомъ отношеніяхъ: достаточно вспомнить, напримѣръ, какое глубокое различіе въ умственной и нравственной личности такъ часто наблюдается между умершими и ихъ наследниками, для того, чтобы безповоротно отвергнуть всякую возможность признанія за послѣдними свободы и права въ распоряженіи тѣмъ, нерѣдко драгоцѣннѣйшимъ, капиталомъ, который и по природѣ своей и по требованіямъ высшаго, внѣличнаго порядка, составляетъ неотъемлемое достояніе всего человѣчества, въ сферѣ его прирожденныхъ духовныхъ, т. е. естественныхъ правъ. Въ этомъ отношеніи, публичное право совершенно вытѣсняетъ частное. Обратное толкованіе обездолитъ міръ, лишитъ культуру ея духовнаго наследія, вручитъ ключъ отъ сокровищницы народнаго генія первому встрѣчному, случайному хозяину, который и не подумаетъ, быть можетъ, когда-либо имъ воспользоваться къ благу человечества“¹.

Противоположный взглядъ высказанъ въ мотивахъ французской судебной инстанціи по поводу дѣла объ опубликованіи писемъ Бенжаменъ-Констана къ г-жѣ Рекамье чрезъ Эмиля Жирардена въ газетѣ „Presse“ въ

¹ Обнинскій. Посмертное проявленіе и преемственность въ авторскомъ правѣ. «Юрид. Вѣсти.» 1889 г.

1849 году. По жалобѣ наслѣдниковъ Констана и г-жи Рекамье, судъ пріостановилъ дальнѣйшее печатаніе этихъ писемъ, причемъ свой приговоръ мотивировалъ слѣдующими соображеніями:—что конфиденціальное письмо не составляетъ собственность въ рукахъ того, кому оно писано, а тайна, которая довѣряется адресату на основаніи молчаливаго договора, нарушеніе котораго составляетъ не только недозволительное пренебреженіе обязанностями, но можетъ внести тревогу въ частный бытъ и разрушать узы человѣческаго общежитія; что этотъ принципъ не допускаетъ никакихъ исключеній, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ писемъ выполняетъ публичную роль и его дѣятельность принадлежитъ исторіи, такъ какъ въ частной жизни общественныхъ людей могутъ быть чувства, привязанности, проявленія откровенности, которыя должны оставаться для постороннихъ тайной; что семейный интересъ имѣетъ право оберегать это неприкосновенное достояніе и защищать его отъ захватовъ нескромной гласности, которыя могли-бы потревожить память объ умершихъ относительно того, что они желали унести съ собою въ могилу...

Кромѣ принципіальнаго вопроса — объ общественномъ или частномъ интересѣ частныхъ писемъ, имѣется тутъ еще спеціальный юридическій вопросъ о томъ, кому принадлежитъ авторское право—автору писемъ или адресату. Какъ въ научной литературѣ, такъ и въ положительныхъ законодательствахъ существуетъ на этотъ счетъ разногласіе. Клостерманъ и Бланъ полагаютъ, что авторское право на письмо принадлежитъ исключительно автору письма, а не адресату, такъ какъ составитель письма, отправляя его, имѣетъ въ виду лишь

ознакомить адресата съ содержаніемъ письма, а не передать ему вмѣстѣ съ тѣмъ право распоряженія формой, т. е. имущественное право на письмо, относительно котораго должны быть соблюдаемы тѣ же юридическія основанія и условія, какія вообще существуютъ для перехода права отъ автора къ другимъ лицамъ. Другіе, какъ Гарумъ, признають въ извѣстныхъ случаяхъ за адресатами право распоряженія письмами, даже помимо воли автора. Изъ положительныхъ законодательствъ, только русское содержитъ обстоятельное постановленіе по этому предмету, другія же обходятъ вопросъ полнымъ молчаніемъ или относятъ частныя письма къ другимъ видамъ авторскаго права. По нашему законодательству „частныя письма, не предназначавшіяся для публики, могутъ быть издаваемы на свѣтъ только съ согласія, какъ того лица, коимъ они писаны, такъ и того, къ коему писаны, въ случаѣ же смерти ихъ обоихъ или одного кого-либо, съ согласія наслѣдниковъ“¹⁾.

XIV.

Литературныя произведенія могутъ быть *письменныя*, если они напечатаны или какимъ-либо механическимъ путемъ воспроизведены, и *словесныя*, — если они, въ видѣ публичныхъ лекцій, рефератовъ или рѣчей, произносятся въ аудиторіяхъ, собраніяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ. Въ виду публичности словесныхъ произведеній, возникаетъ вопросъ, — насколько они могутъ составлять объектъ авторскаго права? Положительныя законода-

¹ Ст. 9. Прил. къ ст. 420, т. X, ч. I.

тельства относятся къ этому вопросу весьма различно и неопредѣленно. Во французскомъ законодательствѣ не имѣется на этотъ счетъ никакихъ твердыхъ опредѣленій, а по точному смыслу закона, считающаго объектомъ авторскаго права *écrits en tous genres*, можно полагать, что словесныя произведенія объектомъ авторскаго права не считаются. Но научная и практическая юриспруденція толкуеть этотъ пробѣлъ въ смыслѣ признанія за публичными лекціями безусловнаго значенія объекта авторскаго права. Относительно-же судебныхъ и политическихъ рѣчей среди французскихъ юристовъ существуетъ разногласіе, которое, впрочемъ, имѣетъ чисто теоретическое значеніе, такъ какъ на практикѣ, по условіямъ политической жизни Франціи, интересъ гласности поглощаетъ всякіе частные интересы и никогда не возникаетъ вопроса о запрещеніи воспроизведенія судебныхъ и политическихъ рѣчей, въ виду права собственности, принадлежащаго ораторамъ этихъ рѣчей. По англійскому законодательству разрѣшается свободное печатаніе тѣхъ устно произнесенныхъ произведеній или частей ихъ, о произнесеніи которыхъ судебная власть не была извѣщена письменно, согласно закону. Также разрѣшается перепечатка произведеній, читанныхъ въ слухъ въ университетѣ, школѣ, публичной коллегіи или публичномъ учрежденіи, а равно всякихъ другихъ произведеній, читанныхъ лицами, „обязанными къ тому въ силу даренія, продажи или устава“. Напротивъ, относительно всякихъ другихъ рѣчей установленъ тотъ принципъ, что „лица, получившія за плату или по другимъ причинамъ право присутствовать на какомъ-либо чтеніи, не пріобрѣтаютъ въ силу этого

одного обстоятельства права печатать, воспроизводить или обнародывать это чтение”.

Весьма обстоятельно рассматривается вопрос о словесных произведеніяхъ въ новѣйшихъ законодательствахъ. Германскій законъ устанавливаетъ защиту только для такихъ рѣчей, которыя произносятся съ цѣлью ученія, назиданія или бесѣды, т. е. имѣютъ педагогическое, назидательное или занимательное значеніе. Рѣчи же судебныя и политическія, произносимыя въ судахъ, въ представительныхъ учрежденіяхъ, въ политическихъ, общинныхъ, церковныхъ и всякихъ другихъ публичныхъ собраніяхъ, предоставлены полной свободѣ перепечатыванія, не только въ видѣ отдѣльныхъ рѣчей, ad hoc, но даже въ видѣ сборниковъ этихъ рѣчей. Въ мотивахъ къ этой статьѣ закона проводится мысль, что лица, посвятившія себя общественной или политической дѣятельности, должны развить въ себѣ нечувствительность къ своимъ авторскимъ интересамъ.

Австрійскій законъ также допускаетъ свободное перепечатываніе всякаго рода рѣчей, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ, исключая только рѣчей, имѣющихъ цѣлью назиданіе (проповѣди), обученіе (лекціи) и доставленіе удовольствія. Венгерскій законъ, устанавливая свободу перепечатыванія всякаго рода публичныхъ рѣчей, не имѣющихъ назидательнаго или педагогическаго значенія, запрещаетъ однако воспроизведеніе чьихъ-либо рѣчей въ видѣ сборника. Итальянское, бельгійское и испанское законодательства устанавливаютъ свободное печатаніе рѣчей, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ по предметамъ, имѣющимъ общественный или государственный интересъ,

но съ тѣмъ, что эти рѣчи могутъ быть воспроизведены исключительно въ періодическихъ изданіяхъ, а не въ отдѣльныхъ изданіяхъ или сборникахъ.

Наше законодательство разрѣшаетъ этотъ вопросъ съ безусловной категоричностью въ смыслѣ полной защиты рѣчей. „Кто безъ согласія сочинителя напечатаетъ произнесенную или читанную имъ публичную рѣчь или иное сочиненіе..“ Такимъ образомъ нашъ законъ не дѣлаетъ никакого различія между словесными произведеніями по ихъ содержанію и цѣли, какъ это проводится въ западно-европейскихъ законодательствахъ. По буквѣ нашего закона является противозаконнымъ воспроизведеніе всякой рѣчи, — даже рѣчей, произносимыхъ, напр., гласными въ думѣ, или прокурорами, адвокатами въ судебныхъ мѣстахъ. Наши періодическія изданія, воспроизводящія сплошь и рядомъ такія рѣчи въ видѣ стенографическихъ отчетовъ, могли бы, собственно говоря, по буквѣ нашего закона, быть привлечены аворами этихъ рѣчей къ отвѣтственности за контрафакцію. Но само собою разумѣется, что тутъ имѣется очевидный пробѣлъ въ законѣ, который долженъ быть пополненъ съ точки зрѣнія принципа гласности по отношенію къ рѣчамъ, имѣющимъ общественное значеніе.

XV.

Періодическія изданія, въ особенности ежедневныя газеты, представляютъ спеціальныя черты авторскаго права, — благодаря исключительнымъ условіямъ, при которыхъ составляется разнообразный матеріалъ, входящій въ составъ

содержанія каждаго номера, и благодаря самому характеру газетнаго матеріала. Сложность механизма газетнаго дѣла, снѣжность, съ которою дѣйствуетъ этотъ механизмъ, разнообразіе интересовъ, на которые газета должна отзываться въ теченіе дня, и тѣ бытовья особенности огромной работы, исполняемой изо дня въ день многочисленными и разнообразными періодическими изданіями по всѣмъ вопросамъ текущей общественной и политической жизни и требующей по условіямъ своего исполненія постоянного обмѣна извѣстіями и сообщеніями между органами печати—все это выдѣляетъ періодическія изданія изъ числа другихъ произведеній печати и дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе къ нимъ общихъ постановленій объ авторскомъ правѣ. Эти особенности періодическихъ изданій не могли не вызвать вниманія новѣйшихъ законодательствъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются относительно ихъ спеціальныя постановленія. Такъ германскій законъ 1870 г. даетъ весьма подробныя постановленія, опредѣляющія, какой матеріаль, входящій въ составъ содержанія періодическаго изданія, предоставляется свободному перепечатыванію, и какой подлежитъ защитѣ отъ перепечатки. Законъ предоставляетъ полную свободу перепечатывать отдѣльныя статьи изъ періодическихъ изданій, за исключеніемъ беллетристическихъ произведеній и научныхъ изслѣдованій, а также другихъ значительныхъ по размѣру статей, если сдѣлана надпись о воспрещеніи ихъ перепечатки. Мотивы къ закону даютъ слѣдующій подробный списокъ тѣхъ мелкихъ статей, которыхъ перепечатка разрѣшается: краткія изслѣдованія, объясненія и совѣты всякаго рода въ дѣлахъ промышленности и сельскаго хозяйства, сообще-

нія о методахъ, домашнихъ средствахъ и т. д.; сужденія литературнаго и художественнаго свойства, театральная критика, переговоры о планахъ построекъ и украшеній, предложенія для публичныхъ учрежденій, памятниковъ и т. д.; біографіи, статьи, анекдотическіе рассказы, мелкіе историческіе рассказы, путевыя замѣтки и т. д.; краткія статьи изъ естествознанія, описанія личностей, особыхъ приключеній и т. д. Законъ не требуетъ при этомъ даже указанія источниковъ, и по объясненію мотивовъ, это сдѣлано во избѣжаніе кляузныхъ обвиненій, которыя могли-бы возникать каждый разъ, когда какая либо редакція, вслѣдствіе спѣшности, съ которою сопряжено изготовленіе номера, забыла бы указать источникъ заимствованнаго его мелкаго извѣстія.

Въ австрійскомъ законодательствѣ еще шире поставлена свобода заимствованія періодическими изданіями другъ у друга, причемъ ставится только условіемъ — указаніе источника заимствованія. Итальянское законодательство требуетъ для защиты авторскихъ правъ по отношенію къ статьямъ, помѣщаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ, заявленія автора въ началѣ своей статьи о сохраненіи имъ за собою авторскаго права. При отсутствіи такого заявленія, другія періодическія изданія могутъ свободно перепечатывать всякаго рода статьи и обязаны только указывать источникъ заимствованія. Въ такомъ же смыслѣ разрѣшается вопросъ о правѣ заимствованія въ періодическихъ изданіяхъ и въ законодательствахъ швейцарскомъ, голландскомъ и испанскомъ.

Наше законодательство тоже признаетъ въ извѣстныхъ размѣрахъ и случаяхъ свободу заимствованія для помѣщенія въ періодическихъ изданіяхъ, но статьи за-

кона, въ которой содержится постановленіе на этотъ счетъ (ст. 13 приложенія), крайне неопредѣленно и неудачно редактирована, вслѣдствіе чего она не даетъ никакихъ твердыхъ основаній для руководства въ судебной практикѣ. По нашему закону разрѣшается „случайное“ перепечатаніе въ какомъ либо изданіи мелкой статьи, не занимающей болѣе одного печатнаго листа, а равно и перепечатаніе извѣстій политическихъ или относящихся къ словесности, наукамъ и художествамъ, съ указаніемъ источника откуда оныя заимствованы“. Наоборотъ считается контрфакціею, если „журналистъ, подъ видомъ рецензіи, или же подъ другимъ предлогомъ перепечатываетъ *постоянно* и *вполнѣ* мелкія изъ чужихъ изданій статьи, хотя бы оныя занимали и менѣе печатнаго листа“. Такимъ образомъ законъ вводитъ совершенно неумѣстный и крайне неопредѣленный мотивъ „случайности“ заимствованія, сообщающій постановленію шаткій характеръ и вызывающій спорность въ толкованіи закона.

XVI.

Авторское право впервые возникаетъ въ лицѣ автора, который считается *первоначальнымъ* собственникомъ авторскаго права. Юридическіе правопреемники автора, т. е. тѣ, къ которымъ авторское право перешло отъ автора по какому-либо юридическимъ основаніямъ — пользуются *производнымъ* авторскимъ правомъ. Между первоначальнымъ и производнымъ авторскимъ правомъ существуютъ весьма существенныя различія. Въ лицѣ автора автор-

ское право безсрочно, такъ какъ продолжается въ теченіе всей его жизни; въ лицѣ правопреемниковъ автора, оно ограничено извѣстнымъ срокомъ, по истеченіи котораго оно окончательно прекращается. Первоначальное право можетъ принадлежать не только лицу, непосредственно связанному съ сочиненіемъ духовною связью творчества, но и другимъ лицамъ, которымъ законъ предоставляетъ это право, приравнивая ихъ къ авторамъ. Такъ, по нѣкоторымъ западнымъ законодательствамъ, издатели посмертныхъ сочиненій или по нашему законодательству первые издатели народныхъ пѣсень, пословицъ, сказокъ, и повѣстей, сохранившихся однимъ изустнымъ преданіемъ, и также первые издатели древнихъ рукописей или лѣтописей — пользуются такими же правами, какъ сочинители новыхъ книгъ. Также обладателемъ первоначальнаго авторскаго права является редакторъ или издатель журнала, сборника, энциклопедіи и тому подобныхъ сочиненій, создаваемыхъ соединенными силами многихъ лицъ — по отношенію къ сочиненію въ формѣ совокупнаго сборника статей. Авторское же право на каждую отдѣльную статью остается за авторомъ статьи. Это начало проводится во многихъ западныхъ законодательствахъ и также въ нашемъ законодательствѣ, по которому „издатели журналовъ и другихъ періодическихъ сочиненій а равно и алхманаровъ и вообще книгъ, составляемыхъ изъ разныхъ мелкихъ сочиненій или статей, пользуются исключительнымъ правомъ перепечатывать оныя въ той-же формѣ, на общемъ правилѣ сего приложенія основаніи. Помѣщеніемъ сочиненія или перевода въ журналъ или иномъ собраніи, сочинитель или переводчикъ не лишаются права напечатать оныя

особо, если только сему не препятствуютъ условія ихъ съ издателями“. По германскому закону „издатель сочиненія, составленнаго изъ статей нѣсколькихъ лицъ, приравнивается къ автору въ отношеніи предоставляемой ему по закону защиты, если это сочиненіе представляетъ нѣчто цѣлое“. Авторское право на отдѣльныя статьи, помѣщаемыя въ періодическихъ изданіяхъ или сборникахъ, въ видахъ охраненія интересовъ издателей, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ ограничено запрещеніемъ издавать статью отдѣльно въ теченіе извѣстнаго срока, именно по германскому—не ранѣе истеченія 2-хъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ номера изданія, гдѣ помѣщена статья, а по англійскому закону право отдѣльнаго изданія статьи приобрѣтается авторомъ лишь чрезъ 28 лѣтъ.

Авторское право можетъ принадлежать и юридическому лицу, не только какъ производное право, вслѣдствіе приобрѣтенія какою либо издательскою компаніею отъ автора принадлежащихъ ему исключительныхъ правъ на сочиненіе, но и какъ первоначальное право въ тѣхъ случаяхъ, когда какія либо ученныя общества и учрежденія (университеты, академіи) издають свои труды, сборники, записки. Въ этихъ случаяхъ ученныя общества, университеты, академіи и другія такія же юридическія лица являются обладателями авторскихъ правъ по отношенію къ своимъ изданіямъ въ цѣломъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ частные издатели по отношенію къ издаваемымъ имъ сборникамъ, журналамъ и другимъ видамъ періодическихъ изданій. Но по отношенію къ юридическимъ лицамъ представляется вопросъ, какъ исчислять срокъ авторскаго права,—въ виду того, что тутъ нѣтъ мо-

мента смерти обладателя правъ. Западноевропейскія законодательства устанавливаютъ въ этомъ случаѣ особый срокъ, исчисляя его начало отъ перваго изданія. Наше законодательство устанавливаетъ 50-лѣтній срокъ дѣйствія авторскаго права для трудовъ ученыхъ обществъ, но не указываетъ, съ какого момента слѣдуетъ считать теченіе этого срока. Въ случаѣ прекращенія существованія ученыхъ обществъ до истеченія срока исключительнаго ихъ права на свои изданія послѣднія обращаются въ собственность публики.

Возникновеніе авторскаго права въ нѣкоторыхъ западныхъ законодательствахъ обставлено формальностями регистраціи и обязательнаго представленія, куда слѣдуетъ, извѣстнаго количества экземпляровъ отпечатаннаго сочиненія. При несоблюденіи этихъ формальностей авторское право считается не доказаннымъ и можетъ быть потеряно. Такъ, итальянскій законъ считаетъ условіемъ пріобрѣтенія авторскаго права и пользованія имъ представленіе префекту 3 экземпляровъ отпечатаннаго сочиненія вмѣстѣ съ заявленіемъ, въ которомъ должно быть поименовано сочиненіе и выражено желаніе пользоваться правами, принадлежащими автору или издателю. Неисполненіе этой формальности въ теченіе 10 лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ сочиненія влечетъ за собою потерю авторскаго права. Въ испанскомъ законодательствѣ формальность регистраціи обставлена еще строже. Всякій авторъ по представленіи 3 экземпляровъ въ общественную бібліотеку долженъ озаботиться о внесеніи сочиненія въ общій регистръ литературной собственности, который ведется при министерствѣ земледѣлія и торговли. При несоблюденіи этого, сочиненіе, не зане-

сенное въ регистръ, становится достояніемъ публики. Такую же доказательную силу существованія авторскаго права, не исключаящую впрочемъ другихъ доказательствъ, имѣетъ регистрація сочиненій въ Англии, гдѣ регистръ ведется при центральномъ издательскомъ бюро (Book of Registry at Stationers Hall). Въ этотъ регистръ за-носятся всѣ литературныя произведенія, съ указаніемъ заглавія, года перваго изданія, имени и мѣстожительства автора. Во Франціи до 1880 года, въ силу закона 1793 г., отсутствіе въ рукахъ автора удостовѣренія въ представленіи узаконеннаго числа экземпляровъ въ національную бібліотеку лишало его возможности преслѣдовать контрафакторовъ. Но по закону 29-го Іюля 1881 г. такая связь между представленіемъ экземпляровъ и правомъ преслѣдовать за контрафакцію уничтожена, и требованіе представленія экземпляровъ относится лишь къ типографщику, съ котораго взыскивается штрафъ въ размѣрѣ до 300 фр. за неисполненіе этого требованія. Другія законодательства, какъ германское, австрійское, венгерское, бельгійское, швейцарское не признаютъ за формальностями по регистраціи и депозиту экземпляровъ значенія существеннаго условія пріобрѣтенія авторскихъ правъ, придавая этимъ формальностямъ лишь второстепенное значеніе. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, требуютъ регистраціи по отношенію къ анонимнымъ произведеніямъ (германское и венгерское законодательства) и посмертнымъ изданіямъ (бельгійское и швейцарское законодательства). По нашему законодательству не требуется никакой регистраціи литературныхъ произведеній, а лишь возлагается на

типографщиковъ обязанность представлять въ различные учрежденія узаконенное число экземпляровъ.

Экземпляры эти представляются для слѣдующихъ учреждений: 2 экземпляра для цензуры, 2—для Публичной Библиотеки, 1—для Императорской Академіи Наукъ, 2—для Московскихъ музеевъ, Публичнаго и Румянцевскаго, 1—для Департамента Юстиціи, 1—для Гельсингфорскаго университета, 1—для Главнаго Штаба, — всего 10 экземпляровъ¹.

XVII.

Авторское право, какъ всякое имущественное право, можетъ переходить отъ одного лица къ другому всѣми законными способами отчужденія и приобрѣтенія. Авторское право можетъ перейти отъ автора къ издателю по договору, можетъ быть предметомъ духовнаго завѣщанія или переходить къ наслѣдникамъ по законному наслѣдованію, также можетъ быть передано другому лицу путемъ даренія или въ силу принудительнаго взысканія, обращеннаго на имущество автора, при лишеніи автора правъ состоянія, при безвѣстномъ отсутствіи автора и т. д. Затѣмъ авторское право, какъ предметъ гражданскаго оборота, можетъ безгранично переходить отъ одного лица къ другому въ теченіе всего срока, установленнаго закономъ для продолжительности авторскаго права послѣ смерти автора.

Переходъ авторскаго права обставленъ въ нашемъ законодательствѣ весьма стѣснительными формальности-

¹ Шершеневичъ. «Авторское право».

ми, который притомъ редактированы въ законѣ крайне неясно и неопредѣленно, что ставить нерѣдко судебную практику въ очень затруднительное положеніе.

По нашему закону „условія, заключаемыя между сочинителями, переводчиками или издателями и типографщиками или книгопродавцами, составляютъ въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено Положеніе о Нотаріальной части, на основаніи правилъ сего Положенія, а въ прочихъ мѣстностяхъ записываются на основаніи общихъ правилъ въ маклерской книгѣ“¹. Затѣмъ по ст. 6 прил. къ ст. 420 „всѣ, коимъ сочинитель или переводчикъ завѣщаль или инымъ образомъ уступилъ всѣ или нѣкоторыя свои произведенія, обязаны объявить о семъ и представить надлежащія доказательства въ теченіе перваго послѣ смерти его года, а находящіяся за границей—въ теченіи двухъ лѣтъ. Тогда они въ отношеніи къ симъ произведеніямъ вступаютъ во всѣ права законныхъ его наслѣдниковъ. Сии послѣдніе могутъ на основаніи обыкновенныхъ правилъ вызывать ихъ къ явкѣ въ положенные сроки также, какъ другихъ соучастниковъ въ наслѣдствѣ или кредиторовъ“. Постановленіе это содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ противорѣчій противъ общихъ законовъ. По общимъ законамъ неявка наслѣдниковъ въ теченіе шестимѣсячнаго срока не лишаетъ ихъ права на наслѣдство, которое теряется лишь по истеченіи земской давности со дня послѣдняго припечатанія въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ о явкѣ наслѣдниковъ. Въ отношеніи же литературной собственности законъ устанавли-

¹ Ст. 4. Прилож. къ ст. 420.

вааетъ годичный-двухгодичный срокъ со дня смерти автора для предъявленія своихъ правъ, причемъ неизвѣстно, какія должны быть послѣдствія въ случаѣ, если наследниками въ теченіе этого срока не сдѣлано заявленія о своихъ правахъ. Становится-ли тогда литературное имущество общимъ достояніемъ или, согласно другихъ статей того же приложенія, все равно въ теченіе 50-ти лѣтъ никто не можетъ издавать сочиненія умершаго автора? Затѣмъ, въ случаѣ перехода произведеній отъ автора способомъ переуступки, вышеизложенная статья тоже противорѣчитъ общему принципу нашего права, по которому въ случаѣ уступки какимъ-либо лицомъ какого-нибудь права по акту или договору вовсе не требуется со стороны пріобрѣтателя, чтобы онъ послѣ смерти этого лица заявлялъ куда-либо о своихъ правахъ. Лицо, получившее какое-либо право по договору, пользуется этимъ правомъ въ силу договора, а не чего-либо другого, и это право можетъ быть погашено только земскою давностью.

Этотъ формальный порядокъ перехода авторскаго права, установленный нашимъ закономъ, стѣсняя отношенія между авторами и ихъ правопреемниками, создаетъ массу недоразумѣній, дѣлая нерѣдко вполнѣ несомнѣнныя права спорными, вопреки явной волѣ автора и очевидной справедливости. Кассационная практика по дѣлу Лисенкова и Каманчикова по поводу сочиненій Тараса Шевченко высказала взгляды, которыми совершенно уничтожается юридическая сила постановленій вышеприведенныхъ статей о порядкѣ перехода авторскаго права. Западно-европейскія законодательства не

устанавливаютъ никакихъ особыхъ формъ для перехода авторскаго права. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ въ англійскомъ, американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и испанскомъ, (въ которыхъ установлена регистрація литературныхъ произведеній), требуется также внесеніе въ регистры договоровъ о передачѣ авторскаго права однимъ лицомъ другому. По закону Соединенныхъ Штатахъ, право наслѣдниковъ на продленіе срока исключительнаго пользованія авторскимъ имуществомъ поставлено въ зависимость отъ занесенія, въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ, въ регистры заглавія сочиненія и соблюденія другихъ формальностей по укрѣпленію ихъ правъ.

Авторское право, которое наше законодательство называетъ *собственностью*, заключаетъ въ себѣ одну особенность, отличающую ее отъ всѣхъ другихъ видовъ собственности—отличіе, указывающее на тѣсную связь между объектомъ этой собственности и личностью собственника, въ то время, какъ для всякой другой собственности совершенно безразлична личность собственника. Именно, по ст. 1041 Уст. Гражд. Судопр. „сочиненія и переводы рукописные и напечатанные, *но не обращенные еще въ продажу* самимъ сочинителемъ или переводчикомъ, не подлежатъ публичной продажѣ, ни при жизни сочинителя безъ собственнаго его на то согласія, ни по смерти безъ согласія наслѣдниковъ“. А по ст. 1040 того же устава приобрѣтеніе съ публичнаго торга сочиненій не даетъ покупщику права литературной собственности.

Въ этомъ постановленіи нашего закона, по которому на литературныя произведенія не распространяется

порядокъ принудительнаго перехода посредствомъ обращенія взысканія, проводится весьма справедливый и гуманный принципъ, который раздѣляется только немногими западно-европейскими законодательствами и оспаривается въ ученой литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было-бы весьма несправедливо, чтобы литературныя произведенія, пока они еще въ рукописи или хотя уже отпечатаны, но еще не выпущены самимъ авторомъ въ свѣтъ, были принудительно передаваемы всякому встрѣчному и поступили въ обращеніе помимо добровольнаго согласія на то автора. Это значило-бы посягать на свободу автора и стѣснять его духовную личность, подчиняя его художественные или научные интересы интересамъ кредиторовъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ Штаббъ, Вехтеръ и др. идутъ еще дальше и высказываются противъ обращенія взысканія даже на произведенія, уже обнародованныя авторомъ, находя и въ этомъ случаѣ несправедливымъ принуждать авторовъ выпустить, для удовлетворенія кредиторовъ, свои сочиненія въ новомъ изданіи, — „такъ какъ, говоритъ Вехтеръ, быть можетъ авторъ, по научнымъ основаніямъ, желалъ-бы издать свое сочиненіе только послѣ предварительной переработки“¹.

Изъ положительныхъ законодательствъ съ наиболѣе полной послѣдовательностью проводится этотъ принципъ въ голландскомъ законодательствѣ, по которому совершенно не допускается обращеніе взысканія на литературныя произведенія. Также по итальянскому и венгерскому законодательствамъ литературныя произведенія,

¹ Шаршеневчъ. «Авторское право», стр. 220.

даже уже изданныя, не могут подлежать принудительному взысканію, причемъ по итальянскому закону неприкосновенность авторскаго права сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока авторское право находится въ лицѣ автора, а по венгерскому закону — даже тогда, когда оно перешло къ наслѣдникамъ или легатаріямъ автора. Бельгійскій законъ содержитъ постановленіе однородное съ постановленіемъ нашего закона, именно, что литературныя произведенія не подлежатъ принудительному взысканію, пока они не выпущены авторомъ въ свѣтъ. Другія законодательства не даютъ никакихъ постановленій по этому вопросу.

XVIII.

Нарушеніе правъ, принадлежащихъ автору, называется *контрафакцією*, или, какъ нашъ законъ называетъ, — *самовольнымъ* изданіемъ. Подъ этимъ понятіемъ разумѣется воспроизведеніе и распространеніе къмъ-либо чужаго сочиненія, съ цѣлью извлеченія выгоды, въ ущербъ интересамъ автора или дѣйствительнаго собственника этого сочиненія. Посягательство на авторское право можетъ выражаться въ различныхъ формахъ и заключать въ себѣ различныя степени виновности контрафактора. Оно можетъ, прежде всего, выразиться въ видѣ *плагиата*, т. е. заимствованія изъ чужаго произведенія идей, мыслей, образовъ, безъ оригинальной ихъ переработки, безъ приложенія творческой самодѣятельности. Въ этомъ видѣ заимствованіе не поддается

преслѣдованію со стороны закона, потому что въ немъ нѣтъ объективныхъ признаковъ посягательства на авторское право, устанавливаемыхъ закономъ, но оно можетъ преслѣдоваться судомъ научной и литературной критики, какъ безнравственное, нетерпимое явленіе. Въ этомъ заключается различіе между *плагиатомъ* и *контрафакціею*. „Плагиатъ представляется заимствованіемъ не противозаконнымъ, потому что онъ не можетъ перейти предѣловъ, установленныхъ закономъ, — иначе становится контрафакціею. Не составляя явленія противозаконнаго, оно считается явленіемъ безнравственнымъ, противорѣчащимъ правиламъ литературной жизни и потому подлежащимъ строгому приговору литературной критики“¹. Возвышаясь далѣе въ степени виновности, съ точки зрѣнія уголовной, посягательство на авторское право можетъ выразиться въ формѣ заимствованія изъ чужаго произведенія отдѣльныхъ частей или мѣстъ въ размѣрахъ, превышающихъ закономъ допускаемые, — въ видѣ ссылокъ, выдержекъ, цитатъ, помѣщаемыхъ въ самостоятельномъ сочиненіи. Далѣе виновность контрафактора выступаетъ еще сильнѣе, когда имѣетъ мѣсто изданіе чужаго произведенія въ полномъ объемѣ, причемъ контрафакторъ, безъ надлежащаго уполномочія, располагаетъ завѣдомо чужимъ литературнымъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ. Наконецъ контрафакція достигаетъ высшей степени виновности, когда изданіе чужаго произведенія соединяется съ *подлогомъ въ авторствѣ*, т. е. когда контрафакторъ издаетъ чужое произведеніе подъ своимъ именемъ, выдавая сочиненіе за свое.

---

¹ Шершеневичъ, Авторское право, стр. 277.

Контрафакція влечетъ за собою послѣдствія двоякаго рода: уголовное наказаніе и обязанность возмѣщенія имущественнаго, вреда, причиненнаго контрафакціею.

Наказуемость контрафакціи по нашему законодательству, въ сравненіи съ западно-европейскими законодательствами, отличается личнымъ характеромъ и крайней суровостью. Въ западныхъ законодательствахъ наказаніе за контрафакцію носитъ имущественный характеръ и только въ случаѣ несостоятельности замѣняется личнымъ взысканіемъ. Такъ, по французскому законодательству, воспроизведеніе чужаго произведенія влечетъ за собою штрафъ въ размѣрѣ отъ 100 до 2000 франковъ, а за сбытъ контрафактныхъ книгъ полагается штрафъ, въ размѣрѣ отъ 50 до 500 франковъ. По германскому закону, контрафакція наказывается денежнымъ взысканіемъ, высшій размѣръ котораго опредѣленъ въ 1000 талеровъ, причеиъ въ случаѣ несостоятельности штрафъ замѣняется лишеніемъ свободы на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Противозаконное же заимствованіе, наказуемое при неуказаніи источника, обложено лишь денежнымъ взысканіемъ до 20 талеровъ, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣняемо лишеніемъ свободы, Австрійское устанавливаетъ штрафъ въ размѣрѣ отъ 25 до 1000 флориновъ, замѣняя этотъ штрафъ въ случаѣ несостоятельности лишеніемъ свободы на различные сроки отъ одной недѣли до 6 мѣсяцевъ. По венгерскому закону — до 2000 флориновъ или въ случаѣ несостоятельности — лишеніе свободы на сроки, исчисляемые по расчету 10 флор. за день. По бельгійскому и швейцарскому законамъ —

до 2000 франковъ, причемъ по швейцарскому закону этотъ штрафъ удваивается въ случаѣ повторенія преступленія.

Такимъ образомъ, во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ, лишеніе свободы примѣняется лишь, какъ замѣна имущественнаго взысканія. По русскому же законодательству контрафакція влечетъ за собою лишеніе свободы, какъ самостоятельное наказаніе, и только въ случаѣ частичной контрафакціи, т. е. заимствованія, превышающаго дозволенные закономъ предѣлы, установлено денежное взысканіе. По ст. 1684 Улож. о Наказ. виновный въ воспроизведеніи чужаго произведенія, подвергается заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ, а по ст. 1865 виновный лишь въ заимствованіи изъ чужаго произведенія въ размѣрѣ, превышающемъ закономъ опредѣленные предѣлы, подвергается денежному взысканію не свыше двойной цѣны всѣхъ напечатанныхъ экземпляровъ съ такими, заимствованными изъ чужихъ произведеній, частями. Наказаніе за контрафакцію возвышается до очень суровой степени въ случаѣ, если она соединяется съ присвоеніемъ имени автора, именно, по ст. 1683 — до лишенія всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылки на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ Сибирскихъ, или заключенія въ тюрьмѣ на время отъ 3 до 3¹/₂ л.

Контрафакція относится къ числу частно-уголовныхъ преступленій. По этому во всѣхъ законодательствахъ, преслѣдованіе за контрафакцію принадлежитъ потерпѣвшему. Исключеніе составляетъ только итальянское

законодательство, по которому подлежащая власть может возбуждать уголовное преслѣдованіе, не дожидаясь частной жалобы. Наше законодательство опредѣляетъ, что „дѣла о присвоеніи ученой или художественной собственности начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго вредъ или убытокъ¹“.

Обязанность возмѣщенія имущественнаго ущерба, протекающаго для собственника авторскаго права отъ контрафакціи, возлагается на контрофактора, независимо отъ уголовного наказанія, и служить самостоятельнымъ основаніемъ для гражданскаго иска даже въ томъ случаѣ, когда контрофакторъ не преслѣдуется уголовнымъ порядкомъ или, хотя преслѣдуется, но дѣйствія его по какимъ-либо основаніямъ не влекутъ за собою уголовного наказанія. Эта гражданская отвѣтственность контрофактора установлена, помимо общихъ законовъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, специальнымъ закономъ—статьею 20 прил. къ ст. 420, т. X, ч. I. По этой статьѣ, „взысканіе за самовольное изданіе (контрафакцію) состоитъ: *во-первыхъ*, въ возвращеніи отъ виновнаго законному издателю всего того убытка, который исчислится по соображенію дѣйствительной платы за все изготовленіе экземпляровъ самовольнаго изданія съ продажною цѣною отъ законнаго издателя прежде (т. е. при собственномъ изданіи того же произведенія) объявленную; *во-вторыхъ*, въ отобраніи наличныхъ самовольнаго изданія экземпляровъ, которые и обращаются въ пользу законнаго издателя“. Нѣсколько нескладная,

¹ Ст. 1685, (примѣч.). Улож. о наказ.

темная редакція этой статьи крайне затрудняетъ составленіе расчета убытковъ по указаннымъ въ ней основаніямъ. Весь этотъ расчетъ основанъ на крайне неопредѣленныхъ данныхъ — на неизвѣстномъ количествѣ напечатанныхъ и проданныхъ экземпляровъ, на неопредѣленномъ исчисленіи расходовъ, представляющихъ для суда и для истца вполнѣ неизвѣстныя величины, и на произвольномъ соображеніи гадательной разницы расходовъ. Между тѣмъ судъ связанъ указанными въ этой статьѣ основаніями и предѣлами при опредѣленіи размѣра причиненнаго убытка и долженъ этими основаніями руководствоваться, а истецъ поставленъ въ затрудненіе, потому что судъ на основаніи п. 3 ст. 257 Уст. гражд. судопроизводства, требуетъ отъ него точнаго опредѣленія исковой суммы убытковъ и можетъ ему отказать въ искѣ, если онъ не удовлетворитъ этому требованію. Западно-европейскія законодательства не стѣсняють судъ никакими правилами относительно производства расчетовъ убытковъ, предоставляя суду полную свободу сообразоваться съ обстоятельствами дѣла въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, на примѣръ германскомъ, вмѣсто частнаго вознагражденія, установлена въ пользу потерпѣвшаго для возмѣщенія его убытковъ однообразная пеня (Busse), высшій размѣръ которой опредѣленъ закономъ въ 6000 марокъ.

Вслѣдствіе технической своеобразности и крайней сложности спорныхъ претензій по такъ называемымъ „литературнымъ дѣламъ“, установленіе наличности преступленія и нанесенія ущерба потерпѣвшему, а въ особенности исчисленіе размѣра ущерба представляютъ нерѣдко большія

затрудненія. Въ виду этого, новый германскій законъ 1870 г., а по его примѣру также и венгерскій, установили особые литературные комитеты (*die litterarischen Sachverständigenvereine*), исполняющіе обязанности экспертовъ по литературнымъ спорамъ. Въ Германіи эти комитеты учреждены въ каждомъ изъ ея составныхъ государствъ, и каждый комитетъ состоитъ изъ 7 членовъ, назначаемыхъ правительствомъ изъ числа ученыхъ, писателей, книгопродавцевъ-издателей и другихъ лицъ, обладающихъ знакомствомъ съ книжно-издательскимъ дѣломъ. Комитеты эти обязаны являться на помощь суду, когда послѣдній обращается къ ихъ содѣйствию. Именно, въ случаѣ возникновенія по какому-либо литературному дѣлу затрудненій или сомнѣній, судъ обращается въ комитетъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе. Мнѣніе комитета, однако, только принимается къ свѣдѣнію судомъ и не имѣетъ для него обязательнаго значенія. Мотивы къ германскому закону слѣдующимъ образомъ объясняютъ необходимость учрежденія подобныхъ комитетовъ. „Своеобразный характеръ споровъ объ авторскомъ правѣ требуетъ отъ свѣдущихъ лицъ, которыя должны представить свое мнѣніе, множества техническихъ свѣдѣній, значительнаго литературнаго знакомства, знанія книжнаго дѣла и постановленій законодательства, каковыя могутъ встрѣтиться только въ комитетѣ, который состоитъ изъ различныхъ элементовъ, причастныхъ къ литературному міру, ученыхъ, писателей, книгопродавцевъ. При этомъ постоянный комитетъ имѣетъ то преимущество, что продолжительное занятіе этимъ дѣломъ вырабатываетъ твердыя начала и устойчивую практику,

такъ что является возможность избѣгнуть колебаній и противорѣчій въ обсужденіи различныхъ случаевъ¹.

По причинѣ своеобразнаго гражданско-правоваго характера контрафакціи, тяжущіеся часто предпочитаютъ, вмѣсто суда, прибѣгать къ посредничеству третейскаго суда. У насъ въ Россіи, вслѣдствіе недостаточной полноты и несовершенства нашихъ законовъ о литературной собственности, обращеніе къ третейскому суду по литературнымъ дѣламъ вошло въ обычай и по видимому упрочится въ нашей жизни.

---

¹ Шершеневичъ, Автор. право.

На Италіянскомъ языкѣ.

- Amar**, Dei diritti degli autori di opere dell'ingegno, 1876.
Cavagnari, Filosofia del diritto e la proprietà litteraria. 1883.
Convenzioni internazionali, sulla proprietà letteraria con la legislazione interna dei diversi stati 1888.
Marghieri, Il diritto commerciale Italiano, 1888, т. II.
Rabbeno, Diritti d'autore ed opere d'ingegno, brevetti d'invenzione, 1885.
Rosmini, Legislatione e giurisprudezà sui diritti d'autore, Milano, 1890.
Segni, Perpetuita della proprietà litteraria.
Vidari, Corso di diritto commerciale т. III, 1889.

Русская литература.

- Боборыкинъ**, Авторы, ихъ права и положеніе. («Слово», 1878 г., Сентябрь и Октябрь).
Вербловскій, О продажѣ съ публичнаго торга художественной и литературной собственности. («Журн. Мин. Юстиціи» 1866).
Гальперинъ-Каминскій, Общая польза авторскаго права, 1894.
Думашевскій, Приобрѣтеніе права собственности на литературныя произведенія. («Журн. Мин. Юстиціи», 1868).
Калмыковъ, О литературной собственности. («Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія», 1851).
Муромцевъ, Авторское право. («Юрид. Вѣсти.», 1878, № 3).
Панкевичъ, Объектъ авторскаго права, 1878.
Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, т. I, 1883.
Спасовичъ, Права авторскія и контрафакція, 1865.
» » Вопросъ о такъ называемой литературной собственности («Вѣстн. Европы», 1874).
» » Сочиненія, т. III.

ЛИТЕРАТУРА

ПО ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

На нѣмецкомъ языкѣ.

- Anders**, Beiträge zur Lehre vom literarischen und artistischen Urheberrechts, 1881.
- Bluntschli**, Deutsches Privatrecht, 1860.
- Carey**, Briefe über schriftstellerisches Eigenthum. 1866.
- Daude**, Lehrbuch des deutschen litterarischen, Künstlerischen und gewerblichen Urheberrechts, 1888.
- Eisenlohr**, Das litterarisch-artistische Eigenthum und Verlagsrecht, 1885.
- Endemann**, Das Gesetz betreffend das Urheberrecht an Schriftwerken, 1871.
- Friedländer**, Der Rechtsschutz gegen Nachdruck und Nachbildung, 1857.
- Gareis**, Das juristische Wesen des Autorechts, sowie des Firmen und Markenschutzes, (Archiv für Theorie und Praxis des allgemeinen deutschen Handels und Wechselrechts, 1877, т. XXXV).
- Gerber**, Ueber die Natur der Rechte des Schriftstellers und des Verlegers. (Jahr. für Dogm. 1859).
- Gesetz des deut. v. 11/8**, 1870, betr. d. Urheherr. an Schriftwerken. Text und Commentare von: Dambach 1871, Endemann 1871, Fischer 1872, Klostermann 1876, Kowalzig 1877, Steinitz 1876, Wächter 1877.

- Gesetze** über d. Urheberrecht im In-u. Auslande nebst d. internat. Litterarverträgen und der Bestimmungen über d. Verlagsrecht, 1891.
- Goepél**, Begriff und Wesen des Urheberrechts, 1881.
- Harum**, Die gegenwärtige österreichische Pressgesetzgebung. Systematische Darstellung und Erläuterung der gesetzlichen Bestimmungen über das Autorrecht, 1857.
- v. Hillern**, Streitfragen a. d. Autorrecht, 1876.
- Jolly**, Die Lehre von Nachdruck, 1852.
- Kärger**, Theorien über die juristische Natur des Urheberrechts 1882.
- Klostermann**, Das geistige Eigenthum an Schriften, Kunstwerken und Erfindungen, 1867.
- » » Das Urheberrecht u. das Verlagsrecht, 1871.
- » » Das Urheberrecht an Schrift—und Kunstwerken, 1876.
- Kohler**, Civilistische Abhandlung über das Autorrecht 1880.
- » » Das litterarische und artistische Kunstwerk und sein Autorschutz, 1892.
- » » Das Autorrecht (Jahr. für Dogm. 1880 t. XVIII).
- » » Autor—Patent und Industrierecht (Archiv für Theorie und Praxis des allgem. deutschen Handels und Wechselrechts, 1847 t. 47).
- Korb**, Was ist geistige Eigenthum? 1869.
- Mandry**, Gesetz betr. Urheberrecht, 1867.
- Orelli**, Der internat. Schutz des Urheberrechts, 1887.
- Ortloff**, Das Autor—und Verlagsrecht (Jahrb. für Dogmatik 1861).
- Osterrieth**, Altes und Neues zur Lehre vom Urheberrecht, 1892.
- Richter**, Kunst und Wissenschaft und ihre Rechte im Staat, 1863.
- Shäffle**, Das Urheberrecht, 1867.
- » » Die nationalökonomische Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnisse, 1867.
- Schurmann**, Die Rechtsverhältnisse der Autoren und Verleger, 1889.
- Schuster**, Wesen des Urheberrechts, 1891.
- Stobbe**, Urheberrecht, 1855.

- Streissler**, Recht für Urheber, Buchhandel und Presse, 1890.
Wächter, Das Auto.recht, 1875.
v. Wrangell, Principien d. literarischen Eigenthums, 1866.

На французскомъ языкѣ.

- Billard**, Du principe de perpetuité de la propriété littéraire (Revue pratique de droit français, т. LIII. 1883).
Blanc, Traité de Contrefaçon, 1885.
Bodéux, Le droit d'auteur, 1890.
Breuilier, Du droit de la propriété intellectuelle, 1855.
Bricon, Des droits d'auteur dans les rapports internationales, 1888.
Boulloche, La propriété intellectuelle, ce qu'elle devrait être et ce qu'elle est. 1888.
Calmels, Propriété et contrefaçon des oeuvres de l'intelligence, 1856.
Daloz, Répertoire de législation et de jurisprudence (Propriété littéraire et artistique), 1857.
Delalande, Etude sur la propriété littéraire et artistique, 1880.
Darras, Du droit des auteurs et des artistes dans les rapports internationales, 1886.
Droz, Conference diplomatique de Berne dans le but de constituer une union (Journal de droit internat. privé, 1884).
Franc, Philosophie du droit civil, 1886.
Foscolombe, Essai sur la propriété littéraire.
Huard, Etude comparative des législations françaises et étrangères en matière de propriété industrielle, littéraire et artistique, 1863.
» » Des contracts entre les auteurs et les éditeurs, 1889.
Ianlet, De la protection des oeuvres de la pensée, 1889.
Laboulaye, Etudes sur la propriété littéraire en France et Angleterre au XVIII siècle, 1858.
Lavollée, La propriété littéraire et la convention de Berne (Journal des économistes, 1887).

- Lyon-Caen et Delalain.** Lois françaises et étrangères sur la propriété littéraire et artistique, 1889.
- Morisseaux,** Essai sur le droit d'auteur, 1886.
- Paqui,** Droits des auteurs et des artistes, 1885.
- Picard,** Embryologie juridique (Journal de droit intern privé, 1883).
- Pouillet,** Traité de la propriété littéraire et artistique, 1879.
- Proudon,** Majorats littéraires, 1863.
- Renonard,** Traité des droits d'auteurs 1838—1839.
- Roguin,** La règle de droit, 1889.
- Romberg,** Compte rendu des travaux du Congrès de la propriété littéraire et artistique, 1858.
- Soldan,** Union internationale pour la protection des œuvres littéraires et artistiques (Revue de droit, de la législation et jurisprudence, 1887).
- Thulliez,** Droit français de la propriété littéraire, 1876.
- Worms,** Étude sur la propriété littéraire, 1878.

На английскомъ языкѣ.

- Bowker,** Principles and law of copyright. New-York, 1886.
- Drone,** Law of copyright and playwright, Boston, 1878.
- Copinger,** Law of copyright, London, 1870.
- Cutler, Smith a. Weatherly,** Law of Musical and Dramatic copyright. Revised ed. London. 1892.
- Holcombe,** International copyright. Philadelphia, 1890.
- Iorroid,** English and Foreign copyright in Literary and Dramatic Works, London, 1881.
- Puntnam,** Summary of the copyright laws at present in force in the chief countries of the world. New-York. 1891.
- Scrutton,** Law of copyright. London, 1891.
- Winslow,** Law of Artistic copyright in Paintings, Drawings, Photographs, Engravings, Sculpture and Designs, London, 1889.

Табашниковъ, Литературная собственность 1878.

Филиповъ, О правѣ собственности на произведенія наукъ и словесности («Отеч. Записки», 1872, Июль).

Шершеневичъ, Авторское право на литературныя произведенія, 1891.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I. Сводъ дѣйствующихъ узаконеній и постановленій о литературной и художественной собственности, съ разъясненіями по кассационнымъ рѣшеніямъ Сената.

II. Бернская конвенція 9 Сентября 1886 года.

СВОДЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ УЗАКОНЕНІЙ И ПОСТАНОВЛЕНІЙ О
ЛИТЕРАТУРНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СЪ
РАЗЪЯСНЕНІЯМИ ПО КАССАЦІОННЫМЪ РѢШЕНІЯМЪ СЕНАТА.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(изданія 1887 года, со включеніемъ статей по Продолженіямъ
1890 и 1891 годовъ).

Ст. 420. Примѣчаніе 2. Право собственности на произведенія литературы и художествъ, принадлежащее самимъ авторамъ сихъ произведеній, ихъ наследникамъ, или лицамъ, коимъ оно передано тѣми или другими, называется *собственностью литературною и художественною*; а право собственности на произведенія музыкальныя—*собственностію музыкальною*. Основанія сихъ видовъ собственности, сроки пользованія оною и порядокъ охраненія въ случаѣ споровъ о нарушеніи соединенныхъ съ таковою собственностію правъ опредѣляются въ правилахъ, при семъ приложенныхъ, и въ законахъ судопроизводства. Правила о правѣ собственности на рисунки и модели, предназначенные для воспроизведенія въ заводскихъ, фабричныхъ или ремесленныхъ издѣліяхъ, содержатся въ Уставѣ о Промышленности (изд. 1887 г.).

Приложение къ статьѣ 420 (прим. 2).

О правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ.

I. О правахъ собственности на произведенія наукъ и словесности.

1. Каждый сочинитель или переводчикъ книги имѣть исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданіемъ и продажей оной по своему усмотрѣнію, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ.

Примѣчаніе. Права сочинителей и переводчиковъ драматическихъ пьесъ и оперъ, принятыхъ для представленія на Императорскихъ театрахъ, на вознагражденіе за литературную собственность, опредѣляются Положеніемъ 13 ноября 1827 года. Министру Императорскаго Двора предоставляется, впредь до изданія новыхъ законовъ о драматической собственности, дѣлать въ означенномъ Положеніи всякія измѣненія и дополненія, сообразно современнымъ потребностямъ.

1. Въ Цензурномъ Уставѣ не установлено, чтобы при рѣшеніи вопроса о томъ, составляетъ ли данное произведеніе литературную собственность опредѣленнаго лица, слѣдовало обращать вниманіе на мѣру участія ума и фантазіи владѣльца или автора въ напечатанной имъ книгѣ или статьѣ (Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1868 г. № 478, по дѣлу Старчевскаго).

2. Для признанія за сочинителемъ, переводчикомъ, первымъ издателемъ или составителемъ книги права литературной собственности необходимо только, чтобы ихъ произведеніе не было простымъ воспроизведеніемъ чужаго труда, чтобы сіи лица, если они воспользовались чужими мыслями или собранными другими лицами свѣдѣніями, какъ матеріалами, дали имъ другую литературную форму, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи. (Рѣш. Уголовн. Касс. Департ. 1871 г. № 1591, по дѣлу Галцукъ).

3. Сочиненія или статьи, составленныя при пособіи общедоступныхъ матеріаловъ или свѣдѣній, должны считаться ли-тературными произведеніями, дающими первому издателью право исключительной литературной собственности на эти сочиненія или статьи (тамъ же).

4. *Касс. Рѣш.*, 1870 г., № 798.—Сенатъ постановилъ, что всякое произведеніе наукъ, словесности, художествъ и искусствъ сообщаетъ авторамъ произведеній разныя права, какъ личныя, такъ и имущественныя, установленныя нашимъ законодательствомъ. Личныя права состоятъ въ разнаго рода наградахъ или имуществвахъ, предоставленныхъ лицу, какъ автору. Имущественныя права суть тѣ, кои принадлежать тому же лицу, какъ собственнику произведеній. Первые изъ нихъ не наследственны и не могутъ существовать безъ существованія автора; вторыя, напротивъ того, какъ и всякое право собственности на имущество, могутъ переходить по наследству или по передачѣ кому либо другому, въ предѣлахъ законами установленныхъ (ст. 1185. т. X, ч. I и ст. 283, 321, 347 Уст. Цenz. ¹). Въ законѣ 13-го ноября 1827 г., объ управленіи Императорскими театрами (Полн. Собр. Зак. 1827 г., № 1533), установлено было, между прочимъ, особое положеніе о вознагражденіи сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и оперъ. На основаніи § 7 этого Положенія, сочинители принятыхъ пьесъ и оперъ пользуются во всю свою жизнь частію сбора, послѣдовавшаго въ дни представленія ихъ пьесъ на которомъ нибудь изъ Императорскихъ театровъ обѣихъ столицъ; далѣе же въ § 14 того же Положенія предоставлено сочинителямъ право бесплатнаго входа въ театры въ дни казенныхъ представленій. Очевидно, что такого рода права, ограниченныя личностью автора, никакъ не могутъ входить въ составъ его имущественныхъ правъ на сочиненіе и что эти права составляютъ особенныя права автора на дарованныя его лицу преимущества, совершенно отдѣльныя отъ правъ собственника на сочиненіе. Дѣло шло о томъ, что композиторъ, продавъ издателью свою оперу, продолжалъ пользоваться поспектальнымъ сборомъ, который, по мнѣнію издателя, долженъ принадлежать ему. Палата и Сенатъ отказали въ искѣ и тѣмъ признали, что право на поспектальную плату есть право личное, не принадлежащее къ праву изданія.

¹ Ст. 321 и 347 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуютъ ст. 28 и 41 его приложения.

2. Первые издатели народных пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и повѣстей, сохранившихся однимъ изустнымъ преданіемъ, пользуются такими же правами, какъ и сочинители новыхъ книгъ, равнымъ образомъ и первые издатели древнихъ рукописей, что однакожь не препятствуетъ другимъ издавать тѣ же лѣтописи, или другіе древніе манускрипты съ полнѣйшаго, вѣрнѣйшаго, или почему либо отличнаго списка.

— Изданіе лекцій умершаго профессора, если издателемъ употребленъ особый умственный трудъ на собраніе ихъ, приведеніе въ извѣстность и редакцію, составляетъ случай, къ которому по аналогіи, согласно ст. 9 и 10 Уст. Гражд. Суд. можетъ быть примѣнена ст. 285 Уст. Цензурнаго (изд. 1857 г.¹). (Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1872 г., по дѣлу Молеріуса и Калининой).

3. Права на второе изданіе книги должны быть слѣдствіемъ предварительныхъ соглашеній между сочинителемъ, переводчикомъ или издателемъ и книгопродавцемъ. Если между ними нѣтъ никакого письменнаго условія, то сочинитель, переводчикъ или издатель, или же, въ случаѣ ихъ смерти, наслѣдники ихъ могутъ печатать книгу вторымъ изданіемъ по прошествіи пяти лѣтъ со дня выдачи изъ цензуры позволительнаго на выпускъ оной билета.

— Приобрѣтеніе права на первое изданіе сочиненія и приложеніе (издателемъ) особаго труда на собраніе, приведеніе въ извѣстность и редакцію содержанія означеннаго сочиненія—являются для издателя основаніемъ и на послѣдующія изданія (ст. 287 изд. 1857 г.)² (Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1872 г., по дѣлу Молеріуса и Калининой).

¹ Ст. 285 Уст. Ценз., изд. 1857 г., соответствуетъ приведенной 2-й статьѣ сего приложенія.

² Ст. 287 Уст. Ценз., изд. 1857 г., соответствуетъ приведенной 3-й статьѣ сего приложенія.

4. Условія, заключаемыя между сочинителями, переводчиками или издателями и типографщиками или книгопродавцами, составляются на основаніи правил Положенія о Нотаріальной части, а въ мѣстностяхъ, въ коихъ означенное Положеніе не введено въ дѣйствіе, записываются на основаніи общихъ правилъ въ маклерской книгѣ.

— *Рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. 1869 г., № 178, по кассационной жалобѣ купца Лисенкова на рѣшеніе С.-Петербургской Судебной Палаты:*
 «Купецъ Лисенковъ предъявилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ искъ къ купцу Кожанчикову о взысканіи убытковъ за нарушеніе принадлежащаго ему, Лисенкову, права литературной собственности на сочиненіе Шевченки подъ названіемъ «Кобзарь» и «Гайдамаки». Право собственности на эти два сочиненія Шевченки Лисенковъ доказывалъ, во-первыхъ, экземпляромъ сочиненія Шевченки «Кобзарь», на которомъ имѣется собственноручная надпись Шевченки отъ 8-го февраля 1843 года слѣдующаго содержанія: «Въ вѣчное и потомственное владѣніе передаю право сего сочиненія Ивану Тимоеевичу Лисенкову. Шевченко», и во-вторыхъ, условіемъ, писаннымъ отъ 8 февраля 1843 г. на гербовой бумагѣ, но нигдѣ не засвидѣтельствованнымъ, слѣдующаго содержанія. «Я, ниже подписавшійся, продалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе с.-петербургскому книгопродавцу Ивану Тимоеевичу Лисенкову моего собственнаго сочиненія стихотворенія, на малороссійскомъ языкѣ «Кобзарь» и «Гайдамаки», и симъ обязуюсь, что, кромѣ книгопродавца Лисенкова, ни я, Шевченко, ни даже никто изъ наслѣдниковъ, сего сочиненія печатать не имѣютъ права. Слѣдующія за это деньги сполна получилъ. Если же я сочиненіе безъ вѣдома Лисенкова напечатаю, то обязанъ заплатить Лисенкову 1,500 руб. неустойки, въ чемъ свидѣтельствую собственноручно. Шевченко». Не смотря на то, книгопродавецъ Кожанчиковъ, вслѣдствіе сдѣланной ему уступки повѣреннымъ наслѣдниковъ Шевченки, издалъ сочиненіе Шевченки, въ которомъ, между прочимъ, слово въ слово, безъ всякаго измѣненія помѣщены тѣ два сочиненія Шевченки, на которыя представлены имъ упомянутые выше документы, которыми, по мнѣнію его, Лисенкова, положительно доказывается его право собственности на эти два сочиненія. Противъ этого

иска, повѣренный отвѣтчика Кожанчикова, Спасовичъ, возражалъ, что ни надпись, сдѣланная на экземплярѣ «Кобзарь», на которую ссылается Лисенковъ, ни условіе, заключенное имъ съ Шевченко, не могутъ составлять основаніе права собственности, потому что, на основаніи 288 ст. Устав. Цenz.¹, требуется, чтобы условія, заключенныя между сочинителями, переводчиками или издателями, типографщиками или книгопродавцами, составлялись на гербовой бумагѣ и записывались, на основаніи общихъ правилъ, въ маклерской книгѣ; что кроме неформальности тѣхъ документовъ, на которые ссылается Лисенковъ, онъ, Лисенковъ, о переданномъ ему правѣ собственности, со времени этой передачи, не сдѣлалъ той публикаціи, которую онъ обязанъ былъ въ силу 290 ст. Цenz. Уст.²; что объявленія, сдѣланныя имъ въ разныхъ Вѣдомостяхъ, на которыя онъ ссылается, вовсе не могутъ замѣнить того порядка оглашенія о передачѣ права литературной собственности, который по содержанію 290 ст. Цenz. Уст., требуется закономъ, и что, наконецъ, тѣ сочиненія Шевченки, на которыя Лисенковъ доказываетъ свое право собственности, въ объемѣ изданныхъ Кожанчиковымъ сочиненій Шевченки, составляютъ гораздо менѣе одной третьей части и что, поэтому, даже по одной этой причинѣ тутъ нѣтъ нарушенія права собственности и не можетъ быть и рѣчи о контрафакціи, а слѣдовательно Лисенковъ не имѣетъ и права на предъявленіе иска объ убыткахъ. Окружный Судъ, рассмотрѣвъ это дѣло, отказалъ въ искѣ Лисенкова, и рѣшеніе суда подтверждено судебной палатой по апелляціонной жалобѣ Лисенкова. На рѣшеніе судебной палаты была принесена Лисенковымъ кассационная жалоба и Правительствующій Сенатъ разъяснилъ: 1) что истецъ исключительную принадлежность ему изъ сочиненій Шевченки осьми статей «Кобзаря» и 15 статей «Гайдамаки» доказываетъ передачею ему авторомъ навсегда права на это сочиненіе по надписи на заглавномъ листѣ экземпляра «Кобзаря» и по особому условію отъ 8 февраля 1843 г. Судебная Палата не придавала значенія ни надписи, ни условію, на томъ основаніи, что хотя условіе и писано на гербовой бумагѣ, но нигдѣ не явлено и не засвидѣтельствовано, тогда какъ, по

¹ Ст. 288 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуетъ приведенной 4-й статьѣ сего приложенія.

² Ст. 290 Уст. Цenz., изд. 1857 соответствуетъ ст. 6-й сего приложенія.

силѣ 288 ст. т. XIV Уст. Пенз., условія между сочинителями, издателями и книгопродавцами должны быть не только писаны на гербовой бумагѣ, но и явлены у маклера. Означенное заключеніе Палаты Лисенковъ въ кассационной жалобѣ своей признаетъ неправильнымъ. Дѣйствительно, въ ст. 288 т. XIV Уст. Пенз. помѣщено требованіе, указанное Палатою о написаніи условій на обыкновенной гербовой бумагѣ и о запискѣ, на основаніи общихъ правилъ, въ маклерской книгѣ; но неисполненіе сего условія не лишало Палату возможности, и при неисполненіи этой формальности, опредѣлить силу и значеніе документовъ, на которыхъ Лисенковъ основывалъ свои права, въ виду статей Уст. Гражд. Суд., опредѣляющихъ силу письменныхъ доказательствъ (ст. 456—478 Уст. Гр. Суд.). Статьею 461 Уст. Гр. Суд. постановлено, что акты, которые должны быть по закону писаны на гербовой бумагѣ, принимаются въ доказательство и въ томъ случаѣ, когда они писаны на бумагѣ простой или на гербовой не надлежащаго достоинства. За симъ и незаписка условія въ маклерскую книгу не могла лишить условіе сіе всякой доказательной силы, ибо въ самой 288 ст. Пенз. Устава не содержится правила о томъ, чтобы незаписанныя въ маклерскую книгу условія признавать недѣйствительными, а новый Уставъ Судопроизводства дозволяетъ принимать за доказательство не только акты крѣпостные, явочные и домашніе, о коихъ упоминается въ законахъ гражданскихъ, но и другія бумаги (ст. 438 Уст. Гр. Суд.), и даже домашнимъ актамъ, признаннымъ тѣми, противу коихъ они представлены, за подлинныя, законъ придаетъ (ст. 458 Уст. Гражд. Суд.) равную силу съ актами, совершенными и засвидѣтельствованными установленными для сего мѣстами и лицами. Въ виду сихъ общихъ началъ судопроизводства о силѣ письменныхъ доказательствъ и за неимѣніемъ въ ст. 288 Уст. Пенз. т. XIV особаго исключительнаго правила, Судебная Палата нарушила точный смыслъ означенной статьи, лишивъ представленные Лисенковымъ документы всякой доказательной силы, только на томъ основаніи, что они не засвидѣтельствованы у маклера. 2) Далѣе Палата признала, что относительно перехода и укрѣпленія литературной собственности установлены въ законахъ спеціальныя правила. Изъ коихъ въ 290 ст. Уст. Пенз. т. XIV узаконено: тѣ, коимъ сочинитель или переводчикъ завѣщаль или же инымъ образомъ уступилъ всѣ или нѣкоторыя свои произведенія, обязаны объявить о семъ и представить надлежащія доказательства въ теченіе перваго

послѣ смерти года. Тогда они въ отношеніи къ симъ произведеніямъ вступаютъ во все права законныхъ его наследниковъ. Сии послѣдніе могутъ на основаніи обыкновенныхъ правилъ вызывать ихъ къ явкѣ въ положенные сроки, также какъ и другихъ соучастниковъ въ наследствѣ или кредиторовъ. По прямому и буквальному смыслу этого узаконенія, согласно заключенію Судебной Палаты, все безъ различія приобретаатели сочиненій обязаны по смерти автора въ теченіе года объявить о таковыхъ уступленныхъ имъ сочиненіяхъ и представить, подобно наследникамъ, надлежащія доказательства о правахъ своихъ на приобретенныя литературныя произведенія и тогда уже они въ отношеніи къ симъ произведеніямъ вступаютъ во все права законныхъ его наследниковъ, а изъ заключающагося въ концѣ 290 ст. присовокупленія явствуетъ, что требуемыя симъ закономъ объявленія и доказательства должны быть представлены тому судебному мѣсту, которому подсудно дѣло о наследствѣ умершаго сочинителя, и что публикаціи, произведенныя Лисенковымъ въ разное время объ изданіи имъ помянутыхъ сочиненій Шевченки и вообще напечатаніе по сему предмету частныхъ объявленій, не составляетъ ни законнаго способа объявленія своихъ правъ, ни представленія надлежащихъ доказательствъ, притомъ сдѣланныхъ не въ продолженіе годоваго послѣ смерти Шевченки срока, установленнаго 290 ст. Уст. Ценз., а потому и не могутъ считаться исполненіемъ требованія сего закона. Противу сего Лисенковъ въ кассацион. жалобѣ своей объясняетъ, что въ случаѣ неисполненія объявленій о правахъ своихъ въ годовой срокъ, ст. 290 т. XIV Уст. Ценз. ничего не говоритъ о лишеніи правъ собственности того лица, которому отчуждены авторомъ сочиненія при его жизни, что въ означенной 290 ст. ничего не сказано, какъ и гдѣ именно заявлять, по неизвѣстности мѣста жительства наследниковъ, и что вслѣдствіе сего, по смыслу этой статьи онъ, Лисенковъ, почитаетъ себя исполнившимъ требованія сего закона, объявляя постоянно печатно о правѣ своемъ во всехъ газетахъ обѣихъ столицъ, о чемъ извѣстно было и наследникамъ Шевченки. По сему Лисенковъ полагаетъ, что Палата вышеозначеннымъ заключеніемъ своимъ нарушила точный смыслъ 290 ст. т. XIV Уст. Ценз. По соображеніи вышеизложеннаго, оказывается, что С.-Петербургская Судебная Палата признала, что требуемыя ст. 290 т. XIV Уст. Ценз. объявленія въ теченіе годичнаго срока по смерти завѣщателя и доказательства должны быть представлены тому

судебному мѣсту, которому подсудно дѣло о наслѣдствѣ умершаго сочинителя. Предписаніе дѣлать объявленіе о правахъ своихъ непременно въ судебномъ мѣстѣ въ ст. 290 не содержитсѣ, а посему буквальный смыслъ означенной статьи не подтверждаетъ заключенія Судебной Палаты. Заключение это Палата выводитъ изъ конца 290 ст., въ коей сказано: «Сии послѣдніе (т. е. наслѣдники) могутъ на основаніи обыкновенныхъ правилъ вызывать ихъ (т. е. лицъ, коимъ сочинитель уступилъ всѣ или нѣкоторыя свои произведенія) къ явкѣ въ положенные сроки, также какъ другихъ соучастниковъ въ наслѣдствѣ или кредиторовъ. Точный смыслъ означеннаго постановленія, помѣщеннаго въ 290 ст. Уст. Цenz., показываетъ, что постановленіемъ симъ не устанавливалось никакихъ особыхъ правилъ и объявленіе подчинялось общимъ правиламъ о явкѣ наслѣдниковъ, помѣщеннымъ въ законахъ гражданскихъ и дѣйствовавшихъ при прежнемъ порядкѣ судопроизводства. Значеніе вызова наслѣдниковъ, установленнаго нашимъ гражданскимъ законодательствомъ, вполне выяснено Высочайше утвержденнымъ 14 апрѣля 1866 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о порядкѣ судопроизводства охранительнаго. Означеннымъ мнѣніемъ разъяснено было, что открытіе наслѣдства не составляло еще повода къ непремѣнному распоряженію о вызовѣ и описи оставшагося имущества, и что только при изданіи правилъ судопроизводства охранительнаго признано было нужнымъ какъ вызовъ наслѣдниковъ, такъ и самое распоряженіе объ описи предоставить вѣдѣнію мѣстъ судебныхъ, а до того времени существовало совершенное разнообразіе въ дѣйствіяхъ по сему предмету какъ судебныхъ мѣстъ, такъ и губернскаго начальства. вмѣстѣ съ симъ необходимо замѣтить, что въ законахъ гражданскихъ не существуетъ, кромѣ общаго 10-ти лѣтняго срока, другаго какого-либо срока, въ теченіи коего наслѣдники по закону обязаны были бы непремѣнно заявить права свои на наслѣдство, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ совершенной утраты оныхъ. Въ семъ отношеніи въ ст. 1241 т. X, ч. 1 прямо высказано, что буде отсутствующіе наслѣдники и не явятся въ теченіе полугода со дня послѣдняго припечатанія въ публичныхъ Вѣдомостяхъ, то на лицо находящееся наслѣдники вступаютъ, по истеченіи сего срока, во владѣніе оставшимся наслѣдствомъ; но симъ отсутствующіе наслѣдники не теряютъ своего права на открытіе спора установленнымъ порядкомъ и въ опредѣленные сроки; а въ ст. 1246 постановлено то общее правило, что кто въ те-

чение 10-ти лѣтняго срока не явится для получения наслѣдства, тотъ лишается онаго на всегда. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что если ст. 290 т. XIV Уст. Цenz. и сравнивала съ законными наслѣдниками лицъ, коимъ сочинитель уступилъ свои произведенія, то лица сии неявкою на одѣланный вызовъ или незаявиленіемъ о своихъ правахъ не лишались возможности доказывать права свои судебнымъ порядкомъ въ теченіе общаго срока о давности. Равнымъ образомъ изъ точнаго смысла ст. 290 т. XIV Уст. Цenz. нельзя было при дѣйствіи прежняго порядка судопроизводства заключить чтобы лица, коимъ сочинитель уступилъ свои произведенія, обязаны были объявить о семъ непременно тому судебному мѣсту, которому подсудно дѣло о наслѣдствѣ умершаго сочинителя. Подобное сему правило и опредѣленіе подсудности дѣла о наслѣдствѣ высказано было только въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства (ст. 215); до того же времени при неопредѣленности существовавшихъ на сей предметъ узаконеній и умопачаній въ ст. 290 т. XIV о томъ, гдѣ именно должно быть явлено объявленіе о прибрѣтенныхъ отъ сочинителя правахъ, нельзя возлагать на частныя лица исполненіе такого условія, которое не было для нихъ обязательно, ибо не было предписано закономъ, а могло лишь подразумеваться. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній Сенатъ, находя, что С.-Петербургская Судебная Палата, признавъ обязательнымъ для Лиценкова явку условія у маклера и объявленіе о прибрѣтенныхъ имъ правахъ въ такомъ судебномъ мѣстѣ, которому подсудно дѣло о наслѣдствѣ умершаго сочинителя, допустила неправильное толкованіе ст. 288 и 290 т. XIV Уст. Цenz.,—опредѣляетъ: рѣшеніе ея, по нарушеніи въ ономъ смысла 288 и 290 ст. Цenz. Уст., отмѣнить и дѣло передать на разсмотрѣніе Московской Судебной Палаты.

5. Сочинитель имѣетъ право, несмотря ни на какия условія, напечатать книгу свою вторымъ изданіемъ, если въ ней прибавлены или переиѣнены по крайней мѣрѣ двѣ трети, или когда книгѣ сей дана совершенно другая форма, такъ что она можетъ быть почитаема за новое сочиненіе.

6. Тѣ, коимъ сочинитель или переводчикъ завѣщаль, или же инымъ образомъ уступилъ, всѣ или нѣкоторыя свои произведенія, обязаны объявить о семъ и представить надлежащія доказательства въ теченіе перваго послѣ смерти его года, а находящіеся за границею—въ теченіе *двухъ лѣтъ*. Тогда они въ отношеніи къ симъ произведеніямъ вступаютъ во всѣ права законныхъ его наслѣдниковъ. Сии послѣдніе могутъ, на основаніи обыкновенныхъ правилъ, вызывать ихъ къ явкѣ въ положенные сроки также, какъ другихъ соучастниковъ въ наслѣдствѣ или кредиторовъ.

См. рѣшеніе Сената подъ ст. 4-й сего приложенія.

7. Издатели журналовъ и другихъ періодическихъ сочиненій, а равно и альманаховъ и вообще книгъ, составляемыхъ изъ разныхъ мелкихъ сочиненій или статей, пользуются исключительнымъ правомъ перепечатывать оныя въ той же формѣ, на общемъ правилъ сего приложенія основаніи.

По иску Карѣвой съ Павлова за долги его отца, послѣ котораго ему досталась газета «Русскія Вѣдомости», сенатъ нашелъ: «Цензурныя законоположенія, до изданія Высочайше утвержденныхъ правилъ 6 апрѣля 1865 г., не заключали положительно опредѣленнаго различія между издателемъ и редакторомъ, этими двумя агентами журнальнаго дѣла. Понятія: издатель и редакторъ смѣшивались даже часто на практикѣ и принимались за однозначущія и получили опредѣленный юридическій смыслъ только на основаніи цензурныхъ правилъ 6 апрѣля 1865 года». Законъ, возлагая на издателя только обязанность извѣщать цензурное начальство, для свѣдѣнія, о редакціи его журнала или газеты другому издателю, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, въ случаѣ перемѣны отвѣтственнаго редактора, предварительное разрѣшеніе цензурнаго начальства. Это различіе, постановленное закономъ относительно правъ и отношеній къ цензурному вѣдомству издателя и редактора, приве-

водить къ тому несомнѣнному заключенію, что редакторъ пользуется только правомъ личнымъ, а издатель—имущественнымъ правомъ. Законъ ограничиваетъ право редакторское личнымъ правомъ потому, что отъ редактора зависитъ внутреннее направленіе повременнаго изданія, а слѣдовательно правительственной власти необходимо заранѣе имѣть ручательство въ его благонадежности. Въ совершенно другомъ положеніи находится издатель въ отношеніи къ издаваемому имъ журналу или газетѣ. На издательѣ лежитъ собственно матеріальная сторона журнальнаго дѣла. Онъ затрачиваетъ свой капиталъ и свой трудъ на періодическое изданіе для извлеченія дохода, т. е. процента съ своего капитала, а потому издательское его право, разъ законно приобрѣтенное и неутраченное, въ силу цензурныхъ правилъ, какъ и всякое другое имущественное право не можетъ быть поставлено внѣ закона, ограждающаго имущественное право, и издатель, какъ и всякій собственникъ, долженъ пользоваться всѣми тѣми правами, кои нераздѣльно связаны съ правомъ собственности. Если законъ предоставляетъ издателю отчуждать свое право посредствомъ дара, продажи или иной сдѣлки, извѣщая только объ этомъ высшее цензурное вѣдомство, то нѣтъ правильнаго юридическаго основанія къ ограниченію издательскаго права въ отношеніи его перехода въ порядкѣ наслѣдованія по духовному завѣщанію или по закону. Такое право, составляющее естественное послѣдствіе правъ собственности, не ограничиваетъ законъ, а притомъ это право нисколько не стѣсняетъ власть цензурную. Если установленная правительственная власть признаетъ изданіе журнала вреднымъ, то она, съ соблюденіемъ указаннаго въ законахъ порядка, можетъ приостановить и даже прекратить изданіе журнала; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы повременное изданіе подлежало прекращенію, а тѣмъ менѣе передачѣ постороннему лицу, по усмотрѣнію главнаго управленія по дѣламъ печати, потому только, что издатель умеръ не успѣвъ при жизни передать свое право по сдѣлкѣ другому лицу. По симъ основаніямъ и постоянно руководствуясь тою мыслію, что при неполнотѣ закона, когда ему можетъ быть дано двойное толкованіе, надлежитъ принимать смыслъ естественнѣйшій, ближайшій къ общему духу нашего законодательства,—смыслъ, который служитъ къ огражденію и укрѣпленію правъ собственности, сенатъ нашелъ, что по общему духу и разуму нашихъ цензурныхъ законовъ, право собственности издателя въ повременномъ изданіи, приобрѣтенное въ силу даннаго правительствомъ разрѣшенія, можетъ быть, съ соблюденіемъ цен-

зурныхъ правилъ, не только отчуждаемо самимъ издателемъ при жизни всѣми дозволенными закономъ способами, но переходить къ его наследникамъ по закону или по завѣщанію» (1868, № 552).

8. Помѣщеніемъ сочиненія или перевода въ журналъ или иномъ собраніи сочинитель и переводчикъ не лишается права напечатать оныя особо, если только сему не препятствуютъ условія ихъ съ издателями.

— *Рчи. Гражд. Касс. Деп. 1868 г., № 42, по дѣлу Стелловскаго:* Подъ выраженіемъ „собраніе“, употребленнымъ въ ст. 292 Уст. Цenz. ¹, нужно понимать не только тѣ сборники мелкихъ сочиненій, о коихъ сказано въ ст. 291 ², но и всякія иныя собранія, каковы, напримѣръ полныя собранія сочиненій одного автора. Палата нашла, что по 292 ст. Уст. Цenz. авторъ, уступивъ издателю право на печатаніе его сочиненій въ полномъ собраніи, сохраняетъ право на уступку этихъ сочиненій другому издателю. Дѣло заключалось въ томъ, что издатель собранія сочиненій одного автора утверждалъ, что это собраніе сочиненій не то, о которомъ идетъ рѣчь въ ст. 292, такъ какъ будто эта статья относится къ собраніямъ мелкихъ сочиненій, о которыхъ говорится въ 291 ст., т. е. къ журналамъ и другимъ періодическимъ сочиненіямъ, равно альманахамъ и проч. Сенатъ же нашелъ, что смыслъ этихъ статей не выражаетъ такой между ними связи: въ ст. 292 не сдѣлано ссылки на 291 ст., самое названіе изданій въ нихъ различно; въ обѣихъ статьяхъ упоминается только объ однихъ журналахъ, а затѣмъ вмѣсто періодическихъ сочиненій, альманаховъ и вообще книгъ, составленныхъ изъ разныхъ мелкихъ статей или сочиненій, о которыхъ говоритъ ст. 291, употреблено въ 292 ст. совсѣмъ другое и притомъ общее названіе «или иномъ собраніи», которое заключаетъ въ себѣ не только понятіе о сборникахъ мелкихъ сочиненій, но и о всякомъ другомъ изданіи. Наконецъ ст. 291 касается исключительно только издателей, а ст. 292—только сочинителей и переводчиковъ. Поэтому Сенатъ призналъ рѣшеніе палаты правильнымъ.

¹ Ст. 292 Уст. Цenz., изд., 1857 г., соответствуетъ приведенной 8-й ст. сего приложения.

² Ст. 291 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуетъ ст. 7-й сего приложения.

9. Частныя письма, не предназначавшіяся для публики, могутъ быть издаваемы въ свѣтъ токмо съ совокупнаго согласія какъ того лица, коимъ они писаны, такъ и того, къ коему писаны; въ случаѣ же смерти ихъ обоихъ, или одного кого-либо—съ согласія наследниковъ.

10. Частныя записки и другія бумаги, не предназначавшіяся въ свѣтъ, могутъ быть издаваемы не иначе, какъ съ воли сочинителя, а въ случаѣ смерти его, съ согласія его наследниковъ.

11. По истеченіи опредѣляемаго статьею 1185 и правилами сего приложения времени, въ которое сочинитель, переводчикъ, первый издатель, или другія лица на основаніи оныхъ пользуются исключительнымъ правомъ печатанія и продажи своихъ, или доставшихся имъ по наследству, или же по какому акту произведеній, всякая книга становится собственностью публики, и каждый можетъ по своему усмотрѣнію печатать, издавать и продавать оную.

12. Но до истеченія сроковъ, означенныхъ въ статьѣ 1 сего приложения и въ статьѣ 1185, никто не долженъ нарушать правъ сочинителя, переводчика или перваго издателя, и безъ воли его, или же его наследниковъ, или тѣхъ лицъ, коимъ сіи права переданы законнымъ порядкомъ, перепечатывать его произведенія или книги, имъ первымъ изданныя, хотя бы то было и съ переводомъ на другой языкъ, или съ присовокупленіемъ иного заглавія, предисловія, примѣчаній и тому подобнаго. Нарушитель сего признается самовольнымъ издателемъ (контрафакторомъ).

13. Самовольнымъ изданіемъ (контрафакціею) почитается и то, если: 1) кто подъ названіемъ второго или третьяго и такъ далѣе изданія, печатаетъ книгу, уже напечатанную, не исполнивъ условій, означенныхъ въ статьяхъ 3 и 5 сего приложенія; 2) кто, перепечатавъ въ чужихъ краяхъ книгу, изданную въ Россіи, или съ одобренія цензуры російской, хотя бы и съ переводомъ на другой языкъ, будетъ продавать напечатанные такимъ образомъ экземпляры въ Россіи, не имѣя письменнаго на то позволенія законнаго издателя; 3) кто безъ согласія сочинителя напечатаетъ произнесенную или читанную имъ публично рѣчь, или иное сочиненіе; 4) журналистъ, подъ видомъ рецензіи, или же подъ другимъ предлогомъ перепечатывающій постоянно и вполне мелкія изъ чужихъ изданій статьи, хотя бы оныя занимали и менѣе одного печатнаго листа; но случайное перепечатываніе въ какомъ-либо изданіи мелкой статьи, не занимающей болѣе одного печатнаго листа, а равно и перепечатаніе извѣстій политическихъ или относящихся къ словесности, наукамъ и художествамъ, съ указаніемъ источника, откуда оныя заимствованы, не воспрещается. При опредѣленіи, какъ велика помѣщенная въ журналѣ или какомъ-либо иномъ собраніи статья, принимается въ основаніе послѣднее изданіе книги, изъ коей взята сія статья.

1. *Рши. Угол. Кассац. Деп. 1870 г., № 1659, по дѣлу Билинцова.*— Передача въ печати простаго разговора, не имѣвшаго формы выработаннаго литературнаго или научнаго труда, хотя бы такая передача послѣдовала и безъ согласія говорившаго, не можетъ быть подведена подъ понятіе контрафакціи.

2. *Кассационное решение 1868 г., № 198.* Авторъ статей „Сценны у Мировыхъ Судей“, печатавшихся въ одномъ періодическомъ изданіи, предъявилъ искъ къ редактору-издателю другаго періодическаго изданія, перепечатывавшаго слово въ слово эти статьи постоянно, обвиняя его въ контрафакціи. Отвѣтчикъ возразилъ, что Цензурный Уставъ признаетъ право литературной собственности только за сочинителями и переводчиками, за первыми издателями пословиць, народныхъ цѣсень, сказокъ, повѣстей, древнихъ рукописей и др.; истецъ же по изданію сценъ у Мировыхъ Судей не подходитъ ни подъ одинъ разрядъ этой литературной дѣятельности, такъ какъ онъ самъ ничего не сочинялъ, не употреблялъ въ дѣло ни ума, ни фантазій, а только пользовался знаніемъ русскаго языка и скорымъ записываніемъ всего того, что онъ слышалъ въ камерахъ Мировыхъ Судей, такъ что сценны его суть не болѣе какъ стенографическіе отчеты о дѣйствіи въ Мировыхъ Учрежденіяхъ, и слѣдовательно за нимъ не должно быть признано право литературной собственности; что, по смыслу 297 ст. Уст. Ценз.¹, случайная перепечатка въ какомъ-либо изданіи извѣстій политическихъ или относящихся къ словесности, наукамъ и художествамъ, съ указаніемъ источника, откуда они взяты, не запрещается, а, по мнѣнію отвѣтчика, подъ эту статью слѣдуетъ подвести и сценны у Мировыхъ Судей, и что, наконецъ, съблюденіе перепечатыванія статей было ознакомленіе публики съ дѣятельностію Мировыхъ Учрежденій. Окружный Судъ нашелъ, что сценны у Мировыхъ Судей, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, не представляютъ собою простого стенографическаго отчета засѣданій у Мировыхъ Судей, но въ нихъ съ первыхъ строкъ проявляется участіе мысли самого автора, выражается взглядъ на то или другое происшествіе въ судѣ, все изложеніе дѣла перемѣшано съ описаніемъ, которое придаетъ извѣстный характеръ лицамъ, участвующимъ въ сценѣ, а такой порядокъ изложенія сценъ даетъ имъ характеръ разсказа, требующій отъ автора не только механическаго труда—записыванія того, чему онъ былъ свидѣтелемъ, но и умственнаго труда—составленія сценъ съ цѣлью придать имъ, посредствомъ живости разсказа и очертанія дѣйствующихъ лицъ, литературный интересъ, почему Окружный судъ призналъ произведенія эти относящимися, во всякомъ случаѣ, къ разряду изящной словесности. На основаніи 296 ст. Уст. Ценз., лицо, перепечатыва-

¹ Ст. 297 Уст. Ценз., изд. 1857 г., соответствуетъ приведенной 18-й статьѣ сего приложения.

вающее сочинение без согласія на то автора, признается самовольнымъ издателемъ, контрафакторомъ; контрафакторомъ же почитается и такой журналистъ, который, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, перепечатываетъ постоянно и вполне мелкія изъ чужаго изданія статьи, хотя бы они были и менѣе одного печатнаго листа, почему Окружный судъ, по смыслу 296 и 297 ст. Уст. Цenz. ¹, призналъ, что отвѣтчикъ нарушилъ право литературной собственности автора и обязанъ вознаграждать автора за убытки, количество которыхъ предоставилъ доказать въ порядкѣ, указанномъ 896 ст. Уст. Гражд. Судопр. Судебная Палата, по аппеляціи отвѣтчика, принявъ въ соображеніе, что, по 282 ст. Уст. Цenz. ², сочиненіе, помѣщенное въ журналѣ или изданное особою книгою, составляетъ благопріобрѣтенное имущество сочинителя, охраняемое закономъ (297 ст.) въ томъ случаѣ, когда это сочиненіе, составляя мелкія статьи, постоянно будетъ перепечатываться журналистомъ; что объясненіе отвѣтчика, будто бы предметъ иска составляетъ случайное перепечатываніе мелкой статьи, невоспрещаемое, по силѣ 297 ст., не заслуживаетъ уваженія, потому что онъ постоянно, а не случайно перепечатывалъ; что равноѣрно не можетъ заслуживать уваженія и то объясненіе, будто бы въ перепечатанныхъ статьяхъ почти не заключается умственнаго труда, ибо неосновательность подобнаго воззрѣнія видна изъ того, что ни въ одной изъ статей Цenzурнаго Устава не упоминается о томъ, чтобы, при разрѣшеніи дѣла о контрафакціи, слѣдовало обращать вниманіе на мѣру участія ума или фантазіи владѣльца или автора въ напечатанной имъ статьѣ; что напротивъ, какъ видно изъ 282, 285 ³ и другихъ статей Цenzурнаго Устава, право литературной собственности распространяется также на переводы, изданія пѣсенъ, сказокъ, древнихъ рукописей и другихъ, т. е. на такія произведенія, гдѣ мысль и фантазія самого владѣльца произведенія могутъ нисколько не выражаться; что далѣе, дѣль—ознакомить публику съ дѣятельностію Мировыхъ Учрежденій—не освобождаетъ отъ отвѣтственности за контрафакцію, потому что нѣтъ закона который бы при самовольномъ завладѣніи освобождалъ незаконнаго вла-

¹ Ст. 296 и 297 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуютъ ст. 12 и 13 сего приложенія.

² Ст. 282 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуетъ приведенной 1-й статьѣ сего приложенія.

³ Ст. 285 Уст. Цenz., изд. 1875 г., соответствуетъ ст. 2-й сего приложенія

дѣльца отъ отвѣтственности вслѣдствіе какой-либо оставшейся у него въ виду дѣли, сопряженной съ нарушеніемъ права другаго,—утвердила рѣшеніе Окружнаго Суда. При разсмотрѣніи дѣла въ Кассационномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, товарищъ Оберъ-Прокурора не призналъ, чтобы Палата, какъ утверждалъ отвѣтчикъ, допустила неправильное толкованіе 282, 285, 296 и 297 ст. Уст. Пенз. Сенатъ постановилъ: кассационную жалобу отвѣтчика, на основаніи 793 ст. Уст. Гражд. Судопр., оставить безъ послѣдствій.

14. Помѣщеніе въ хрестоматіяхъ и другихъ учебныхъ книгахъ какихъ-либо статей, или отрывковъ изъ другихъ сочиненій не почитается самовольнымъ изданіемъ, хотя бы такое заимствованіе въ сложности разныхъ мѣстъ книги составляло и болѣе одного печатнаго листа.

Рѣшеніе Угол. Касс. Деп. 1871 года, № 149, по дѣлу Гатицука. Календарь, какъ справочный указатель извѣстнаго рода свѣдѣній, состоящій преимущественно изъ чиселъ и собственныхъ именъ и предназначенный для общаго употребленія, а не для руководства учащихся, и вовсе не имѣющій характера учебной книги, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ литературнымъ произведеніямъ, о которыхъ упоминается въ 301 ст. Пенз. Уст.¹ а не къ хрестоматіямъ и учебнымъ книгамъ, о которыхъ говорится въ 298 ст. Уст. Пенз.² Сенатъ нашелъ, что приговоръ свой Палата основала на неправильномъ толкованіи 298 ст. Уст. Пенз. и на выведенномъ изъ этого толкованія заключеніи, что календарь не можетъ считаться литературнымъ произведеніемъ и долженъ быть отнесенъ къ числу сборниковъ, упоминаемыхъ въ 298 ст. Уст. Пенз., въ которыхъ дозволяется перепечатывать статьи извѣстнаго размѣра изъ другихъ сочиненій. и поэтому призналъ это заключеніе Палаты неправильнымъ потому, во первыхъ, что ст. 291 Уст. Пенз.³ предоставляетъ изъ

¹ Ст. 301 Уст. Пенз., изд. 1875 г., соответствуетъ ст. 17-ой сего приложенія.

² Ст. 298 Уст. Пенз., изд. 1857 г., соответствуетъ ст. 14-ой сего приложенія.

³ Ст. 291 Уст. Пенз., изд. 1857 г., соответствуетъ ст. 7-ой сего приложенія.

дателямъ альманаховъ и вообще книгъ, составляемыхъ изъ разныхъ мелкихъ сочиненій или статей, исключительное право перепечатывать ихъ въ той же формѣ и, слѣдовательно, признаетъ за издателями право литературной собственности; во вторыхъ, ни въ 291 ст. Уст. Цenz., ни въ другихъ статьяхъ закона не содержится постановленій, ни основаній, по которымъ можно бы было предположить, что сочиненія или статьи, составленныя при пособіи общедоступныхъ матеріаловъ или свѣдѣній, не могутъ считаться литературными произведеніями, дающими первому издателю право исключительной литературной собственности на эти сочиненія или статьи. Напротивъ того, смыслъ ст. 282, 285, 291, 296—302 Уст. Цenz.¹ показываетъ, что законъ охраняетъ всякій умственный трудъ, употребленный на изложеніе какихъ бы то ни было мыслей или свѣдѣній въ известной литературной формѣ, независимо отъ того, насколько изложенныя мысли или свѣдѣнія, по содержанию своему, принадлежатъ автору или первому издателю. Для признанія за сочинителемъ, переводчикомъ, первымъ издателемъ или сочинителемъ книги права литературной собственности необходимо только, чтобы ихъ произведеніе не было простымъ воспроизведеніемъ чужаго труда, чтобы лица сіи, если они воспользовались чужими мыслями или собранными другими лицами свѣдѣніями, какъ матеріалами, дали имъ другую литературную форму (принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи); въ третьихъ, что календарь, какъ справочный указатель известнаго рода свѣдѣній, состоящій преимущественно изъ чиселъ и собственныхъ именъ и предназначенный для общаго употребленія, а не для руководства учащихся, и вовсе неимѣющій характера учебной книги, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ литературнымъ произведеніямъ о которыхъ упоминается въ 301 ст. Уст. Цenz., а не къ хрестоматіямъ и учебнымъ книгамъ, о которыхъ говорится въ 298 ст. Уст. Цenz. При семъ нельзя оставить безъ вниманія и того, что статья 298, дѣлая для хрестоматій и учебныхъ книгъ изъятіе въ отношеніи размѣра заимствованій, не отмѣняетъ общаго, изложеннаго въ 297 ст. Уст. Цenz.², правила—при заимствованіяхъ указывать источникъ, откуда заимствованіе сдѣлано, что лицо, перепечатывая чужую статью, безъ указанія источника, изъ

¹ Ст. 282, 285, 296—302 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуютъ ст. 1, 2, 12—18 сего приложенія.

² Ст. 297 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуетъ ст. 13-ой сего приложенія.

котораго она заимствована, располагаетъ ею какъ бы принадлежащею ему, т. е. самовольно присвоиваетъ себѣ чужую ответственность и, слѣдовательно, совершаетъ одно изъ преступленийъ, подлежащихъ наказанію по уложенію о наказаніяхъ ст. 1683—1685. Посему соображенія Палаты о томъ, что истецъ не имѣлъ право преслѣдовать обвиненнаго имъ въ контрафакціи уголовнымъ порядкомъ, неправильны. Приговоръ Палаты отмѣненъ Сенатомъ и дѣло передано въ другой ея Департаментъ который призналъ обвиненнаго виновнымъ въ контрафакціи или самовольной перепечаткѣ, предусмотрѣнныхъ въ 301 ст. Уст. Цenz. и 1685 ст. Улож. о Нак.

15. Ссылки на книгу не почитаются самовольнымъ изданіемъ, но токмо при соединеніи слѣдующихъ условій: 1) если въ сихъ ссылкахъ выписано въ сложности не болѣе третьей части книги (заключающей въ себѣ болѣе одного печатнаго листа) и 2) если текста самого сочинителя находится вдвое болѣе противъ ссылокъ изъ одной какой-либо книги.

16. Переводъ книги, уже переведенной, въ такомъ токмо случаѣ считается самовольнымъ изданіемъ, когда въ ономъ двѣ трети сряду выписано слово въ слово изъ прежнихъ переводовъ, на которые кто-либо еще имѣетъ право исключительной собственности.

17. Самовольнымъ изданіемъ почитается также изданіе словаря, въ коемъ большая часть опредѣленій, толкованій и примѣровъ взято безъ перемѣны изъ другаго подобнаго, когда исключительное право на собственность онаго обезпечено за кѣмъ либо правилами сего приложения или особенными привилегіями; равнымъ образомъ и изданіе географическихъ картъ, историческихъ таблицъ, логарифмовъ, указателей и другихъ сего рода книгъ составленныхъ изъ чиселъ или собственныхъ именъ, когда откроется, что они списаны съ

прежнихъ изданій слово въ слово или съ весьма незначительными перемѣнами.

18. Книга, перепечатанная въ Россіи, можетъ быть издана въ переводѣ на какой-либо другой языкъ, только безъ приложенія оригинальнаго текста. Сочинители такихъ книгъ, для которыхъ были необходимы особенныя ученныя изысканія, имѣютъ исключительное право на изданіе оныхъ въ Россіи и на другихъ языкахъ; но о намѣреніи своемъ воспользоваться симъ правомъ они должны объявить при изданіи оригинальной книги и выдать свой переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со времени полученія позволительнаго изъ цензуры билета на выпускъ подлинника. При несоблюденіи сихъ условій изданіе оной книги въ переводѣ оставляется на волю каждаго.

По дѣлу Каразина съ редакторомъ газеты «St. Petersburg Herald» Гезеліусомъ по поводу напечатанія въ послѣдней безъ разрѣшенія автора Каразина перевода романа его подъ заглавіемъ «Голосъ Крови», Петерб. Окружный Судъ нашелъ: 1) что по силѣ дѣйствующихъ узаконеній о правахъ собственности на произведенія наукъ и словесности (Уст. о Ценз. и печ. изд. 1886 г. прил. къ прим. 2 ст. 420, Зак. Граж., ст. 1 и 14) каждый сочинитель или переводчикъ книги имѣетъ исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданіемъ и продажей оной по своему усмотрѣнію, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ и до истеченія опредѣленныхъ закономъ сроковъ никто не долженъ нарушать правъ сочинителя, переводчика или перваго издателя и безъ воли его перепечатывать его произведенія или книги, имъ первымъ изданныя, хотя бы то было и съ переводомъ на другой языкъ; 2) что такъ какъ омысль послѣдняго закона очевидно не можетъ быть такова, что самовольнымъ изданіемъ почитается только напечатаніе чуждаго произведенія съ приложеніемъ перевода на другой языкъ, а не напечатаніе одного перевода безъ подлиннаго текста, потому что въ такомъ случаѣ этотъ законъ представлялся бы совершенно излишнимъ, то необходимо признать, что самовольнымъ изданіемъ или контра-

факцією почитается также издание перевода чужаго произведенія безъ разрѣшенія на то автора.

Съ этимъ взглядомъ Окруж. Суда согласилась Палата и дѣло по Кассационной жалобѣ повѣреннаго Гезеліуса перешло въ Сенатъ. Въ словесныхъ объясненіяхъ своихъ кассаторъ, нынѣ московскій прис. повѣренный кн. Урусовъ, развилъ слѣдующія положенія. Для правильнаго уразумѣнія истиннаго смысла закона о правѣ на переводъ, слѣдуетъ, прежде всего, поставить вопросъ, совершилъ-ли, въ данномъ случаѣ, г. Гезеліусъ контрафакцію, или нѣтъ? Въ статьѣ 12 приложения къ ст. 420 зак. гражд. сказано: «Запрещается *перепечатывать* книгу хотя-бы и съ переводомъ на другой языкъ или съ присовокупленіемъ новаго заглавія, предисловія» и т. д. Повѣренный противной стороны, а также судъ и палата понимаютъ эту статью такъ, будто съ переводомъ означаетъ то-же, что съ переводомъ, и будто *изданіе перевода* слѣдуетъ понимать въ томъ-же смыслѣ, какъ перепечатку книги, но только на другомъ языкѣ. Толкованіе это нельзя признать правильнымъ. Перепечатка съ переводомъ—слѣдуетъ понимать какъ перепечатку съ присовокупленіемъ перевода (*texte en regard*). Слово перепечатка означаетъ механическое воспроизведеніе оригинала, тогда какъ переводъ есть актъ духовной дѣятельности. Каждый языкъ имѣетъ свои законы: въ выборѣ словъ, въ созданіи оборотовъ, въ стилѣ перевода-участвуютъ и вдохновеніе, и фантазія, и вкусъ переводчика, вслѣдствіе чего бывають переводы необыкновенные хорошіе и плохіе. Законъ защищаетъ эту дѣятельность, а не стѣсняетъ ее, и онъ никогда не приравнивалъ дѣятельности переводчика къ контрафакціи. Запрещеніе закона перепечатывать сочиненіе, хотя-бы и съ переводомъ, имѣетъ въ Россіи историческое основаніе и кассатору посчастливилось отыскать въ письмахъ Пушкина неизвѣстный доселѣ источникъ этого закона. Ст. 12 прилож. къ ст. 420 закон. гражд. изд. 1887 года перешла въ X-й томъ изъ закона 22-го апрѣля 1828 г. Положенія о правахъ сочинителей, помѣщеннаго во 2-мъ полн. собр. № 1980 ст. 478. Положеніе это съ незначительными измѣненіями издано вновь 8-го января 1830 года. Между тѣмъ, въ письмахъ Пушкина къ гр. Бенкендорфу отъ 20-го іюля и 10-го сентября 1827 г. поэтъ жалуется на статскаго совѣтника Ольдекопа, который въ 1824 г., безъ его согласія и вѣдома, перепечаталъ его поему «Кавкаскій Пльбникъ», приложивъ къ нему нѣмецкій переводъ, принадлежавшій, по указанію Геннады, Вульфферту. Этою перепечаткою Ольдекопъ нанесъ Пушкину убытокъ, такъ какъ книгопродавцы предлагали Пушкину 3,000 руб. за второе

изданіе. Жалоба осталась безъ послѣдствій. Гр. Бенкендорфъ, защищая Ольдекоппа, писалъ Пушкину, что наши законы, и даже иностранныя, не запрещаютъ издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но Пушкинъ основательно возразилъ, что это «относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ». На это письмо, — замѣчаетъ издатель, — Пушкинъ не получилъ никакого отвѣта, но черезъ 7 мѣсяцевъ опубликованы были желанныя для поэта правила для обезпеченія литературной собственности и законъ 22-го апрѣля 1828 г. § 8 запрещалъ перепечатывать безъ воли сочинителя его произведеніе, хотя-бы то было съ переводомъ на другой языкъ... каковой поступокъ называется контрафакціей.

Итакъ, происхожденіемъ закона, положившаго конецъ злоупотребленіямъ подобныхъ продѣлокъ Ольдекоппа, мы, отчасти, обязаны нашему великому поэту.

Что касается ст. 18, то кн. Урусовъ признавалъ, что по болѣе внимательномъ изученіи. Положенія о сочинителяхъ въ различныхъ его редакціяхъ по полному собранію, онъ пришелъ къ заключенію, что первоначальныя его толкованія были неправильны. Ст. 18 относится къ совершенно специальному случаю: перепечаткѣ въ Россіи заграничнаго изданія. Такую книгу также можно переводить на общемъ основаніи, и также нельзя прилагать къ ней оригинальнаго текста. Исключеніе же составляютъ научныя книги, переводъ которыхъ составляетъ привилегію автора, но въ теченіи только 2-хъ лѣтъ. Ст. 18 никакого отношенія къ данному случаю не имѣетъ, почему всѣ толкованія ея въпродолженіи процесса были излишни. Кассаторъ настаивалъ на своемъ положеніи, что и судебная палата дала закону неправильное толкованіе, приурочивъ его почему-то ко второму изданію, и истолковавъ терминъ *перепечатаніе* — въ смыслѣ вторичнаго изданія. Право перевода сочиненія, по русскому закону вообще, не входитъ въ составъ права литературной собственности. Такъ понимали законъ русскіе юристы Спасовичъ и Табашниковъ, такъ же понимало его и правительство. Въ 1869 году министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ обратился съ запросомъ къ министру юстиціи графу Блудову по поводу этого вопроса, возникшаго при обсужденіи литературной кон-

венціи. Графъ Блудовъ отвѣчалъ, что вопросъ о свободѣ переводовъ разрѣшается въ положительномъ смыслѣ ст. 282 и 300 Уст. Пенз. изд. 1857 г. Сочинителю принадлежитъ только право изданія и продажи книгъ, но о переводѣ ничего не сказано. Таково положеніе вопроса въ настоящее время. Приравнивать переводъ къ контрафакціи нѣтъ никакой логической возможности. Вопросъ-же о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ расширить права литературной собственности и включить въ него исключительное право на переводы — это вопросъ не судебный, а законодательный.

Повѣренный г. Каразина прис. пов. Е. И. Утинъ оставался, главнымъ образомъ, на ст. 18 прил. къ ст. 420 и доказывалъ, что законъ этотъ дозволяетъ переводить на русскій языкъ только сочиненія, перепечатанныя въ Россіи, т. е. только такія книги, которыя первоначально изданы за границей, а потомъ напечатаны вновь въ Россіи. Если же согласиться съ кассаторомъ, то можно будетъ безнаказанно переводить и рукопись. Вообще-же, нельзя допустить, «чтобы всякій встрѣчный, всякій поперечный» переводилъ произведение, которому авторъ, быть можетъ, посвятилъ цѣлую жизнь. Это хищеніе должно быть преслѣдуемо закономъ, какъ явленіе безнравственное. Соображенія кассатора о происхожденіи ст. 12 прил. къ ст. 420 зак. гр. не имѣетъ значенія потому, что спорный вопросъ рѣшается не этою статьею, а ст. 18. Въ заключеніе, поддерживая свои требованія, основательность которыхъ признана была палатою, повѣренный Каразина просилъ кассационную жалобу оставить безъ послѣдствій. Резолюціею Сената отмѣнено рѣшеніе палаты и такимъ образомъ *Сенатомъ признана свобода переводовъ.*

19. Всѣ ограниченія, постановленные въ предшествовавшихъ статьяхъ, уничтожаются письменнымъ позволеніемъ законнаго издателя, или иными добровольно заключенными имъ условіями.

20. Во всякомъ случаѣ, взысканіе за самовольное изданіе (контрафакцію) состоитъ: *со-первыхъ*, въ возвращеніи отъ виновнаго законному издателю всего того убытка, который исчислится по соображенію дѣйствительной платы за все изготовленіе экземпляровъ самовольнаго изданія, съ продажною цѣною отъ законнаго

издателя прежде (т. е. при собственномъ изданіи того-же произведенія) объявленную; *во-вторыхъ*, въ отобра-ніи наличныхъ самовольнаго изданія экземпляровъ, которые и обращаются въ пользу законнаго издателя.

21. Напечатавшій книгу безъ соблюденія правилъ Цензурнаго Устава лишается всѣхъ правъ на оную.

22. Общества, издающія книги или иныя произведенія наукъ и словесности, пользуются исключительнымъ правомъ собственности на сія произведенія, если авторъ имъ оное предоставилъ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. По истеченіи сего времени, такія произведенія становятся собственностію публики, кромѣ лишь случаевъ, когда авторъ оныхъ еще въ живыхъ и удерживаетъ за собою сію литературную собственность.

23. Означенный срокъ считается съ изданія въ свѣтъ послѣдняго тома, если сочиненіе въ нѣсколькихъ томахъ, или же съ изданія каждой отдѣльной статьи, если общества издають труды своихъ членовъ въ видѣ такихъ отдѣльныхъ книжекъ или нумеровъ.

24. Труды вольныхъ ученыхъ обществъ, въ случаѣ прекращенія существованія оныхъ до истеченія срока исключительнаго права, обращаются въ собственность публики. Ученныя общества, учрежденныя при Академіяхъ, Университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ случаѣ закрытія сихъ обществъ, передають права свои на томъ же основаніи тѣмъ мѣстамъ, при коихъ были учреждены.

25. Напечатаніе произведенія въ трудахъ какого-либо ученаго общества не лишаетъ сочинителя или наследниковъ его права напечатать оное самимъ, если сіе не противно уставу общества, или же данному сочинителемъ особенному обѣщанію.

26. Общества, составляющіяся для изданія какихъ-либо книгъ или иныхъ произведеній наукъ и словесности, входятъ въ разрядъ торговыхъ компаній, и касательно раздѣла выручаемой ими отъ продажи прибыли подчиняются существующимъ на сіе узаконеніямъ. Право принадлежать къ такому обществу и пользоваться присвоенными оному выгодами доказывается обыкновеннымъ порядкомъ.

27. Комитеты внутренней цензуры наблюдаютъ за точнымъ исполненіемъ правилъ, въ статьяхъ 1—26 сего приложенія постановленныхъ.

II. О правѣ художественной собственности.

28. Живописецъ, скульпторъ, архитекторъ, граверъ, медальеръ и другими отраслями изящныхъ искусствъ занимающійся художникъ, кромѣ обыкновеннаго, общими законами ограждаемаго, права собственности на каждое свое произведеніе, какъ вещи, пользуются въ теченіе всей своей жизни такъ называемою *собственностію художественною*. Она состоитъ въ исключительномъ правѣ, ему лишь принадлежащемъ, повторять, издавать и размножать оригинальное свое произведеніе всеми возможными способами, тому или другому искусству свойственными.

Примѣчаніе. Права Академій, Университетовъ, училищъ, художественныхъ и ученыхъ обществъ, относительно изданія произведеній изящныхъ искусствъ, суть тѣ же, которыя предоставлены подобнымъ учрежденіямъ на издаваемые ими произведенія наукъ и словесности.

29. Для сего, въ отвращеніе подлоговъ и процессовъ, художникъ-авторъ обязанъ: 1) предъявить и записать произведеніе свое у Нотаріуса или у Маклера, или въ Уѣздномъ Судѣ, съ подробнымъ описаніемъ сюжета, и взять надлежащую выписку за скрѣпою, въ доказательство, что право художественной собственности на предъявленное произведеніе принадлежитъ ему; 2) извѣстить о семъ Императорскую Академію Художествъ, съ приложеніемъ засвидѣтельствованной копии съ упомянутой выписки. По полученіи сего извѣщенія, Академія публикуетъ о томъ въ Вѣдомостяхъ на счетъ просителя, послѣ чего право художественной собственности на огражденное сими формами произведеніе утверждается за художникомъ положительно. Если произведеніе, о коемъ идетъ рѣчь, значительной величины, то Маклеръ обязанъ досмотрѣть оное въ самой мастерской художника. Произведенія, умножаемыя посредствомъ оттисковъ, представляются въ Академію въ двухъ экземплярахъ.

30. Если художникъ продать, уступить или завѣщаетъ другому право художественной собственности на какое-либо свое произведеніе, то оное вполне переходитъ къ пріобрѣтателю и его законнымъ наследникамъ. Условія и другіе акты на таковую передачу права пи-

шутся и совершаются установленнымъ для того порядкомъ.

31. Художественныя произведенія, купленныя Правительствомъ или исполненныя по его заказу, для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ и вообще казенныхъ мѣстъ, почитаются уже полнымъ достояніемъ тѣхъ вѣдомствъ и могутъ быть копируемы безъ согласія художника.

32. Равномѣрно художникъ не имѣетъ права собственности и на работы, произведенныя имъ по заказу частныхъ лицъ, если не выговорилъ себѣ онаго особымъ условіемъ. Право сіе, по уплатѣ за работу, принадлежитъ уже тѣмъ лицамъ и наслѣдникамъ ихъ, отъ которыхъ былъ сдѣланъ заказъ. Такимъ образомъ, портреты и семейныя картины художникъ не иначе можетъ повторять, размножать и издавать, какъ съ согласія заказавшаго, или его наслѣдниковъ.

33. Только при изданіи въ совокупности своихъ твореній, съ текстомъ, или безъ онаго, художникъ можетъ повторить произведеніе, на которое право художественной собственности уступлено имъ другому; но не можетъ, однако-же, продавать онога отдѣльно отъ полнаго изданія. Правило сіе распространяется и на наслѣдниковъ художника.

34. Тѣ, коимъ художникъ завѣщаль, или инымъ образомъ уступилъ право художественной собственности на всѣ, или нѣкоторыя свои произведенія, обязаны объявить о семъ, гдѣ слѣдуетъ, не позже года послѣ

смерти художника, а пребывающіе за границею не позже двухъ лѣтъ. Тогда, въ отношеніи къ симъ произведеніямъ, вступаютъ они во всѣ права законныхъ, его наслѣдниковъ.

35. Доколѣ право художественной собственности на произведенія изящныхъ искусствъ, по силѣ выше означенныхъ правилъ, будетъ кому-либо принадлежать исключительно, дотолѣ, безъ формальнаго согласія того лица, никто другой не можетъ: 1) дѣлать съ сихъ произведеній копии, или поручать то другимъ; 2) вообще размножать произведенія сіи, какими-бы то ни было способами, и продавать оныя лично или чрезъ комиссіонеровъ; 3) дѣлать заимствованія или извлеченія, т. е. списывать или повторять части оныхъ и издавать ихъ отдѣльно, или поручать сіе другимъ.

36. Противузаконнымъ *копированіемъ* признается всякое повтореніе, для денежныхъ выгодъ, художественнаго произведенія въ цѣломъ его составѣ, безъ формальнаго согласія лица, имѣющаго на то произведеніе законное право художественной собственности.

37. Средства копированія могутъ быть:

1) *Въ живописи съ ея отраслями:* а) писаніе масляными, восковыми, соковыми и другими красками, а также рисованіе карандашами, перомъ и тушью; б) гравированіе на металлахъ и на деревѣ, литографированіе, дагерротипы, мозаики и т. п.; в) исполненіе тѣмъ или другимъ способомъ по чужимъ эскизамъ.

2) *Въ валяніи и отрасляхъ онаго:* а) отливка изъ ве-

щѣствѣ всякаго рода въ снятыя формы; б) вырубка изъ мрамора и другихъ камней по отливкамъ или самимъ оригиналамъ, съ пунктовъ, или другими способами; в) гальванопластика; г) перенесеніе скульптурнаго произведенія въ цѣломъ его составѣ на медали и, наоборотъ, съ медалей на барельефы и статуи.

3) *Въ гравированіи*: повтореніе гравюры на мѣди, на камнѣ, на деревѣ и т. п., въ ту же величину.

4) *Въ зодчествѣ*: а) построеніе общественнаго или частнаго зданія по чужому плану и фасаду; б) снятіе копій съ чужихъ проектовъ и изданіе оныхъ въ гравюрахъ, литографіяхъ и тому подобными способами. Снимать же фасады, планы и самыя подробности (details) съ зданій, уже выстроенныхъ, не возбраняется и контрафакцію не считается.

38. Противозаконнымъ *заимствованіемъ* (plagiat) изъ чужаго произведенія считается:

1) *По живописи* — выборъ изъ произведенія, безъ согласія художника или того, кому передалъ онъ право художественной собственности, группъ, фигуръ, головъ, а также околичностей перспективы, пейзажа или морскаго вида и проч., и помѣщеніе ихъ другимъ художникомъ въ своемъ произведеніи съ соблюденіемъ того же рисунка и освѣщенія, какое имѣютъ они въ оригинальномъ художника-автора произведеніи; а также срисованіе подобнымъ образомъ и изданіе оныхъ вмѣстѣ съ другими предметами, въ составъ образцовыхъ рисунковъ входящими, издаваемыхъ художникомъ не авторомъ.

2) *По вааянію* — такой же выборъ группъ, фигуръ,

головъ и орнаментовъ и помѣщеніе оныхъ въ произведеніи другимъ художникомъ-скульпторомъ, не авторомъ прежнихъ исполняемомъ.

39. Заимствованіе изъ художественныхъ произведеній фигуръ и орнаментовъ, на модели для мануфактурныхъ и ремесленныхъ издѣлій, контрафакціею не почитается. Равнымъ образомъ не почитается контрафакціею и то, когда, напримѣръ, какое-либо произведеніе живописи съ ея отраслями изображается посредствомъ скульптуры, и наоборотъ.

40. Что касается до изданія русскими художниками произведеній своихъ за границею послѣ уступки оныхъ кому-либо другому въ Имперіи, также до передачи права на оныя иностранному издателю, до ввоза оныхъ въ Россію, до явки о таковыхъ заграничныхъ изданіяхъ въ Комитетъ Цензуры Иностранной, а объ условіяхъ, заключаемыхъ въ чужихъ краяхъ, въ Русскихъ Миссіяхъ и Посольствахъ, то во всѣхъ сихъ случаяхъ надлежитъ руководствоваться статьями 31—34 сего приложенія, статьею 1040 Устава Гражданскаго Судопроизводства (изд. 1883 г.), и статьею 1414 Законовъ о Судопроизводствѣ Гражданскомъ (изд. 1876 г.).

— *Рѣшеніе Суд. Палаты 12 декабря 1872 г.* Продана была картина одного художника собственникомъ его и деньги получены имъ сполна; покупатель картины доказалъ на судѣ, что картина не того художника, произведеніемъ котораго она выдавалась при продажѣ, и требовалъ возвращенія заплаченныхъ денегъ съ процентами отъ продавца, которому отдавалъ обратно купленную имъ картину. Окружный Судъ нашелъ, что не собственникъ картины, а его посредникъ, продавая ее, далъ ручательство, что картина именно того художника, произведе-

ніемъ котораго она значилась по надписи на ней; требованіе покупателя объ уничтоженіи купли-продажи въ такомъ только случаѣ подлежало бы удовлетворенію, еслибы было доказано, что продавецъ признанъ подлежащимъ судебнымъ мѣстомъ виновнымъ въ продажѣ завѣдомо подложной картины; но истецъ (покупщикъ) этого не доказалъ, а потому требованіе его не заслуживаетъ уваженія; почему судъ, основываясь на 334 ст. Уст. Граж. Судопр., отказалъ въ искѣ покупателя. Палата признала однако собственника картины продавцомъ (а не его посредника) и отвѣтственнымъ лицомъ по этой продажѣ и нашла, что по дѣйствующимъ узаконеніямъ (1516, 1517, 1518 ст. т. X, ч. 1) продавецъ долженъ передать покупщику проданное имущество той самой доброты, какой оно должно быть на основаніи условія, а если, вслѣдствіе спора, въ судѣ будетъ признано проданное имущество, по добротѣ своей, несоотвѣтствующимъ условію, то возвращается продавцу, а этотъ послѣдній обязанъ возвратить покупщику полученный отъ него задатокъ. Хотя въ 1518 ст. т. X, ч. 1, говорится лишь о возвращеніи продавцомъ покупщику задатка, но обстоятельство это не можетъ ослабить права покупателя на обратное полученіе отъ продавца и всѣхъ денегъ, коль скоро онѣ уплачены; ибо указанная статья предусматриваетъ лишь тотъ случай, когда покупщикомъ былъ уплаченъ только задатокъ, въ соотвѣтствіе чему и содержится въ ней правило объ обязанности возвращенія этого послѣдняго, но тѣмъ очевидно не устанавливается, на случай полученія продавцомъ всѣхъ денегъ, какого-либо противорѣчающаго правила. Что же касается требуемыхъ покупщикомъ процентовъ съ уплаченной имъ за картину суммы, то Палата нашла, что продавецъ ранѣе предьявленія иска, за неокончательнымъ обнаруженіемъ неподлинности проданной картины, не имѣлъ достаточнаго основанія къ возвращенію полученныхъ денегъ, и опредѣлила, за силою 626 ст. т. X, ч. 1, проценты эти, по 6 на сто, со дня предьявленія иска (Суд. Вѣст. 1873 г. № 66; Сборн. узак. и расп. стр. 324).

III. О правѣ музыкальной собственности русскихъ и пребывающихъ въ Россіи сочинителей.

41. Исключительное право на печатаніе и продажу музыкальных произведеній принадлежитъ сочинителямъ

и ихъ наслѣдникамъ, или тѣмъ, кому право сіе перешло на законномъ основаніи, въ продолженіи тѣхъ же сроковъ, какіе установлены для сочинителей, переводчиковъ и издателей книгъ.

— *Рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. 1870 г., № 798, по кассационной жалобѣ купца Стелловскаго на рѣшеніе С.-Петербургской Судебной Палаты.*—
Разрѣшать публичное представленіе или исполненіе оперъ и ораторій составляетъ особенное право автора, отдѣльное отъ права собственности; личныя права автора не наслѣдственны и не могутъ быть передаваемы другому. «Всякое произведеніе наукъ, словесности, художествъ и искусствъ сообщаетъ авторамъ произведеній разныя права, какъ личныя, такъ и имущественныя, установленныя нашимъ законодательствомъ. Личныя права состоятъ въ разнаго рода наградахъ или имуществвахъ, предоставленныхъ лицу какъ автору; имущественныя права суть тѣ, кои принадлежатъ тому же лицу какъ собственнику произведеній. Первые изъ нихъ не наслѣдственны и не могутъ существовать безъ существованія автора; вторыя, напротивъ того, какъ и всякое право собственности на имущество, могутъ переходить по наслѣдству или по передачѣ кому-либо другому, въ предѣлахъ законами установленныхъ (ст. 1185 т. X, ч. 1, ст. 283, 321, 347 Уст. Цenz. ¹. Въ законѣ 13 ноября 1827 г. объ управленіи Императорскими театрами (Полн. Собр. Зак. 1827 г. № 1533) установлено было, между прочимъ, особое положеніе о вознагражденіи сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и оперъ. На основаніи § 7 сего положенія, сочинители принятыхъ пьесъ и оперъ пользуются во всю жизнь свою частію сбора, послѣдовавшаго въ дни представленія ихъ пьесъ на которомъ нибудь изъ Императорскихъ театровъ обѣихъ столицъ, даѣе же въ 14 § того же Положенія предоставлено сочинителямъ право бесплатнаго входа въ театры въ дни казенныхъ представленій. Очевидно, что такого рода права, ограниченныя личностію автора, никакъ не могутъ входить въ составъ имущественныхъ его правъ на сочиненіе, и что эти права составляютъ особенность права автора на дарованныя ему лицу преимущества, совершенно отдѣльныя отъ правъ собственника на сочиненіе».

¹ Ст. 283, 321, 347 Уст. Цenz., изд. 1857 г., соответствуютъ ст. 28 и 41 сего приложенія.

— По дѣлу, его же Стелловскаго Рѣш. гражд. Касс. Деп. 1870 г. № 1346. Право авторское на музыкальнѣя произведенія оперъ и ораторій совмѣщаетъ въ себѣ вообще два отдѣльныхъ права: а) право изданія, т. е. исключительное право на печатаніе, арранжированіе, переложеніе и продажу сихъ произведеній, и б) право разрѣшать публичное представленіе сихъ произведеній. Уступка композиторомъ или его наслѣдникомъ одного изъ этихъ двухъ главныхъ правъ не влечетъ за собою отчужденія другаго самостоятельнаго права, если въ договорѣ о томъ положительно не сказано.

42. До истеченія сихъ сроковъ, безъ воли лица, которому означенное право принадлежитъ, никто другой не долженъ: 1) издавать не напечатанное еще музыкальное сочиненіе вполнѣ, или дѣлать новое изданіе произведенія уже напечатаннаго; 2) издавать чужое музыкальное сочиненіе, игранное публично; 3) издавать переложеніе онаго на другіе инструменты или съ полнаго оркестра на одинъ какой-либо инструментъ; 4) сочиненія какъ не изданныя, такъ и изданныя, или игранныя публично, издавать въ извлеченіи, или чужія отдѣльныя музыкальнѣя пьесы печатать съ измѣненіемъ акомпанимента.

43. Музыкальнѣя пьесы, въ свѣтъ не изданныя, не могутъ безъ согласія того, кому принадлежитъ исключительное на нихъ право, быть исполняемы публично въ театрѣ или концертѣ, ни въ цѣлости, ни съ опущеніями. Изданныя же въ свѣтъ музыкальнѣя произведенія могутъ, кромѣ лишь оперъ и ораторій, быть и безъ согласія автора исполняемы передъ публикою, если только при самомъ изданіи сочиненія не будетъ на печатныхъ онаго экземплярахъ объявлено, что публичнаго его разыгрыванія авторъ не дозволяетъ и за нарушеніе сего

предоставляетъ себѣ жаловаться Правительству. Оперы же и ораторіи, хотя бы изданы были и безъ всякаго со стороны сочинителя предувѣдомленія, не могутъ быть играемы передъ публикою иначе, какъ съ дозволенія автора. Одно публичное, на законномъ основаніи, исполненіе музыкальныхъ произведеній въ театрѣ или концертѣ не даетъ права другимъ на повтореніе сего исполненія.

44. Заимствованіе изъ чужаго музыкальнаго произведенія признается позволительнымъ только тогда, когда уклоненія отъ идеи или формы оригинала такъ значительны и многочисленны, что такое произведеніе можно почитать сочиненіемъ новымъ.

45. Виновные въ самовольномъ изданіи чужихъ музыкальныхъ произведеній подвергаются такому же взысканію, какое опредѣлено за контрафакцію литературныхъ произведеній (Улож. о наказ., изд. 1885 года, ст. 1683—1685); сверхъ сего, тотъ, чье право нарушено, можетъ требовать, чтобы доски и камни, служившія для гравированія или литографированія музыкальныхъ произведеній, были либо уничтожены въ присутствіи его или уполномоченнаго имъ лица, либо переданы ему въ уплату, по оцѣнкѣ причитающагося вознагражденія за убытки. За самовольное передъ публикою исполненіе чужаго музыкальнаго произведенія, въ нарушеніе статьи 43 сего приложенія, виновные, сверхъ отвѣтственности на основаніи статьи 1684 Уложенія о наказаніяхъ (изд. 1885 г.), подвергаются въ пользу того, чье право нарушено, двойному взысканію сбора, полученнаго за

представленіе, въ которомъ такая пьеса была играна. Сумма сего сбора исчисляется безъ исключенія употребленныхъ при означенномъ представленіи расходовъ.

46. Сочинитель музыкальнаго произведенія, уступившій кому-либо въ Имперіи исключительное право на изданіе онаго и потомъ издавшій его за границей, при ввозѣ экземпляровъ въ предѣлы государства подвергается взысканію, какъ за контрафакцію, въ пользу того, кто приобрѣлъ отъ него упомянутое выше право. Дозволяется, впрочемъ, привести съ собою нѣсколько такихъ экземпляровъ, но не болѣе десяти, для собственнаго употребленія.

47. Если композиторъ ввезетъ въ Имперію болѣе десяти экземпляровъ перепечатаннаго имъ за границею музыкальнаго своего произведенія, зная, что они контрафакція, и будетъ продавать и раздавать ихъ въ ущербъ властвующему исключительнымъ правомъ на изданіе оныхъ въ Россіи, то онъ подвергается взысканію, какъ за самовольное изданіе.

48. Музыкальныя произведенія, которыя русскими сочинителями издаются за границею, или на изданіе которыхъ право уступлено ими иностранному издателю, ограждаются отъ перепечатанія и публичнаго исполненія въ предѣлахъ Имперіи на основаніи постановленій сего приложения. Тѣми же правами пользуются въ подобныхъ случаяхъ иностранные сочинители музыки, доколѣ пребываютъ въ Россіи. О всѣхъ таковыхъ заграничныхъ изданіяхъ письменно заявляется Комитету Цензуры Иностранной; въ отношеніи же къ изданіямъ, подлежащимъ предварительному цензурному одобренію, наблюдается

порядокъ, постановленный въ статьѣ 50 Устава Цензурнаго (изд. 1886 г.).

49. Получившій, на законномъ основаніи, отъ находящагося за границею сочинителя музыки дозволеніе на изданіе его произведенія и заявившій о томъ надлежащимъ образомъ, ограждается въ пользованіи приобрѣтенными имъ чрезъ сіе правами силою статей 41—48 сего приложенія. Дѣйствіе сихъ статей относительно охраненія права музыкальной собственности не распространяется на русскихъ сочинителей, находящихся за границею безъ дозволенія Правительства, или остающихся тамъ долѣе дозволеннаго срока.

50. Условія, заключаемыя съ иностранными лицами, находящимися внѣ предѣловъ Имперіи, должны быть предъявляемы въ Русскихъ Миссіяхъ и Консульствахъ.

О наследованіи въ собственности литературной и художественной.

Ст. 1185. Въ случаѣ смерти сочинителя или переводчика книги, сочинителя музыкальнаго произведенія, или художника автора, исключительное право пользоваться изданіемъ и продажею той книги, или того музыкальнаго сочиненія, или право художественной собственности, переходитъ къ его наследникамъ по закону, или по завѣщанію, если онъ при жизни не передалъ онаго кому-либо другому; но право сіе не можетъ продолжаться долѣе пятидесяти лѣтъ со дня смерти сочинителя, переводчика, или художника автора, или со

времени появления въ свѣтъ сочиненія, перевода, или произведенія, не изданнаго до смерти его.

Примѣчаніе. Дѣйствіе изложеннаго въ сей (1185) статьѣ постановленія распространяется на всѣ лица, для коихъ не истекъ еще до 15 апрѣля 1857 года установленный дѣйствовавшими дотолѣ законами срокъ исключительнаго пользованія правомъ изданія и продажи дошедшихъ къ нимъ по наслѣдству или завѣщанію сочиненій и переводовъ.

Уставъ Гражданскаго Судо-производства.

Ст. 217. Дѣла о нарушеніи правъ литературной, художественной и музыкальной собственности начинаются; по усмотрѣнію истца, или въ томъ окружномъ судѣ, въ вѣдомствѣ коего послѣдовало нарушеніе сего права, или въ томъ, коему подсудены отвѣтчики по мѣсту жительства.

1040. Приобрѣтеніе съ публичнаго торга картинъ, статуй и другихъ изящныхъ произведеній, а равно сочиненій и переводовъ, не даетъ покупщику права художественной или литературной собственности.

1041. Сочиненія и переводы рукописные и напечатанные, но не обращенные еще въ продажу самимъ сочинителемъ или переводчикомъ, не подлежатъ публичной продажѣ, ни при жизни сочинителя или переводчика, безъ собственнаго его на то согласія, ни по смерти безъ согласія его наслѣдниковъ.

1042. Рукописи, приобретенныя для изданія, а равно

и право на напечатаніе ихъ продаются не иначе, какъ съ обязательствомъ исполнить всѣ условія, заключенныя прежнимъ ихъ хозяиномъ.

Уложение о наказаніяхъ.

Ст. 158, п. 4., Примѣчаніе 2. Срокъ для возбужденія судебного преслѣдованія по дѣламъ о присвоеніи ученой или художественной собственности (ст. 1683—1685) полагается двухлѣтній, а для истцовъ, находящихся за границей — *четырехлѣтній*.

Установленный двухлѣтній срокъ для находящихся въ Россіи и четырехлѣтній для пребывающихъ за границей относится одинаково какъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, такъ и къ предьявленію гражданскаго иска о взысканіи за вредъ и убытки, причиненные самовольнымъ изданіемъ или контрафакціею. (№ 76—1882).

О присвоеніи ученой или художественной собственности.

Ст. 1683. Если кто, присвоивъ себѣ чужое произведеніе словесности, наукъ, искусствъ или художествъ, издастъ оное подъ своимъ именемъ, то онъ сверхъ обязанности вознаградить сочинителя или художника за всѣ причиненные ему ущербъ и убытокъ, подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылки на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ Сибирскихъ, или заключенію въ тюрьмъ по второй степени статьи 31 сего Уложенія.

1684. Кто, не выдавая себя за автора чужаго сочиненія, перевода или иного произведенія наукъ, искусствъ или художествъ, но зная, что оное есть литературная или художественная собственность другаго, будетъ, безъ надлежащаго уполномочія, находящимся у него по какому-либо случаю произведеніемъ сего рода располагать какъ-бы принадлежащимъ ему, напечатать или дозволивъ напечатать книгу, статью или музыкальныя ноты, или же представить драматическое или играть музыкальное сочиненіе въ публичномъ собраніи, или повторяя и размножая картины и другія произведенія искусствъ или художествъ, тотъ за сіе, сверхъ слѣдующаго за причиненныя имъ чрезъ то убытки вознагражденія, приговаривается:

къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ.

Сему-жъ наказанію подвергаются какъ тѣ, которые, безъ дозволенія автора, напечатаютъ или дозволятъ напечатать новымъ изданіемъ книгу, статью или музыкальное сочиненіе или эстампъ, такъ и тотъ, который продастъ рукопись или право на изданіе книги, статьи или музыкальнаго сочиненія или эстампа нѣсколькимъ лицамъ порознь, безъ ихъ согласія, если при семъ не было съ его стороны никакого подлога или иного обмана.

1) Ст. 1684 можетъ быть примѣняема только въ томъ случаѣ, когда представленіе драматическаго произведенія произошло безъ надлежащаго дозволенія автора: одна же неуплата приходящагося автору вознагражденія можетъ быть только предметомъ гражданскаго иска. Поэтому вопросъ о существованіи согласія автора представляется крайне существеннымъ

и безусловно долженъ быть разсмотрѣнъ судомъ уголовнымъ. 77—16 Полуева.

2) Ст. 1684, предусматривая самовольное со стороны какого либо лица распоряженіе чужимъ драматическимъ произведеніемъ, находящимся у этого лица по какому либо случаю, во все не подразумеваетъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ какого либо необыкновеннаго, не всякому доступнаго способа приобрѣтенія чужого произведенія или, другими словами, какого либо чрезвычайнаго случая, а признаетъ это равносильнымъ выраженію «по какому бы то ни было случаю». 79—34 Сервье.

3) Въ постановленіи ст. 1684 о самовольномъ распоряженіи чужими драматическими произведеніями не дѣлается никакого различія между напечатанными и не напечатанными произведеніями, такъ какъ право литературной собственности нарушается въ обоихъ случаяхъ одинаково. 79—34 Сервье.

1685. Тѣ, которые, не перепечатывая вполнѣ книги, статьи или музыкальнаго сочиненія, или цѣлаго эстампа, помѣщаютъ въ своихъ книгахъ, журналахъ, гравюрахъ и т. п. какія-либо заимствованныя въ размѣрѣ выше опредѣленной закономъ части литературныхъ или художественныхъ произведеній такихъ авторовъ или художниковъ, которые еще въ живыхъ, или коихъ права на ученую или художественную собственность принадлежать еще исключительно ихъ наслѣдникамъ или другимъ лицамъ, приговариваются:

къ денежному взысканію не свыше двойной цѣны всѣхъ напечатанныхъ ими экземпляровъ книги, нотъ или эстамповъ съ такими, заимствованными изъ чужихъ произведеній, частями.

Примѣчаніе. Дѣла о присвоеніи ученой или художественной собственности (ст. 168—1685) начнутся не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго вредъ или убытокъ.

— Такъ какъ потерпѣвшимъ лицомъ является не только собственникъ вещи, но всякій фактический владѣлецъ этою вещью или имѣющій обязанность охранять владѣніе ею, то и за обществомъ русскихъ драматическихъ писателей, обязаннымъ охранять право литературной собственности на драматическія произведенія его членовъ, нельзя не признать права предъявлять иски какъ въ уголовномъ такъ и въ гражданскомъ порядкѣ, смотря по свойству самаго правонарушенія. (78—63 Выходцевъ) ¹.

---

¹ Большая часть пассаціонныхъ рѣшеній, заимствована нами изъ Справочной книги «Законы о печати» Э. Месеріанца.

Международный союз для защиты литературных и художественных произведений.

Германія, Бельгія, Испанія, Франція, Великобританія, Гаити, Италия, Люксембургъ, Монако, Швейцарія, Тунисъ.

БЕРНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ.

(9 сентября 1886 года).

Ст. 1. Договаривающіяся государства составляютъ Союзъ для защиты правъ авторовъ на ихъ литературныя и художественныя произведенія.

2. Авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ одного изъ государствъ Союза, или ихъ правопреемники (*leurs ayants cause*), пользуются въ другихъ государствахъ Союза защитой ихъ произведеній, напечатанныхъ въ этихъ государствахъ или еще неизданныхъ, на основаніи правъ, которыя предоставлены, въ настоящемъ или будущемъ, національнымъ авторамъ.

Для того, чтобы пользоваться защитой своихъ правъ, авторъ долженъ исполнить формальности, предписанныя законодательствомъ страны, гдѣ впервые напечатано про-

изведение (du pays d'origine de l'oeuvre); срокъ защиты произведенія въ другихъ государствахъ не можетъ превышать того, которымъ оно пользуется въ странѣ своего изданія.

Считается мѣстомъ изданія произведенія та страна, гдѣ оно было впервые напечатано, или, если это изданіе появилось одновременно въ нѣсколькихъ государствахъ Союза, то изъ нихъ, въ которомъ законодательство устанавливаетъ наивысшій срокъ защиты.

Для произведеній неизданныхъ мѣстомъ происхожденія считается государство, къ которому принадлежить авторъ.

3. Постановленія настоящей Конвенціи примѣняются также къ издателямъ литературныхъ и художественныхъ произведеній, напечатанныхъ въ одномъ изъ государствъ Союза, хотя бы авторъ ихъ и не былъ подданнымъ ни одного изъ членовъ Союза.

4. Выраженіе „литературныя и художественныя“ произведенія обнимаетъ: книги, брошюры и всякаго рода писанія (tous autres écrits); произведенія драматическія и драматическо-музыкальныя, безъ словъ и со словами, рисунки, картины, скульптура, гравюры, литографіи, иллюстраціи, географическія карты, планы, чертежи и пластическія произведенія, относящіяся до географіи, топографіи, архитектуры и къ наукамъ вообще; наконецъ, всякое произведеніе изъ области литературы, науки или искусства, которое можетъ быть издано какимъ бы то ни было способомъ печатанія или воспроизведенія.

5. Авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ одного изъ государствъ Союза, или ихъ правопреемники, пользуются въ другихъ государствахъ Союза въ теченіе 10 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ въ одномъ изъ этихъ государствъ исключительнымъ правомъ дѣлать и дозволить переводы своихъ произведеній.

Для сочиненій, издаваемыхъ выпусками, десятилѣтній срокъ исчисляется со дня выхода въ свѣтъ послѣдняго выпуска оригинала. Для сочиненій въ нѣсколькихъ томахъ, издаваемыхъ съ нѣкоторыми промежутками времени, а также для сборниковъ и періодическихъ изданій, издаваемыхъ учеными и литературными обществами или частными лицами, — всякій такой томъ, номеръ или тетрадь, будетъ считаться, при исчисленіи вышеуказанныхъ 10 лѣтъ, за самостоятельное изданіе.

Во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ настоящею статьею, днемъ изданія сочиненія считается 31 декабря года, когда сочиненіе вышло въ свѣтъ.

6. Переводы съ дозволенія автора защищаются наравнѣ съ оригинальными произведеніями. Они пользуются, слѣдовательно, защитой, гарантированной статьями 2-й и 3-й, противъ недозволеннаго воспроизведенія въ государствахъ Союза.

Если право перевода даннаго произведенія находится уже въ общественномъ достояніи, переводчикъ не можетъ помѣшать изданію новаго перевода того же произведенія.

7. Статьи, помѣщенные въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ, издаваемыхъ въ одномъ изъ государствъ

Союза, могутъ быть воспроизводимы, въ оригиналѣ или переводѣ, во всѣхъ другихъ государствахъ союза, кромѣ случая, когда авторъ или издатель специально оговариваетъ противоположное. Для періодическихъ изданій такая оговорка можетъ быть сдѣлана въ формѣ общей отмѣтки на обложкѣ журнала.

Указанное воспрещеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ касаться статей политическаго содержанія, мелкихъ извѣстій и новостей (*faits divers*).

8. Что касается права дѣлать выдержки изъ сочиненій литературныхъ или художественныхъ для изданій, имѣющихъ образовательное предназначеніе или научный характеръ и для хрестоматій, государствамъ Союза предоставляется регулировать его посредствомъ законодательства внутреннихъ и частныхъ между собой соглашеній.

9. Статья вторая будетъ также примѣняема къ публичному исполненію драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ произведеній, независимо отъ того, изданы они или нѣтъ.

Авторы драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ произведеній, или ихъ правопреемники, также имѣютъ исключительное право публичнаго исполненія ихъ произведеній въ переводѣ на все время ихъ права исключительнаго перевода вообще.

Постановленія второй статьи будутъ также примѣняемы къ публичному исполненію произведеній музыкальныхъ не изданныхъ и тѣхъ изъ изданныхъ, авторы которыхъ сдѣлаютъ на обложкѣ заявленіе о томъ, что

они запрещаютъ публичное исполненіе даннаго своего произведенія.

10. Къ числу недозволенныхъ воспроизведеній, въ смыслѣ настоящей Конвенціи, относятся также всѣ косвенные способы пользованія литературнымъ или художественнымъ произведеніемъ, извѣстные подъ различными названіями: *переложенія* (музыкальныя), *передѣлки* и т. п., которыя передаютъ сочиненіе въ той же формѣ, но съ измѣненіями, добавленіями и сокращеніями, не представляющими новаго произведенія искусства.

Однако, судамъ государствъ Союза предоставляется право, при примѣненіи настоящей статьи, принимать въ соображеніе мѣстныя законодательства.

11. Авторъ сочиненія, подлежащаго защитѣ на основаніи постановленій настоящей Конвенціи, считается таковымъ, если не доказано противное, и поэтому можетъ вчинать иски о контрафакціи передъ судомъ всѣхъ государствъ — если на книгѣ обычнымъ способомъ означено его имя.

Что касается произведеній анонимныхъ и псевдонимныхъ, издатели ихъ, имя которыхъ выставлено на обложкѣ изданія, заступаютъ мѣсто автора въ защитѣ правъ его. Эти издатели считаются, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, пріемниками авторскихъ правъ на сочиненія псевдонимныя и анонимныя.

Впрочемъ, судамъ оставляется право требовать — если они признаютъ то необходимымъ — представленія особаго свидѣтельства отъ компетентнаго учрежденія въ удостовѣреніе того, что формальности, требуемыя статьею 2-ю, были исполнены надлежащимъ образомъ.

12. Всякое контрафактное издание можетъ быть задержано въ моментъ ввоза его въ одно изъ государствъ Союза, если оригиналь сочиненія пользуется защитой.

Задержание происходитъ согласно съ постановленіями мѣстнаго законодательства.

13. Постановленія настоящей Конвенціи не могутъ помѣшать ни одному изъ государствъ Союза воспользоваться правомъ дозволять, наблюдать и запрещать административнымъ порядкомъ распространеніе, публичное исполненіе и выставленіе всякаго произведенія, по отношенію къ которому сочтено будетъ нужнымъ примѣнить одну изъ такихъ мѣръ.

14. Настоящая Конвенція, за исключеніями, которыя будутъ указаны особымъ соглашеніемъ, будетъ примѣняема ко всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя въ моментъ входа ея въ законную силу не будутъ еще находиться въ общественномъ пользованіи (*domaine public*).

15. Государства Союза сохраняютъ право заключать между собою частныя соглашенія, но съ условіемъ, чтобы эти соглашенія гарантировали авторамъ или ихъ правопреемникамъ болѣе обширныя права, чѣмъ тѣ, которыя дарованы Союзомъ, или чтобы они содержали другія постановленія, не противорѣчащія настоящей Конвенціи.

16. Учреждается международное Бюро подъ названіемъ:

„Бюро международного Союза для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній“.

Это Бюро, расходы по которому покрываются всеми государствами Союза, находится под высоким покровительством Швейцарскаго правительства и дѣйствуетъ подъ его контролемъ.

Размѣръ суммы, который будетъ уплачивать каждое государство Союза на содержаніе Бюро, будетъ опредѣленъ особымъ соглашеніемъ.

17. Настоящая Конвенція можетъ быть подвергнута измѣненіямъ, съ цѣлью ввести въ нее улучшенія.

Всѣ подобныя вопросы, такъ же какъ и другіе имѣющіе цѣлью развитіе Союза, будутъ разбираемы въ послѣдующихъ конференціяхъ, которыя будутъ созваны въ всѣхъ государствахъ Союза по очереди.

Ни одно измѣненіе настоящей Конвенціи не будетъ имѣть силы, если оно не будетъ утверждено всеми государствами Союза.

18. Государства, не участвовавшія въ настоящей Конвенціи, но гарантирующія авторамъ тѣ же права, что и настоящая Конвенція, могутъ къ ней примѣнить.

О такомъ присоединеніи будетъ письменно сообщено Швейцарскому правительству, которое, въ свою очередь, извѣститъ о немъ другія государства Союза.

Подобное присоединеніе будетъ подразумѣвать признаніе всѣхъ постановленій и пользованіе всеми выгодами настоящей Конвенціи.

19. Государства, примѣнувшія къ настоящей Конвенціи, могутъ также включить въ Союзъ во всякое

время и свои колоніи или страны, находящіяся подъ ихъ покровительствомъ.

Съ этой цѣлью они могутъ или сдѣлать безусловно заявленіе относительно присоединенія всѣхъ ихъ колоній и владѣній, или перечислить нѣкоторые изъ нихъ, или назвать тѣ, которыя не должны быть включены въ члены Союза.

20. Настоящая Конвенція войдетъ въ силу черезъ три мѣсяца послѣ обмѣна ратификацій и останется дѣйствительною неопредѣленное количество времени до истеченія одного года съ того момента, какъ члены, ея откажутся отъ ея исполненія.

Отказы отъ настоящей Конвенціи будутъ посылаемы тому же правительству, которое будетъ принимать и новыхъ членовъ. Отказы отъ настоящей Конвенціи будутъ имѣть силу только для отказавшихся государствъ; Конвенція будетъ оставаться дѣйствительною для другихъ государствъ Союза.

21. Настоящая Конвенція будетъ ратификована, и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Бернѣ не позже какъ черезъ годъ.

Дополнительная статья.

Уполномоченные, собравшіеся для подписанія Конвенціи по установленію международнаго Союза для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній, согласились о слѣдующей дополнительной статьѣ, кото-

рая. будетъ ратификована одновременно съ относящейся къ ней статьѣ:

Настоящая Конвенція не лишаетъ силы частныя конвенціи, заключенныя между государствами Союза, подъ тѣмъ условіемъ, что эти соглашенія предоставляютъ авторамъ или ихъ правопреемникамъ большія права, чѣмъ настоящая Конвенція, или не противорѣчатъ ей.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛЬ.

I. По отношенію къ ст. 4-й рѣшено, что въ государствахъ Союза, которыя считаютъ фотографію художественнымъ произведеніемъ, фотографіи будутъ пользоваться, со дня входа въ силу настоящей Конвенціи, защитой въ границахъ, ею указанныхъ. Впрочемъ, всякому государству предоставляется, въ дѣлѣ защиты фотографій, сообразоваться со своимъ законодательствомъ и частными конвенціями, этимъ государствомъ заключенными.

Дозволенныя авторомъ фотографіи художественнаго произведенія, пользующагося защитой на общихъ основаніяхъ, будутъ защищаться отъ воспроизведенія такъ же долго, какъ и изображаемыя ими художественныя произведенія.

II. По отношенію къ статьѣ 6-й, рѣшено, что государства, законодательства которыхъ считаютъ хореграфическія произведенія (балеты и проч.) за драматическо-музыкальными, будутъ защищать таковыя въ силу настоящей Конвенціи.

Впрочемъ, въ случаѣ затрудненія по поводу толко-

ванія настоящего постановленія, они будутъ рѣшаться по усмотрѣнію мѣстнаго суда.

III. Изготовленіе и продажа механическихъ музыкальныхъ инструментовъ, воспроизводящихъ чужіе мотивы—не считается контрафакціей.

IV. Взаимное соглашеніе, предусмотрѣнное ст. 14 Конвенціи, опредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Настоящая Конвенція будетъ примѣняема къ тѣмъ произведеніямъ, которыя въ моментъ ея входа въ силу не будутъ находиться въ общественномъ пользованіи, но не иначе какъ при соблюденіи условій, заключающихся въ особыхъ частныхъ конвенціяхъ, уже подписанныхъ или имѣющихъ быть подписанными между государствами Союза.

Въ случаѣ отсутствія такихъ конвенцій между государствами Союза, отдѣльныя правительства издадутъ, каждое для своей территоріи, особыя законодательныя распоряженія для выясненія подробностей примѣненія на практикѣ ст. 14 Бернской конвенціи.

V. Организация международнаго Бюро, установленнаго ст. 16 Конвенціи, будетъ опредѣлена правилами, которыя будутъ выработаны Швейцарскимъ правительствомъ.

Международное Бюро централизируетъ всякія свѣдѣнія, касающіяся защиты авторскихъ правъ; оно будетъ ихъ приводить въ порядокъ и обнародовать; оно будетъ заниматься изслѣдованіями, могущими быть полезными Союзу, и будетъ издавать, на основаніи свѣдѣній, которыя будутъ ему доставлены различными администраціями, періодическій журналъ на французскомъ языкѣ, посвященный вопросамъ, касающимся

Союза¹. Государства Союза оставляют за собой право дозволить Бюро, съ общаго согласія, издавать журналъ еще на одномъ или нѣсколькихъ другихъ языкахъ, въ случаѣ если опытъ покажетъ необходимость такого изданія.

Международное Бюро должно находиться въ распоряженіи членовъ Союза, чтобы доставлять имъ всѣ нужныя свѣдѣнія, касающіяся защиты авторскихъ правъ.

Правительство страны, въ которой соберется конференція, будетъ заниматься подготовительными работами этой конференціи при содѣйствіи международного Бюро.

Директоръ международного Бюро будетъ присутствовать на засѣданіяхъ конференцій и будетъ принимать участіе въ преніяхъ, но только съ правомъ голоса совѣщательнаго. Онъ будетъ составлять о своей дѣятельности ежегодный рапортъ, который будетъ сообщенъ всѣмъ членамъ Союза.

Въ расходахъ на содержаніе международного Бюро будутъ участвовать всѣ государства Союза. Предѣльная сумма на содержаніе Бюро назначена пока въ 60.000 франковъ. Эта сумма можетъ быть, въ случаѣ необходимости, увеличена простымъ рѣшеніемъ одной изъ конференцій, предусмотрѣнныхъ ст. 17.

Для опредѣленія части, которую должно внести каждае государство Союза въ общую сумму на содержаніе Бюро, контрагентныя государства и тѣ, которыя

---

¹ Первый номеръ этого журнала вышелъ 15 января (нов. ст.) 1888 г. и носилъ названіе: *Le Droit d'Auteur, organe officiel du Bureau de l'Union internationale pour la protection des oeuvres litteraires et artistiques.* Онъ выходитъ въ Бернѣ (Швейцарія).

присоединятся къ Союзу позже, будутъ раздѣлены на шесть классовъ, каждый классъ съ слѣдующимъ числомъ единицъ.

1 классъ	25	единицъ.
2 "	20	"
3 "	15	"
4 "	10	"
5 "	5	"
6 "	3	"

Эти цифры умножаются каждая на число государствъ, принадлежащихъ къ извѣстному классу, и полученныя такимъ образомъ произведенія складываются. Сумма всѣхъ расходовъ дѣлится на полученную сумму, а частное составляетъ одну единицу расхода.

Каждое государство заявить, во время его присоединенія, къ какому изъ классовъ оно желаетъ быть отнесено.

Швейцарское правительство будетъ составлять бюджетъ международного Бюро, будетъ слѣдить за расходами его, будетъ дѣлать нужныя выдачи суммъ и будетъ составлять ежегодный счетъ, который будетъ сообщенъ всѣмъ другимъ правительствамъ.

VI. Слѣдующая конференція соберется въ Парижѣ послѣ четырехлѣтняго до шестилѣтняго срока, начиная со вступленія въ силу Конвенціи.

Французское правительство назначить, въ предѣлахъ этого срока, и спросить мнѣніе международного Бюро, время сбора этой конференціи.

VII. При обмѣнѣ ратификацій, о которомъ говоритъ ст. 21, каждая сторона представитъ только одинъ экземпляръ акта, который и будетъ переданъ въ архивъ швейцарскаго правительства. Въ обмѣнѣ каждая сторона получитъ по экземпляру протокола объ обмѣнѣ ратификацій, подписаннаго всѣми уполномоченными.

Настоящій заключительный протоколъ (protocole de clôture), который будетъ ратификованъ одновременно съ настоящей Конвенціей, будетъ считаться составной частью этой Конвенціи, будетъ имѣть ту же силу, значеніе и продолжительность.

Протоколъ подписанія.

(Procès-verbal de signature),

Нижеподписавшіеся уполномоченные, собравшіеся нынѣшняго числа для подписанія Конвенціи, относящейся къ установленію *Международнаго Союза для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній*, обмѣнялись слѣдующими заявленіями:

1) По отношенію къ присоединенію колоній или иностранныхъ владѣній (possession. étrangères), предусмотрѣннаго ст. 19-й Конвенціи:

Уполномоченные его величества короля Испаніи оставляютъ за испанскимъ правительствомъ право объявить свое рѣшеніе во время обмѣна ратификацій¹.

Уполномоченный Французской республики заявляетъ,

---

¹ При обмѣнѣ ратификацій испанское правительство заявило, что «присоединеніе Испаніи къ Конвенціи подразумѣваетъ также и присоединеніе всѣхъ территорій, испанской королю подчиненныхъ».

что, одновременно съ Франціей, присоединяются къ Союзу и всё ея колоніи.

Уполномоченные ея величества королевы Великобританской заявляютъ, что присоединеніе Великобританіи подразумѣваетъ присоединеніе соединенныхъ королевствъ Великой Британіи и Ирландіи, а также всехъ колоній и иностранныхъ владѣній ея величества королевы Великобританской.

Однако, Великобританское правительство сохраняетъ за собой право заявить во всякое время объ исключеніи изъ числа членовъ Союза отдѣльно одной или нѣсколькихъ изъ слѣдующихъ колоній или владѣній, какъ это предусмотрено ст. 20-й Конвенціи: Индія, Канада, Нью-Фаундлендъ, Капштадтъ, Новый Южный Валисъ, Викторія, Кинсландъ, Тасманія, Южная Австралія, Западная Австралія и Новая Зеландія.

2) По отношенію къ распредѣленію государствъ Союза на классы для внесенія суммъ на содержаніе международнаго Бюро.

Уполномоченные заявляютъ, что представляемые ими государства должны быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Германія	въ 1-мъ классѣ.		
Бельгія	3	"	"
Испанія	2	"	"
Франція	1	"	"
Великобританія	1	"	"
Гаити	5	"	"
Италія	1	"	"
Швейцарія	3	"	"
Тунисъ	6	"	"

Уполномоченный республики Либерія заявляетъ, что полномочія, которыя онъ получилъ отъ своего правительства, позволяютъ ему подписать Конвенцію, но что онъ не получилъ инструкцій, касающихся класса, къ которому представляемое имъ государство должно быть отнесено по уплатѣ расходовъ междунагоднаго Бюро. Поэтому, онъ оставляетъ рѣшеніе его правительства по этому вопросу до обмѣна ратификацій.

Въ свидѣтельство чего уполномоченные государствъ подписали настоящій протоколъ.

Подписано въ Бернѣ 9-го сентября 1886 года.

(Слѣдуютъ подписи).

Позже къ Конвенціи присоединились великое княжество Люксембургъ и княжество Монако. ¹.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЛЕВЦОВСКАЯ

¹ Переводъ текста Бернской конвенціи заимствованъ нами изъ брошюры г. Гальперина-Каминскаго «Общій козъза авторскаго права».

Рглавленіе.

	стр.
Историческій очеркъ	1
Юридическія основанія литературной собственности (теорія собственности литературной и критика ея, теорія договорная, личная, монополярная) . .	11
Сроки дѣйствія авторскаго права въ западноевропейскихъ странахъ	35
Литературная собственность въ Россіи	40
Международная защита авторскихъ правъ (Бернская конвенція)	48
Сравнительный очеркъ русскаго и западноевропейскихъ законодательствъ	57
Объектъ литературной собственности	57
Компиляціи	60
Переводы	62
Частныя письма	65
Словесныя произведенія	69
Періодическія изданія	72
Возникновеніе и переходъ авторскихъ правъ	75
Контрафакція (гражданская отвѣтственность и уголовная наказуемость).	85
Литература по вопросу о литературной собственности	93

Приложенія:

I. Сводъ дѣйствующихъ узаконеній и постановленій о литературной и художественной собственности, съ разъясненіями по Кассационнымъ рѣшеніямъ Сената	100
II. Бернская Конвенція	142

